

П.Е. ЩЕТИНКИН (1884–1927). МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

**ПЕТР ЕФИМОВИЧ
ЩЕТИНКИН
(1884–1927)
МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ**

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ
УПРАВЛЕНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ
ПО НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

**ПЕТР ЕФИМОВИЧ
ЩЕТИНКИН**

(1884–1927)

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

Новосибирск
2021

Редакторы:
С.А. Лукашов,
кандидат исторических наук *Д.Г. Симонов*

Составители:
О.В. Выдрина, Р.Д. Новожилов,
А.О. Пронин, И.В. Самарин, И.А. Хохрина

Консультант:
В.М. Шпанко

Набор текста: *Е.В. Сокотущенко*
Верстка: *О.В. Серегин*

П.Е. Щегинкин (1884–1927). Материалы к биографии.
– Новосибирск, 2021. – 200 с.

В предлагаемой читателю книге представлены материалы к биографии Петра Ефимовича Щегинкина – героя Первой мировой войны, одного из руководителей партизанского движения в Сибири в период Гражданской войны, активного участника советского государственного строительства в Сибири в 1920-е годы. В книге представлены документы из фондов Государственного архива Новосибирской области и архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Новосибирской области. Издание ориентировано на широкий круг читателей, интересующийся историей России.

© ГКУ Новосибирской области
«Государственный архив Новосибирской области»

© Управление Федеральной службы безопасности
России по Новосибирской области

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемой читателю книге представлены материалы к биографии Петра Ефимовича Щетинкина – героя Первой мировой войны, одного из руководителей партизанского движения в Сибири в период Гражданской войны, активного участника советского государственного строительства в Сибири в 1920-е годы.

П.Е. Щетинкин родился 21 декабря 1884 г. (2 января 1885 г. по новому стилю) в селе Чуфилово Неверовской волости Касимовского уезда Рязанской губернии в крестьянской семье. Окончил два класса церковно-приходской школы, после чего уехал в Москву, где работал «по плотницкой части». В октябре 1906 г. он был призван на военную службу, окончил полковую учебную команду, а в декабре 1909 г. уволился в запас в звании старшего унтер-офицера. В 1911 г. он поступил на сверхсрочную службу в 29-й Сибирский стрелковый полк. В 1913 г. окончил школу подпрапорщиков.

В 1914 г. в качестве фельдфебеля 5-й роты полка он выступил на фронт и в течение одного года за отличия в боях был награжден четырьмя Георгиевскими крестами, двумя Георгиевскими медалями и военной медалью Французской республики. 15 августа 1915 г. за боевые отличия подпрапорщик П.Е. Щетинкин был произведен в прапорщики с назначением командиром 7-й роты 29-го Сибирского стрелкового полка. В декабре 1916 г. переведен на должность начальника учебной команды вновь формируемого 59-го Сибирского стрелкового полка. Был награжден орденами Св. Станислава III ст. с мечами и бантом, Св. Анны с мечами и бантом III ст., Св. Станислава II ст. с мечами, произведен в подпоручики, поручики и штабс-капитаны.

В декабре 1917 г. после расформирования учебной команды и, будучи избранным солдатами начальником хозяйственной части полка, Щетинкин отправился в отпуск в город Ачинск и в связи с общим развалом старой армии на фронт уже не вернулся. По собственному признанию он в Февральской и Октябрьской революции никакого активного участия не принимал, но 1 марта 1918 г. сделал свой выбор – поступил на советскую службу, заняв должность начальника уголовного розыска в городе Ачинске и вступив в ряды РСДРП(б).

В конце мая – начале июня 1918 г. на всем протяжении Транссибирской железнодорожной магистрали произошло антибольшевистское выступление частей Чехословацкого корпуса, к которым присоединились русские подпольные военные

организации, действовавшие под эгидой Временного Сибирского правительства. При наступлении чехословаков на Ачинск Щетинкин был избран членом военно-революционной тройки и командиром красногвардейского отряда, который предполагалось сформировать интернационалистов-бывших военнопленных Первой мировой войны. Однако интернационалисты отказались участвовать в активных военных действиях. К концу июня Советская власть на территории Енисейской губернии пала, а П.Е.Щетинкин до ноября вынужден был скрываться в тайге.

К этому времени, в августе-сентябре 1918 г. Временное Сибирское правительство осуществило мобилизацию в войска новобранцев 1898–1899 гг. рождения. Хотя в целом эта мобилизация прошла успешно, но именно на территории Ачинского и Канского уездов Енисейской губернии она была сорвана. Почти все новобранцы, явившиеся на призывные пункты и распределенные по воинским частям, к декабрю разбежались по домам. Попытки властей вернуть беглецов на службу вызвали сопротивление как со стороны самих новобранцев, так и их родителей. Таким образом, на территории двух уездов появилась группа в несколько тысяч человек, поставившая себя вне законов, диктуемых новой властью.

Да и сама антибольшевистская власть в условиях информационного вакуума не выглядела сколько-нибудь стабильной. 4 ноября Временное Сибирское правительство самоупразднилось, передав власть Директории (Временному Всероссийскому правительству), которая 18 ноября в результате государственного переворота была свергнута, а к власти пришел Верховный правитель адмирал А.В. Колчак.

Чехословацкий корпус, сыгравший важную роль в свержении Советской власти в Сибири летом 1918 г., после окончания Первой мировой войны отказался от активных действий на фронте против регулярной Красной Армии и к началу 1919 г. был передислоцирован в Восточную Сибирь для охраны железнодорожной магистрали. При этом чехословаки, находясь в ведении командующего «союзными войсками» в Сибири французского генерала М. Жанена, колчаковскому военному командованию и русской гражданской администрации не подчинялись. По признанию многих руководителей и активных участников Белого движения, чехи вели себя в Сибири как завоеватели на оккупированной территории, относясь к местному населению как к туземцам, недостойных человеческого к ним отношения. Сложилась диалектическая ситуация – чехи, враждебно относившиеся к режиму адмирала Колчака, и в конечном итоге выдавшие его большевикам, воспринимались местным населением в качестве неотъемлемой и органической частью колчаковского политического режима. В данном контексте борьба с этим режимом неизбежно должна была принять формы национально-освободительного движения.

Именно в этих условиях Щетинкин приступил к активным действиям, направленным на организацию массового сопротивления колчаковскому режиму. В декабре 1918 г. он сформировал Красный добровольческий партизанский отряд численностью 80 человек. К марту 1919 г. отряд разросся до 500 бойцов и провел ряд крупных боев с чехословацкими и белогвардейскими войсками. В апреле, будучи окруженными противником, партизаны Щетинкина прорвались на юг от Трансси-

бирской железнодорожной магистрали и, соединившись с отрядом А.Д. Кравченко. Объединившись, партизанские отряды образовали Партизанскую армию, командующим которой был избран Кравченко, а его помощником – Щетинкин. С боями партизаны совершили многосоткилометровый рейд на Минусинск.

Апогеем военных успехов партизан стал разгром белогвардейской группы войск есаула Г.К. Бологова и овладение городом Минусинском 13 сентября 1919 г. В ходе наступления регулярной Красной армии на Восточном фронте армия Кравченко-Щетинкина нанесла удар в левый фланг и тыл отступавшим войскам Колчака, обеспечив их ликвидацию как организованной силы в районе Красноярска в конце декабря 1919 – начале января 1920 г. К этому времени в составе армии насчитывалось 22 тыс. бойцов при 153 пулеметах и шести орудиях. Историю партизанской армии Щетинкин обстоятельно описал в воспоминаниях, публикуемых в настоящем сборнике.

После восстановления Советской власти в Сибири партизанская армия была расформирована, а Щетинкин распоряжением Сибревкома назначен членом Чрезвычайного революционного трибунала, созданного для суда над бывшими колчаковскими министрами. 4 июля 1920 г. по распоряжению Сибревкома он назначается уполномоченным Центральной комиссии по восстановлению разрушенных хозяйств Сибири по Енисейской губернии. Вскоре 1-м Ачинским уездным съездом советов избирается товарищем председателя уездного исполнительного комитета, а затем и членом уездного комитета РКП(б). На губернском съезде Советов его избирают членом губисполкома и делегатом на VIII Всероссийский съезд Советов. В сентябре того же года он собрал добровольцев из числа бывших партизан, сформировал из них 21-й стрелковый полк и отправился на Южный фронт Советской Республики, действовавший против армии генерала барона П.Н. Врангеля.

По предложению Дальневосточного секретариата Коминтерна 15 марта 1921 г. Щетинкин был назначен начальником экспедиционного отряда, который был создан в составе 5-й Красной армии для похода в Монголию, против Азиатской конной дивизии генерала барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга. Именно отряд Щетинкина пленил Унгерна 19 августа 1921 г. «За активное участие в ликвидации колчаковской армии и за взятие в плен Унгерна» приказом войскам 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа от 22 сентября он был награжден Орденом Красного Знамени. Мундир (жилет монгольского типа, курма) барона Унгерна был передан П.Е. Щетинкиным в музей Минусинска, где хранится в настоящее время.

В октябре того же года он был командирован в Москву для доклада главнокомандующему вооруженными силами Республики С.С. Каменеву о ликвидации войск Унгерна. Видимо, после доклада, получил предложение от главкома стать слушателем Военно-академических курсов высшего командного состава РККА. Период учебы продолжался с 1 ноября 1921 по 1 апреля 1922 г.) По собственному признанию за четыре месяца до окончания курсов он вынужден был прервать обучение ввиду тяжелого материального положения семьи. Вернувшись в Сибирь, с 22 апреля по 1 октября 1922 г. он находился в распоряжении Енисейского губкома ВКП(б), а 3 октября был назначен начальником штаба Сибирского пограничного

округа войск ГПУ (с 22 октября – помощником начальника штаба). Одновременно он занял должность начальника 3-го отделения контрразведывательного отдела Полномочного представителя ГПУ по Сибири. Решением коллегии ГПУ Петр Ефимович был удостоен звания Почетный чекист, с вручением правительственной грамоты за подписью Ф.Э. Дзержинского и нагрудного знака за № 175 (сегодня хранится в краеведческом музее в г. Красноярске).

18 октября 1924 г. Щетинкин назначен на должность помощника старшего инспектора войск ОГПУ Сибири по строевой части и по совместительству с 13 ноября того же года – командиром и военкомом 9-го полка Войск ОГПУ Сибири. Штаб полка размещался в Новосибирске, а отряды полка состояли при губернских отделах ОГПУ в городах Омске, Томске, Красноярске, Иркутске и Барнауле.

В результате реорганизации с 28 января 1925 г. он занимал должность командира-военкома 9-го полка с исполнением обязанностей старшего инспектора войск ОГПУ Сибири. 16 мая 1925 г. он назначен и. д. начальника погранчасти с совмещением должности командира 9-го полка войск ОГПУ. 1 октября 1925 г. освобожден от занимаемых должностей с откомандированием в ОГПУ для прохождения аттестации. В октябре 1925 – июле 1926 г. учился на курсах высшего командного состава РККА.

В 1927 г. по приглашению монгольского правительства Щетинкин вновь выехал в Монголию в качестве советника при Государственной военной охране. 30 сентября 1927 г. погиб (по одной из версий – убит) при невыясненных обстоятельствах. Прах погибшего на боевом посту П.Е. Щетинкина был торжественно похоронен в г. Новосибирске в Сквере Героев Революции а над его могилой установлен бронзовый бюст. Именем Петра Щетинкина названы улицы в Балахте, Верхнем Баскунчаке, Ачинске, Новосибирске, Кемерове, Тайге, Красноярске, Иркутске, Омске, Железногорске, Ужуре, Татарске, Рубцовске и Абакане. В рабочем поселке Тума Клепиковского района Рязанской области (его родина находится в 5 км от рабочего поселка) и в селе Беллык Краснотуранского района Красноярского края также есть улицы Щетинкина. В Минусинске именем Щетинкина назван сквер, где ему установлен памятник. В Кызыле одна из улиц названа именами Щетинкина-Кравченко. В честь Щетинкина названо село и станция в Курагинском районе Красноярского края. В 1928 г. Селенгинское государственное пароходство назвало именем Щетинкина пароход.

Бронзовый бюст П.Е. Щетинкина, первоначально установленный в Сквере Героев Революции в Новосибирске позднее был перенесен к Дому культуры им. Дзержинского, но в начале 1990-х гг. оказался утраченным. В июле 2020 г., по инициативе ветеранов органов безопасности, регионального отделения Российского военно-исторического общества и участников Всероссийской научно-практической конференции «Патриот: актуальные вопросы военной истории России и ее силовых структур» бюст Петра Ефимовича Щетинкина, выполненный по новому проекту, вновь был установлен на своем историческом месте.

Предлагаемый читателю сборник объединяет не публиковавшиеся ранее архивные материалы, которые освещают биографию П.Е. Щетинкина. В основе пу-

бликации – документы, выявленные в архивном фонде П-5 «Сибирская комиссия по изучению истории Коммунистической партии и истории Великой Октябрьской социалистической революции (коллекция)». Впервые публикуются четыре подлинных документа из личного дела П.Е. Щетинкина, находящегося на хранении в фонде 3 архива УФСБ России по Новосибирской области. В книге использованы фотографии из семейного альбома Елены Владимировны Тюнюковой, правнучки П.Е. Щетинкина. Так же в сборник помещены материалы из газеты «Советская Сибирь». Всего в книгу включено ... документов, из них ... – на иллюстративных вкладках.

Археографическая обработка источников проведена в соответствии с «Правилами издания исторических документов (М., 1990). Ей подвергнуты все публикуемые документы. Каждый документ имеет номер, редакционный заголовок, дату. Если сведения о дате написания документа отсутствует, она устанавливалась составителями по сопроводительным материалам, содержанию текста, биографии П.Е. Щетинкина. Там, где точную дату определить не удалось, сделаны оговорки «не ранее», «не позднее» и т.д. которые заключены в квадратные скобки.

Источники, как правило, публикуются без сокращений. Текст печатается по правилам современной орфографии и пунктуации. Языковые погрешности документа передаются дословно, в отдельных случаях даются оговорки. Недостающие элементы текста и слова, пропущенные в тексте, восстановлены составителями в квадратных скобках. Без изменений сохранено написание отдельных специальных терминов. Обозначения единиц физических величин не унифицировались, и они приведены в том варианте, в каком они указаны в документе. В случаях, когда составители не смогли установить инициалы отдельных лиц, их фамилии приводятся без инициалов.

Коллектив составителей выражает благодарность всем работникам ГКУ НСО ГАНУ, принимавшим участие в создании сборника: М.А. Жуковской, Е.В. Сокотущенко, А.А. Митрофанову, О.В. Серегину, Д.С. Карпову, Д.К. Латышеву, О.Р. Паньковой, Т.С. Шаталовой, А.С. Сазыкину.

ЧАСТЬ 1.
Воспоминания

№ 1

**«Партизанские действия в южной части
Енисейской губернии». Воспоминания Петра Ефимовича
Щетинкина, одного из руководителей советского
партизанского движения в Енисейской губернии**

Не позднее 1927 г.

Собственно, момент организации начался следующим образом: один из знакомых мне милиционеров города в базарный день, когда в Ачинск съезжается много крестьян на базар, объявил полуофициальным участником два списка крестьян, каковые были на подозрении у контрразведки и должны быть объявлены вне закона. Список был составлен на крестьян двух деревень – Нагорной и Красновой; по первой сорок человек, по второй – восемнадцать. Естественно, что крестьяне этих сел, бывшие на базаре, по возвращении домой объявили своим поименованным в списке односельчанам об этом акте ачинской контрразведки. Между прочим, в этот список попал один из моих родственников (брат моей жены), живущий в Красновке, где я скрывался. В этот же день этот самый брат жены явился в мое убежище и сообщил о происшедшем. Я посоветовал ему собрать тех восемнадцать человек, какие были упомянуты в красноском списке. Вечером в одном из переулков мною было проведено собрание на тему «Что делать и как себя держать в случае появления карательных отрядов». Побеседовав с ними пару минут, я спросил их, что они предполагают делать дальше. Мне хором ответили, что положение как будто безвыходное, надо бежать в тайгу или вообще принимать что-либо в смысле самозащиты. Учитывая выводы, [сделанные из] создавшейся обстановки, я предложил им присоединиться к организации тов. Марутко в дер. Лапшихе (тов. Марутко – рабочий красноярских ж[елезно]д[орожных] мастерских, член партии с [19]17 года, организовал по поручению красноярского ком[итета] парт[ии] подпольную группу, численностью шестьдесят человек с винтовками).

Мое предложение было встречено с поспешной готовностью, причем тут же мне было сообщено, что имеется второй список по деревне Нагорное. Условившись встретиться на определенный день, мы разошлись в ту же ночь, взяв с собой одного из крестьян Чемрова, я поехал в Лапшиху под видом прибывшего из плена солдата села Б[ольшой] Улуй Беремина. Приезжаю на рассвете в Лапшиху. На улице меня окружили мужички, спрашивают откуда, куда. Сообщаю им, что приехал купить сруб. Тут один из окруживших меня, некто Камоза, предложил заехать к нему. После короткого очень выразительного обмена мнениями по поводу белых карательных отрядов мы открылись друг другу. Я сообщил ему о своем намерении во что бы то ни стало связаться с группой Марутко. Тогда Камоза послал за заведующим местной потребительской лавкой Иваном Разувановым (Безрукий). Через пару минут Иван Разуванов явился и с ним пришел еще какой-то товарищ, оказавшийся секретарем сельской управы Василий Камаза. Затем все трое устроили

мне испытание, очевидно, не совсем доверяя искренности моего желания. Мною был представлен мандат, который удостоверял, что действительно я состоял при советской власти членом военно-революционной тройки. Особенно убедительна была для них знакомая им подпись председателя тройки Сароцк. Тут же мы направились к председателю районного комитета организации т[оварищу] Столпцу, в избе которого мы застали много народу. Один из моих провожатых подошел к Столпцу и что-то шепнул ему. И через 15–20 минут Столпец, удалив некоторых малоизвестных крестьян, пригласил меня побеседовать. Я сделал краткий информационный доклад и выразил желание работать в непосредственной связи с лапшихинской группой. Столпец посоветовал мне немного подождать здесь же, так как, по его словам, через два часа должен приехать тов[арищ] Марутко. «У нас сегодня рай[онный] съезд», – разъяснил Столпец и занялся своими делами. Короче говоря, все обошлось благополучно, приехавший Марутко некоторое время колебался, а затем под давлением Столпца и некоторых других разрешил допустить меня к работе в подпольной группе. Тут же ночью состоялся съезд, причем для охраны съезда, носившего уже полулегальный характер, были выставлены по окраине села собственные патрули из членов организации. Я сделал на съезде доклад, настаивая на присоединении красновских и нагорновских шестидесяти человек к данной организации. Было вынесено постановление выдать мне мандат на организацию группы численностью в восемнадцать и сорок человек. В ту же ночь, возвращаясь в Красновку, собираю свою группу и произвожу регистрацию. Мои надежды оправдались полностью, никто не пошел на попятную. К утру, когда мы собирались расходиться, прибыл представитель от деревни Нагорное, заявивший, что нагорновские мужички не хотят отставать от Красновки. Послав представителя в Нагорное с просьбой собрать сход, я через час выехал туда сам и к полдню имел 150–200 человек, изъявивших желание работать в организации, из них человек 80 были почти все с охотничьим оружием, а остальные, в том числе ветхие старики, обязались помогать деньгами и провиантом. Подушный сбор тут же дал около 2 000–3 000 рублей, которые и были вместе со списком в тот же день отправлены к тов[арищу] Марутко в Лапшпху. Через день Марутко сам прибыл ко мне и поручил организовать два близлежащих района. В Секретарке, деревушке в пяти верстах от Красновки, мне удалось подыскать помещение для райкома у одного из моих приятелей, некоего Телпякова Семена. Недели две или три после указанных событий я разъезжал под видом плотника по окружным деревушкам и селам, вербуя подходящих ребят и устанавливая явочные пункты. Между прочим, во время одной из таких поездок, проезжая по пути на Еловку через деревню Турецкую, я встретил против волостного правления группу арестованных крестьян, которых сопровождали два милиционера, из которых старший милиционер волости Захаров был мне известен как отъявленный взяточник и самодур. Так или иначе, эта встреча меня мало устраивала, и я быстро обошел их, намереваясь поскорее проехать в Листвянку. В Листвянке застаю около мельницы сход; не останавливаясь проезжаю прямо на хутор к одному из наших фельдшеров Пролеско. Его не застаю, оказывается он на собрании. Через пару минут прибегает взволнованный Пролеско и сообщает, что

сход постановил немедленно и открыто выступить. Это было как раз в сочельник.

Опасаясь возможности одновременных выступлений, я тут же выехал в Стрелку. *Заехав в Стрелку и предупредив кое-кого из ребят, приезжаю в Стрелку**. При въезде в село мне говорят, что здесь милиционер Захаров с арестованными. При этом указали, что они находятся в доме председателя управы. Беру двух ребят иду к председателю. Почти у самого дома навстречу нам ехал Захаров, который и был тут же обезоружен, спешен и взят под конвой. Вскакиваем в избу председателя, командуем: «Руки вверх!» Что и было беспрекословно исполнено находящимися в избе младшим милиционером. Милиционер был обезоружен и затем я попросил крестьян сказать, что с ними сделала милиция и какой из двух властителей был наиболее рьян. Ну, оказалось, что крестьян пороли, что спины были в свежих рубцах, т.е., одним словом, все, что полагается. Когда мы хотели выводить обоих стражников, то крестьяне просили не наказывать младшего милиционера, который относился к ним всегда мягко, по совести. Просьба их была удовлетворена. И им, и младшему милиционеру было дано приказание идти в Тулат и ждать там общего восстания. Старший же милиционер Захаров был тут же за деревней нами расстрелян. В тот же день были проведены открытые сходы на предмет вообще организации и восстания. Приехав в Красновку, я сделал распоряжение выставить заставу за д[еревню] Нагорново, сам же отправился на латышские хутора для дальнейшей организации, где завербовал 9 чел[овек].

Возвращаясь обратно, я получил сведения, что в Лапшихе находится карательный отряд белых. О намерениях выезда этого отряда в наш район, я заранее имел сведения от гор[одской] организации, почему и распорядился выставить сильные заставы на всех дорогах, идущих из города в наш тыл, но благодаря халатности нач[альника] заставы, люди разошлись по домам, а тем временем и появился карательный отряд.

Произошло это следующим образом. Выставленная застава, соблюдая крестьянские традиции, выпила малую толику по случаю праздника и, бросив пост, разошлась по домам «переспать ночь», как они выражались. Как раз в это время карательный отряд вошел в деревню. Разбуженные воины успели спастись, и карателям удалось поймать только одного подводчика как раз в тот момент провозившего через село, по поручению комитета, несколько винтовок и две гранаты. Было выпорото достаточное количество крестьян, немножко пограбили и, закончив эти несложные обязанности, отряд ушел в город. Потом было еще несколько тревог в виде слухов, что каратель на Стрелке, но по проверке таковых все оказывалось спокойно.

Мне пришлось к этому времени выехать на журавлевский участок для организации разрозненных латышских хуторов, загнав недели на три всю организацию в подполье. Вот тут в деревне Нагорново я встретился с тов[арищем] Васильевым-Улановым, который был командирован Красноярским губкомом для организации партизанщины. С приездом тов[арища] Уланова работа вновь оживилась и от подполья сразу перешли к активности. Уланов передал мне, что он проехал

* Так в документе.

по всему району, виделся с Марутко и что Марутко был выделен отряд под командой Красницкого в направлении Тулага. Побеседовав, мы решили проехать через Б[ольшой] Улуй и даже на Тулат, где и соединились с Красницким, забирая по дороге вооруженных повстанцев. Таким образом, нас выехало из Нагорново 12 чел[овек], 15 чел[овек] присоединилось в Секретарке, 5 чел[овек] – в Сучкове. По дороге мы обезоружили милицию и офицера, находящегося в отпуске, и прошли этот путь в два дня. Уже из Тулата соединенными силами пошли тайгой через Усть-Ольховку на деревню Конторин, которой заканчивается лесная дорога в тайге. Здесь был тупик и самое удобное место для временной организации тыла. Тут в Конторине нас собралось 90 чел[овек], бросив[ших] свои дома, семьи и готовых на все. Были произведены выборы ком[андного] состава, при этом начальником отряда был выбран Щетинкин, его помощником – Уланов и начальником хозяйственной части – Марутко. Отряд был разбит на шесть частей по 15 человек в каждой. На третий день нашего пребывания в Конторине прибыл Семен Тепляков и сообщил, что в Красновке орудует карательный отряд, что искали Щетинкина и поркой вынуждали у его жены различные показания, т.е., одним словом, вели себя так, как им вести и полагается. Это случилось приблизительно во второй половине февраля и начиная с первого дня нашего пребывания в Конторине к нам со всех сторон стягивались группы добровольцев, так что численность нашего отряда быстро выросла до двухсот человек. Ждать было нечего и, решив действовать, мы выбросились в северную часть уезда и образовали фронт – Конторин, Ольховая, Велико-Княжеское, Тимонино, Стрелка, Красновка, Курбатово, Журавлево, Ладок, Кандат-Томский. Около 30 проц[ентов] нашего отряда, вооруженного винтовками, а остальные охотничьими холодными оружиями. Между прочим, в день выступления Конторина, мы провели в Ново-Еловке митинг под лозунгом «Война – дворцам, мир – хижинам!». Начавшийся очень удачно митинг был сорван провокационным слухом, что из города на Ново-Еловку идет отряд. Я с отрядом цепью почти бегом вышел на Листвянку, предполагая встретить отряд, с Листвянки – на Стрелку и ни тут, ни там никого не обнаружил. В Листвянке на общем собрании отряда ставился вопрос о дисциплине и было вынесено решение, обуславливающее железную неумолимую дисциплину в отряде.

После этого собрания и принятия строгой военной дисциплины весь отряд был распределен по пунктам фронта, указанным выше. В одном из пунктов, а именно в дер[евне] Ольховке, с отрядом в 17 чел[овек] был оставлен т[оварищ] Ефременко. После ряда наших налетов на жел[езно]дор[ожную] охрану, мосты и полного разгрома д[еревни] Игинки, беляки вынуждены были принять решительные меры по ликвидации повстанцев (красных партизан).

Были получены сведения от Ефременко, стоящего с отрядом в 18 чел[овек] в Ольхове, что в селе Покровском в двадцати верстах от Ольховки на север, появился полк беляков в количестве шестисот чел[овек]. Я предложил Ефременко известить крестьян о возможном набеге карательного отряда и поднять их на самозащиту. Предприятие это окончилось успешно, и испуганные мужички решили встречать врага кто чем может. Через своих лазутчиков Ефременко установил, что белые со-

бираются к полуночи занять Ольховку, с тем чтобы, прорвав наш фронт на этом участке, двигаться дальше на Большой Улуй. Получив эти сведения, Ефременко в 10 вечера выступил со своим отрядом из восемнадцати чел[овек] и двумя сотнями вооруженных дрекольями крестьян. Выйдя на дорогу Покровское – Ольховка, Ефременко сам с отрядом отошел вправо от дороги, а крестьян расположил в балке влево и таким образом ждал противника. Ровно в 12 часов ночи по направлению к Ольховке проехал конный казачий разъезд, который был пропущен беспрепятственно, а через несколько минут показалась голова идущей колонны, по каковой и был открыт залповый огонь со стороны отряда Ефременко. Голова колонны вместе с руководящим командным составом была уничтожена почти полностью. В панике новобранцы, из которых состоял полк, мешая строй, бросились бежать по направлению к Покровке, и только угрозы и ободряющие крики со стороны младших офицеров принудили их кое-как рассыпаться в цепь и отвечать огнем. В этот самый момент с нестройным криком «ура» им в тыл ударила крестьянская засада, чем и был предрешен исход боя. Оставив 30 чел[овек] убитыми, около 170 ранеными, много повозок, лошадей и часть оружия, белые бежали, особенно важным для нас был захват двадцати тысяч винтовочных патронов. Наши потери выразились в одном убитом, который и был похоронен с большой торжественностью на другой же день после боя. Через два дня после упомянутого боя я получил сведения, что предполагается налет 60 чел[овек] белых добровольцев на деревню Козловку. Как обычно в таких случаях, я выслал в Козловку своих шпионов под видом возчиков дров, которые донесли мне, что на их глазах подводы с пулеметами и добровольцами проехали в Козловку. Немедя, на лыжах я окружаю Козловку и заезжаю со стороны огородов прямо к избам. Получилось так, что белые оказались по большей части запертыми в избах, где пошла стрельба в упор и рукопашная. Одному из наших разведчиков удалось удачно бросить бомбу около неприятельского пулемета, уничтожив всю пулеметную прислугу. Выбивая окна, по разным переулкам белые разбежались по сторонам, забрав с собой раненых и оставив убитых. Несмотря на всю свою незначительность, этот бой имел значение показательного, потому что сейчас же после него был замечен усиленный прилив добровольцев в наш отряд. В общем, хорошо вооруженных и готовых к бою солдат мы насчитывали 450 чел[овек]. Спустя некоторое время после Козловского боя решено созвать в Большом Улуе съезд. На съезд явились делегаты от следующих волостей: Покровский, Черноречинской, НовоЕловской, Большой-Улуйской, Ново-Новоселовской, Трудновской, Берелюсской, Милецкой и Петровской, так что съезд носил почти объединенный характер. На съезде был избран исполком данного повстанческого района, в который вошли помимо избранных делегатов от крестьян я и еще двое от отряда. Работы съезда протекали в мирной обстановке, до некоторой степени на его постановлении. Было постановлено: 1) запретить вывоз каких бы то ни было продуктов в город, 2) установить твердые цены на продукты, а также на рабочие руки, 3) поднять по мере возможности культурный уровень повстанческого района, для чего отделать в Большом Улуе *недостаточный народный дом*^{*}, организовать сеть школ.

^{*} Так в документе. Имеется ввиду неблагоустроенное культурно-просветительное учреждение.

Кроме того, было намечено произвести к весне тщательный ремонт грунтовых дорог, починку мостов и т.п. На этом и окончились работы данного съезда, после чего сравнительно долгое время до начала марта установилось затишье.

Был единственный случай, когда пришлось выступать с отрядом в село Игинка, лежащее в семи верстах от Ачинска. Село это носило характер типичной казачьей слободы и уже по одному этому являлось очагом белогвардейщины. Приблизительно в середине февраля игинские казаки сожгли четыре хаты сочувствующих нам крестьян, двух из них расстреляли, а остальных выгнали из села. Взяв отряд и для густоты впечатления набрав около семисот мужицких подвод, я выехал в дер[евню] Игинку. Подъезжая к ней, с горы увидел, как в полутора верстах от Игинки чешский эшелон обстреливает мирное село Курбатово. Я бросил отряд и все свои семьсот подвод с горы к Игинке, от таковой демонстрации чехи пришли в смятение и, усадившись в вагоны, намеревались двинуться в Красноярск. Игинка нами была выжжена дотла, а хлеб, взятый в закромах у казачья, был роздан беднякам соседних сел.

Исполком открыл свои функции и спешил провести в жизнь постановление съезда, был нанят специалист-инженер, который составил сметы на ремонт дорог и мостов, был учрежден фонд хлебазапаса на случай возможного неурожая. Был установлен подоходный прогрессивный налог для более состоятельных крестьян. Административным центром района являлось село Больше-Улуй, тогда оперативный штаб находился в дер[евне] Лапшихе. Состав президиума исполкома, насколько помню, был следующий: председатель исполкома Деджанов, б[ывший] солдат царской армии, бедняккрестьянин, секретарь – Голубятников, правый эсер, как мобилизованный нами для работ, не игравший никакой политической роли. Затем в состав президиума входили также несколько человек от отряда – среди [них] и я.

Приблизительно между 5 и 7 марта красноярские власти решили твердо покончить с нашим фронтом. Были высланы отряды, первый из которых численностью в 900 чел[овек], выйдя из Енисейска через Мелецкую управу, вышел на линию Берелюсы – Улуйское, второй отряд в количестве 800 чел[овек] был послан из Ачинска, третий из Красноярска – 800 чел[овек] с двумя орудиями и несколькими пулеметами и четвертый из Томской губ[ернии] в 200 чел[овек] при двух пулеметах. Таким образом, отряд красных партизан очутился окруженным со всех сторон. Первый бой начался под д[еревней] Курбатово, в результате которого упомянутую деревню Курбатово нам пришлось оставить, потеряв там около десяти чел[овек] ранеными и убитыми. В дальнейшем бои начались на четыре фронта.

К 8 марта противник занимал следующее положение. Северный отряд в Секретарке, восточный отряд – в Стелке, южный – в Курбатове и западный в 25 верстах к западу от Красновки в Коробейниковой. Наш плацдарм умещался в 32 кв. верстах. Настроение было неважное. По ночам стояло зарево от подожженных белыми соседних деревень. Мы все находились в Красновке, и там был поставлен вопрос о дальнейшей судьбе отряда. Многие предлагали разойтись по тайге, таким образом ликвидировать организацию, но это не встретило сочувствия в массе отряда. Я внес предложение прорываться к Первалову, одному из партизанских вождей, который,

по слухам, оперировал к юго-западу от Ачинска. Мое предложение было принято единогласно и было решено выступить в прорыв немедленно. В ночь на 8 марта мы вышли на Нагарово, Журавлево, Слабцовку, вышли со всеми своими обозами и с тяжелым грузом беженцев, крестьян из осажденной полосы. Двести чел[овек] белых занимали село Коробейниково. Придя в Слабцовку, мы выделили отряд в 50 чел[овек] под командой т[оварищей] Уланова и Красницкого с заданием произвести налет на Коробейниково и выбить оттуда белых. Задание было исполнено, было взято в плен 60 чел[овек] с винтовками, захвачено 30 тыс. патронов, белые бежали.

Здесь, предчувствуя всю трудность похода через тайгу, мы устроили митинг, на котором удалось убедить беженцев, что, идя с нами, они совершенно ни от чего не гарантированы, а для нас могут послужить, благодаря громоздкости их обозов, поводом к окончательным неудачам. При такой постановке только часть беженцев, наиболее верных и стойких, что-то около 20–30 подвод, остались с нами, остальные же решили возвратиться на места своего жительства.

Оставалась задача – перейти через железнодорожную линию Красноярск – Ачинск. Для этого была намечена ст. Критово в тридцати верстах к западу от Ачинска. По нашим сведениям, там находились два белых бронепоезда, охранявших путь.

Ночью выделенный отряд под командой Корюкина произвел шумную демонстрацию на станции Критово, в результате которой один бронепоезд ушел на Боготол, а другой – на Красноярск. Мы перешли путь и на село Краснореченское.

В Красноречинске, сделав нажим на председателя управы, мы добыли до двух тысяч подвод. Тогда как нас самих вместо 450 чел[овек] осталось 350 (около ста чел[овек] латышей рассосались по селам, хуторам во время пути). Наш маршрут был следующий: Алтат, Ельник, Березовское. В Березовском встретились с разведкой карательного отряда капитана Ситникова, идущего со стороны Итата или Тяжина и имеющего своей целью перерезать нам путь с запада. В результате стычки мы забрали в плен 20 чел[овек] вместе с офицерами и отправились дальше следующими этапами: Никольское – Шарыповское, Парная, Божья – Озерская, Учумская, где было появилась разведка белых с Ужура, но скрывшаяся без потерь. Копьево, Чулым, Марьясово, Улусы, Поросенков, Барандат, Светлолобово, Карелино. На протяжении всего этого пути мы захватывали, разоружали милицию, почтовые отделения и вообще все правительственные органы на местах. Отношение населения к нам было по большей части лояльное. Видя, что мы беспрерывно двигаемся к какой-то своей определенной цели и не собираемся закреплять за собой то или другое селение, крестьяне, естественно, не решались проявлять те или иные признаки симпатии к нам.

В Алтате к нам присоединилось 7 чел[овек] бывших переваловских партизан, которые и сообщили тяжелую для нас весть о ликвидации переваловского отряда. Опять и опять перед нами выросал вопрос, куда идти, от кого ждать помощи. Правда, имелись непроверенные слухи, что в Канском уезде за рекой Маной оперирует повстанческая армия тов[арища] [А.Д.] Кравченко¹. Не имея выбора, мы, установив по карте надлежащий маршрут, выступили на Степной Баджей. Разбив

по дороге встретившийся нам заслон, преследуемые по пятам отрядом капитана Ситникова, 25 марта старого стиля мы пришли в деревню Яново. Не успела еще головная часть колонны втянуться в село, как в арьергарде завязался бой с передовыми частями наседавшего отряда белых.

Бой у Янова

Расположение сил противника, установленное нашей разведкой, вокруг Янова было следующее: в пяти верстах к северу от Янова, в Новоселове, отряд белых численностью в 2 500 чел[овек], в семи верстах к югу от Янова в селе Кокорево – 700 чел[овек] минусинской дружины, к юго-востоку в селе Улазы – казачья застава 50 чел[овек]. Когда нами под деревней Яновой был начат бой с отрядом Ситникова, то северный новоселовский отряд белых, по совершенно неизвестной причине отошел на 15–20 верст к северу. Вслед за ним минусинская дружина, услышав гром развернувшегося боя, отошла на 50 верст в сторону Минусинска. Таким образом, оставался Ситников и казачья застава впереди. Бой с Ситниковым длился около шести часов, и в результате чего белые понесли громадные потери и отошли, казачья же засада еще в начале боя была легко рассеяна нашими подводчиками. Путь отхода был свободен, и мы отправились на Улазы, с Улазов на Комы и уже оттуда прошли без помех и до села Покровского, последнего населенного пункта перед тайгой. С Покровского на второй же день мы двинулись в тайгу, поднимаясь на гору, мы видели, как тот же Ситников занимал дер[евню] Кижарт и вслед за нами дальше не пошел. На обстоятельную подготовку к таежному походу времени не было, а поэтому, бросив все, наиболее стеснявшее нас, мы прошли по тайге до прииска Карачинского. На прииске мы нашли много продовольствия, очевидно, заготовленного для рабочих прииска. Хозяин прииска, очевидно, мало заинтересованный в потере этого запаса, советовал нам не пускаться в это время года в путь по бездорожной тайге. Его советы не имели должного действия, я, послав вперед одну роту для утаптывания дороги, двинулся на другой же день через тайгу к Степному Баджею, предварительно выслав вперед лыжный отряд для предупреждения т[оварища] [А.Д.] Кравченко¹ о нашем появлении с тыла его республики. Осторожный тов[арищ] [А.Д.] Кравченко выслал навстречу нам роту с пулеметом и хлебом.

Четвертого апреля, после пятидневного перехода через 100-верстную бездорожную тайгу, я соединился с отрядом [А.Д.] Кравченко. На первых хуторах Степно-Баджейской волости нас встретил с ротой партизан Иван Боган, привезший нам хлеб от имени Кравченко.

В тот же день я увиделся с самим [А.Д.] Кравченко и затем, вернувшись к отряду, еще стоявшему на хуторах, устроил собрание бойцов. На собрании было постановлено: переименовать отряд «Крестьянский отряд» в СеверноАчинский партизанский полк. Вместе с тем отряд был переформирован по ротам и батальонам. На состоявшемся переизбрании командного состава комполка был избран [П.Е.] Щетинкин, помощником – Уланов. Все раненые были сданы в лазарет Степного Баджея, деньги и имущество – в кассу объединенного совета; беженцы же, пришедшие с нами, поступили в распоряжение арм[ейского] совета в качестве рабочих

по той или другой специальности. Седьмого апреля после трехдневного отдыха по предложению арм[ейского] совета мы выбросились в село Семеновку, отстоящую в семи верстах от линии железной дороги Клюквенная – Коморчака. В течение периода от 7 апреля и кончая 13 мая никаких особых крупных столкновений с противником не происходило. Наши действия выразились в том, что полк неоднократно выходил на линию и забирал те или другие снабженческие эшелоны противника, непрерывно уродуя путь. Один раз мне самому пришлось выходить с ротой и спустить под откос один из белых бронепоездов. Между прочим, за время стоянки в Семеновке нам удалось заготовить около двух тысяч пудов хлеба и двух вагонов масла, захваченных [в] один из налетов. По истечении указанного периода, то есть как раз около 13 мая, противник соединенными силами чехов, итальянцев и других союзников повел наступление на село Верхняя Уря в районе [М.Т.] Савицкого². Последний запросил у арм[ейского] совета и штаба подкрепление, каковое и было послано ему в количестве одного батальона ачинцев. Посылая именно этот батальон, и арм[ейский] совет, и [А.Д.] Кравченко, очевидно, учитывали боеспособность ачинцев, не так давно своим переходом, своими боями в Ачинском уезде показавших свою революционную стойкость.

Тринадцатого мая я получил предписание от арм[ейского] совета оставить Семеновку в четыре часа дня. Я ответил, что [в] такой срок не смогу вывезти заготовленный нами хлеб. Тут же я выехал в Кайлык для личных переговоров в штабе, где мне было вручено письменное предписание к пяти часам вечера отступить от Семеновки. Делать было нечего, вернувшись в Семеновку, я оттянул отход до десяти вечера, все время собирая подводы. Около десяти часов вечера началось наступление противника со стороны хутора Полуказарного, причем это наступление как раз помогло моим целям. Крестьяне, находящиеся на полях, заметив цепи белых, бросились бежать с подводами в Семеновку, где я и задерживал их, нагружая хлебом. Поставив заставу, я вывез весь хлеб и вышел принимать бой. В результате незначительного боя белые отошли на Клюквенную, а я согласно приказу – на Сухо-Нойское, где простоял сутки.

Как раз во время этого шли ожесточенные бои в районе села ВершиноРыбинского, где наши отходящие части пытались задержать стремительное продвижение противника к Степному Баджею. Из Сухонойского прихожу в Солонечно-Талое, где встречаю остатки канцев, отходящих на Ушканку, остаюсь прикрывающим и двигаюсь вслед за канцами на Ушканку. Ушканка – это конечный пункт нашего существования за Маной. На вторые сутки, побросав всё, стесняющее наше движение, мы втянулись в тайгу и, пройдя 40–50 верст малопроезжимой тропой, подошли на второй день к деревне Койской на берегу Маны. Здесь, переправившись через реку и сняв за собой паром, мы расположились по берегу реки начиная от поселка Голубева (что против Тюлюпа) вплоть до хутора Кравченки. Здесь произошел один из знаменательных боев того периода. Через своих разведчиков мы получили сведения, что батальон чехов направляется по берегу Маны, держа путь на Нарву. Получив эти сведения, мы располагаем цепи в скалах на другом берегу очень узкой в этом месте Маны.

Ничего не подозревающий противник двигался колонной, имея с левой стороны реку, а с правой стороны – отвесные скалы. Подпустив чехов к Нарве, мы открыли истребительный и меткий на таком расстоянии огонь. Чехи, первое время совершенно обезумев от неожиданности, сбились в беспорядке в кучу, а затем, бросая оружие, обозы, бросились бежать. В результате нами было захвачено шесть пулеметов и одно орудие Маклена³ (каковое впоследствии было зарыто в землю за отсутствием снарядов). До второй половины мая противник не нажимал на нас, очевидно, стягивая нужные силы. В конце мая я, взяв Канский полк и переправившись ночью на ту сторону Маны, занял один из мелких поселков – д[еревню] Лейбу, между Нарвой и Ингутом, собираясь произвести налет на Ингут, но почему-то канцы уперлись и идти дальше не соглашались. Вернувшись обратно, я взял на другой день батальон Северо-Ачинского полка и, опять переправившись через реку, подошел к Ингуту. Произведенной разведкой было установлено, что в Ингуте расположился отряд чехоитальянцев в количестве трехсот человек. Окружив деревню и оставив свободными только две дороги, а именно мокро-базайскую и кияйскую, я послал засады на обе эти дороги с таким расчетом, что если бы противник, вырвавшись из моего кольца, бежал, то на той или на другой дороге он так или иначе был бы уничтожен засадами. На мокро-базайскую дорогу был послан Марченко Иван, а на кияйскую – Боган. С рассветом Ингут был занят мною, противник, как я рассчитывал, бежал по одной из указанных дорог. Заняв Ингут, я стал ожидать донесения от засад. Уже вошло солнце, когда я увидел Богана, бегущего ко мне. Спрашиваю: «Ты с дороги, как удалось?», – «Нет, я из деревушки Лейбы, пришел для связи». Оказывается, он отошел от дороги в близлежащую деревушку и противника пропустил. Через некоторое время прибыл Марченко, который, оказывается, тоже на дорогу не попал, и мы, таким образом, белогвардейцев выпустили.

На второй день после этой неудачи, числа двадцатого, Уланов с несколькими партизанами отправился из Ингута, где мы стояли, в МокроБазайское за табаком, который весь вышел. По дороге, не доезжая до Базайского, они увидели колонну белоитальянцев, идущую в Ингут. Уланов, расположившись цепью поперек дороги, послал ко мне конного с донесением, начав в то же время энергичную перестрелку с авангардом итальянцев. Уланову было дано тут же распоряжение понемногу отходить к Ингуту, задерживая противника по мере сил. Я разворачиваю отряд около Ингута, причем один батальон занял участок левее Ингута, второй – вправо от него, а с частью бойцов я сам остаюсь в селе. Бой начался часов с одиннадцати утра, итальянцы без шинелей, налегке, почти бегом подошли к нашему расположению и здесь были встречены огнем. После четырехчасового боя я получил от Кравченко распоряжение отойти к реке, так как в противном случае я рискую быть отрезанным от переправы. Пришлось бросить бой и отходить от Ингута. Итальянцы не преследовали нас, очевидно, не вполне уверенные в своих силах. Досадней всего, что, придя на переправу, мы узнали, что никакой непосредственной опасности быть отрезанными для нас не представлялось.

После разгрома чехов и следующих затем мелких вылазок и боев, противник, сконцентрировав силы, повел серьезное наступление на линию наших частей. В

одном месте около хутора Кравченко, белые пытались переправить две роты через реку, очевидно, с целью глубокой разведки. Им дали перейти на нашу сторону и затем, опрокинув в реку, уничтожили полностью. Вскоре после этого противник, переправившись в нескольких местах сразу, заставил нас отойти после усиленных боев на деревню Орешное. Это было с 14 мая по 12 июня. Тринадцатого июня началось наше отступление из Степно-Баджейской республики. Заранее за несколько дней были даны распоряжения тыловым частям и учреждениям свернуться и быть готовыми к отходу. Ввиду предстоящего неимоверно трудного перехода по тайге, встал вопрос перевозки лазарета. Решено было вывезти всех до одного раненых. С Баджея мы уходили без какого бы то ни было непосредственного давления со стороны противника. Очевидно, белое командование опасалось засад с нашей стороны. До села Выезжее с нами ехали подводы, дальше же подводы пришлось заменить выюками, конными носилками для раненых. Пройдя день по течению реки Крола, мы подошли к вечеру к Жайме, где и был устроен привал. На Жайме мы простояли двое суток, отдыхая, подготавливаясь [к] предстоящему пути. Там мы схоронили умершего от ран дорогого нам тов[арища] [Степана] Безотечества. А на второй день состоялось общее собрание, на котором мы подсчитали наличный состав армии и переизбрали комсостав. По произведенному подсчету выяснилось, что у нас имеется 1 150 чел[овек] бойцов, плюс 200 чел[овек] невооруженных, из коих тут же был сформирован рабочий батальон. Выяснилось, что части тов[арища] [М.Т.] Савицкого были полностью отрезаны по ту сторону Маны. Агинский полк вместе со своим командиром Стародубневым тоже оставили нас и ушел неизвестно куда, да кроме того, многие [из] Степно-Баджейской волости, разошлись по домам, не желая бросать хозяйств. Выборы комсостава дали следующие результаты: главнокомандующим – [А.Д.] Кравченко, помощником главнокомандующего – [П.Е.] Щетинкина. На этом собрании было постановлено, что члены объединенного совета должны автоматически входить на правах тех же членов в армейский совет.

Пятнадцатого июня мы вышли с р[еки] Жаймы и углубились в тайгу. Я не буду останавливаться на подробном описании всех перипетий этого ужасного пути. Другие товарищи в своих очерках, я надеюсь, восполнят пробел в моем очерке. Мы шли через скалы, переваливали через хребты, переправлялись через горные потоки, перенесли на себе все муки голода, жажды. По дороге нас захватил таежный пожар, из которого мы еле-еле вырвались и т.д. и т.п. 19–20 июня мы вышли в Минусинский уезд деревню Козино и Мигны, где сразу будто бы попали в другой мир. Плодородный и хлебосольный Минусинский уезд встретил нас радушно, приветливо, к тому же белые почему-то не догадались своевременно выставить заслон. Наше дальнейшее движение происходило по следующему маршруту: Отрокское, Идринское, Детлово, Шалоболоино, Курагино. Между прочим, в Шалоболоине мы сделали первую попытку переправиться через [реку] Тубу, имея целью в дальнейшем двинуться на Минусинск, но эта попытка окончилась неудачей. Находящаяся на другой стороне минусинская дружина под командой поручика Занина открыла огонь по нашим частям, мы вынуждены были отказаться от переправы, потеряв двух-трех человек ранеными. Тогда пришлось идти окружным путем на Верхний

Кужебар через Климовскую Тамбовку; на Кужебаре, у местечка Шарштык, мы беспрепятственно переправились на другую сторону реки. Надо заметить, что вообще мысль о наступлении на Минусинск в тот период не встречала особой поддержки со стороны партизанских масс и мне лично казалось почти бессмысленным переправляться у Шалоболона с тем, чтобы оттуда занимать город с нашей малочисленной и полуразбитой армией. В командном составе армии, надо сказать прямо, возникали иногда немалые разногласия по вопросу о дальнейшем маршруте. Командующий и многие члены штаба были склонны образовать тут же в пределах уезда партизанский фронт, дабы в будущем попытаться сделать Минусинск основной базой и резиденцией партизанщины. Я же полагал более целесообразным идти через Монголию к Туркестану для соединения с находящимися там советскими войсками. Город Верный – вот тот пункт, который я предполагал иметь конечной целью нашего похода. После неудавшейся переправы у Шалоболона и под непосредственным впечатлением безразличного отношения крестьян к партизанской идее, мой план волей-неволей оставался единственным выходом из положения, и было решено двигаться через Минусинский уезд на Урянхай⁴, местность, лежащую в пределах Монголии. После переправы на Кужебаре мы с небольшой перестрелкой заняли с. Могорское и Каратуз, причем в последнем во время нашей ночевки вспыхнул пожар, который с трудом удалось общими силами ликвидировать. Из Каратуза мы двигались кругом Минусинска через Дубенское, Тигрицкое, Ермаковское и Салбу. Это было в последних числах июня, к этому времени настроение нашего штаба опять переменялось в сторону желательности удара на Минусинск. Имелись сведения, что атаман [Г.К.] Бологов⁵ стоял со своим отрядом около города и что силы его не кажутся превосходными. В Жеблахте у нас было маленькое совещание с [А.Д.] Кравченко, на котором было решено, пустив усиленную разведку вперед, идти на Минусинск. Было отдано распоряжение лазаретам и обозу отойти за село Григорьевку, дабы обеспечить их от риска быть захваченными. Выйдя из Жеблахты, с полком направляюсь в село Козлово. Не доезжая до посотины (обычно сибирские села окружены забором или загородкой, наз[ываются] посотиной), слышим выстрелы, разведка доносит, что в Козлове белые. Выбив с одной ротой противника из села, располагаюсь в нем. Противник обстреливает артиллерийским огнем наше расположение в Козлове, получив, очевидно, свежее подкрепление, начинает нажимать. Развертываю батальон второй и не могу растянуть свою линию до Енисея, тогда как это представляется необходимым, ибо Енисей сам по себе мог бы служить гарантией от обхода с левого фланга. Развертываю дополнительно кавалерийские части и все же покрываю линию только до Казанцева. Сам с третьей ротой занимаю Казанцево. Винтовочный и орудийный огонь противника заставляет нас проявлять максимум усилий, чтобы удержаться на занятых позициях. Затем, когда белые демонстрировали с правого фланга заход в тыл, то батальон, находящийся там, отходит без связи на Ермаковское. В образовавшийся прорыв вливается казачья кавалерия, и под ее напором первая и вторая роты первого батальона отходят на Шушенское. Остаюсь я с третьей ротой в Казанцево, и редкая кавалерия [идет] до Енисея. Учитывая опасность создавшегося положения, я с тре-

твей ротой и кавалерией отхожу на Шушенское, где и соединяюсь со второй ротой и первой. В Шушенском собирается весь отряд, и мы ночью приходим на [село] Каптырево, где и делаем передышку. Оттуда я отправляю в Субботино на соединение с Кравченко эскадрон 50 чел[овек] конных, находящийся при мне батальон отправил прямым путем на разъезде, сам же остаюсь с частью отряда в деревушке Покровское, собираясь перехватить плот с пленными монголами, которых белые, захватив в Белоцарское⁶, предполагали (по моим сведениям) доставить по течению реки в Минусинск. Для меня было очевидно, что наше движение на Урянхай можно считать совершенно установленным, и именно потому, получив сведения о плененных монголах, я считал выгодным, отбив их у белых, тем самым заручиться благораспоряжением монгольского правительства. Но оказалось, что плот прошел за несколько часов до моего прихода в Покровское. Делать было нечего, и я направился вместе с отрядиком на Субботино – Разъезжее – Салба, где должен был соединиться со своими частями. Ни в одном из указанных пунктов своих частей не нахожу, с Ермаковским связи нет, положение тягостное, ибо нет совершенно никакого представления, куда двигаться и целы ли вообще мои ушедшие ранее части. В селе Разъезжем совершенно неожиданно ко мне присоединился мой батальон, пришедший, как оказалось, из Вознесенского.

В Листвяжной мы совершенно негаданно наткнулись на подводчиков Манского полка, бегущих из Ермаковского. От них я узнал о событиях не столь радостных, сколь забавных. Оказалось, что [в] Ермаковском произошел бой с отрядом Бологова, причем, несомненно, бой окончился бы весьма печально для манцев, если бы не обычная трусость и близорукость белых. Дело в том, что, заняв Ермаковское, манцы даже не выставили необходимых дозоров и расположились в селе, как дома. В это время подошел [Г.К.] Бологов, и еще немного манцы были бы окружены и, наверное, уничтожены, но Бологов, очевидно, не решаясь на лобовую атаку, счел нужным прежде всего открыть оружейный огонь по селу, чем и обнаружил свое присутствие. Манцы, видя такую штуку, собрали манатки и под обстрелами переправившись через реку Ою, удрали и удрали так неорганизованно, что, как видно из предыдущего, часть подводчиков в совершеннейшей панике прилетели даже в Листвяжную. Направляясь на соединение с Кравченко, я выслал вперед в Салбу конную разведку под командой Гусева. Только что отъехал Гусев, слышим редкий винтовочный огонь, и через минуту кавалерист, посланный Гусевым, доносит, что белые Салбу уже прошли и разведка имела стычку с арьергардными пикетами. Мы пошли к Салбе и, уже заняв ее, услышали отдаленный гром орудий в направлении Григорьевки. Как потом выяснилось, это Кравченко принимал бой под Григорьевкой, который и стоил отряду некоторых потерь, не дав никакого положительного результата. Для меня было очевидно, что путь через Григорьевку так или иначе отрезан, если Кравченко отступил от нее под напором белых. Создалось такое положение, что я рисковал, направляясь на Белоцарск, очутиться в хвосте белых, преследующих Кравченко. Тогда, отпустив подводы, я иду тайгой на Минусинско-Усинский тракт, надеясь там соединиться с отрядом Кравченко, но после двухдневного пути проводник нарочно или нечаянно вывел нас к Григорьевке, т.е.

опять в тыл к белым. Установив ошибку, я поворачиваю обратно и на Черной речке в двух верстах от Григорьевки обнаруживаю с горы движение обозов противника. С моими силами начинать бой никак не представлялось возможным, и поэтому тут же углубившись в тайгу, мы пошли в глубокий обход с тем, чтобы в конце концов выйти на тракт впереди белых. В течение суточного перехода мы вышли на семнадцатую версту тракта, где от сторожа станции я узнал, что белые еще не проходили здесь. Очутившись между Кравченко и белыми, мы, естественно, все усилия свои направляли к тому, чтобы поскорее соединиться со своими. Путь очень был трудным, Кравченко, уходя, жег мосты на ущельях и переправах, и нам приходилось налаживать в высшей степени сложную работу канатной переброски. И так вот до 81-й версты я шел без всякой связи с Кравченко, без боевых запасов, без продовольствия. На 81-й версте впервые удалось восстановить телефонную связь с идущими впереди частями, и нам выслали небольшое подкрепление продуктами. А на 125-й версте я соединился с Кравченко телефонной связью. Между прочим, должен сказать, что около Верхне-Усинска меня очень трогательно встречали партизаны моего полка, шедшие с Кравченко. В Верхне-Усинске, взятом без боя, было захвачено четыреста бердянок, около семисот пудов свинца, много пороха и провианта. Двадцатого июля без всяких столкновений мы заняли Белоцарск. Маленький отряд белых, стоявший там, рассеялся за несколько дней до нашего прихода. В Белоцарске тоже обнаружили пудов шестьдесят пороха и кое-какого военного снаряжения. Сам по себе Белоцарск произвел на меня впечатление даже не села, а маленькой деревушки в 45–50 домов, расположенной на берегу Енисея. Белоцарск был основан в 1913 г. как опорный пункт для предполагавшейся в то время колонизации Монголии. В Белоцарске мы разместили части и лазарет и приступили к заготовке провианта и фуража по окрестным селениям. Тут надо упомянуть про неудачную экскурсию Манского полка. Манский полк был оставлен в Усинске для того, чтобы прикрыть наш тыл и задержать идущего к Белоцарску [отряд] [Г.К.] Бологова. Вместо выполнения своих прямых задач манцы углубились в реквизиционную и всякую другую деятельность и прозевали Бологова. Бологов же, пройдя с Григорьевского тракта прямой тропой на Белоцарский тракт, тем самым отрезал Манскому полку путь отхода к городу. Когда стало известно, что манцы отрезаны, на помощь им был выслан Канский полк в село Туран, с тем чтобы, завязав с Бологовым бой, дать возможность манцам выйти из ловушки. Пока Канский полк шел к Турану и пока он собирался выручать манцев, последние сами явились ободранные и измученные, сделав адски трудный переход круговым путем по реке до Енисея и по Енисею до Белоцарска. Канцы, вернувшись, донесли, что Бологов с очень крупными силами занял Туран и там не торопясь занимается обучением новобранцев и всякой другой подготовкой. Перед нами вставали задачи: во-первых, укрепить город на случай наступления Бологова, во-вторых, поставить дело снабжения нашей армии пищевыми продуктами на должную высоту и, в-третьих, решить тот же надоевший вопрос о дальнейшем движении армии. В начале нашего пребывания в Белоцарске наша разведка наткнулась на монгольский лагерь, неизвестно когда и почему расположенный далеко от Белоцарска. Тогда, послав предварительно своих пред-

ставителей, на второй день мы сами с Кравченко отправились туда. Это оказался отряд монгольских войск под командой нойона⁷ Хотон-Батор-Вана. Приняли нас превосходно и, узнав через переводчиков о наших целях, заверили нас, что борьба с белыми для них также необходима, как и для нас, и даже самое свое выступление объяснили именно как одну из мер предосторожности против возможного вторжения белогвардейцев в Монголию. Одним словом, с самого же начала благожелательность легла в основу наших взаимоотношений с монголами. Мы подарили Хотон-Батор-Вану замечательно новую пролетку, от которой после небольшой и тряской поездки по кочкам, князь был в полном восторге, мы же с Кравченко получили в подарок по хорошей лошади. В один из визитов мы попросили у Хотон-Батор-Вана принципиального разрешения на продвижение наших армий, если к тому представится нужда, через Монголию; на что Хотон-Батор-Вана ответил, что сам он этого вопроса разрешить не может, а вот, мол, если нам угодно, то он согласен переслать нашу просьбу в Бру-Ургу. Сказано – сделано. Тут же была составлена соответствующая грамота за многими подписями и вручена осторожно нойону. Затем, предугадывая возможность боя с Бологовым, мы также просили разрешения перевести наш лазарет из Белоцарска в русскую колонию Верхне-Никольское, расположенную у подошвы Танну-хребта. Посовещавшись со своими сойетнойонами, Хотон-Батор-Ван разрешил нам это предприятие. За время пребывания нашего в Белоцарске, мы успели выстроить окопы по всем правилам саперного искусства, даже с гнездами для пулеметов, окружив ими город со стороны Турана. Тут же, в городе, была заново устроена лаборатория для начинки бомб и патронов, и все время велась заготовка пищевых продуктов и фуража. Танна-Тува – страна, в которой расположен Белоцарск, оказалась на редкость богатым краем. Коренное население Танна-Тувы – сойоты, [они] занимаются скотоводством, охотой хлебопашеством.

Как для первого, так и для второго, и для третьего природа создала здесь идеальные условия. Долины, защищенные от северных ветров цепью гор, обильно орошаемые, заселены редко, и каждое такое поселение производит впечатление богатейших экономий. Кое-где разбросаны русские колонии, причем между сойотами и колонистами издавна ведутся всякие более или менее неприятные счеты по части угона скота, выбора лучших пастбищ и проч[ее] и проч[ее]. В самом городе было оставлено 500–600 человек строевиков, остальные же части были разбросаны по окрестным селениям. Лазарет находился в Верхне-Никольском и там же все ценное имущество и одна рота для охраны.

Белоцарский бой

Пятнадцатого августа [Г.К.] Бологов, срезав по выгибу Енисея угол, подошел к переправе несколько ниже Белоцарска, т.е. как раз против расположения Манского полка. Имея два орудия горных, 14 пулеметов, Бологов открыл огонь по расположению манцев. После четырехчасового боя манцы, не выдержав огня противника, отошли по направлению Верхне-Никольское, не известив нас о своем отходе. Бологов, переправившись через Енисей на заранее приготовленных сорока трех лодках, двинулся по берегу к Белоцарску. Совершенно случайно я был осведом-

лен о его движении одним из партизан, посланных для связи с Манским полком, заметившим колонны противника. Немедленно мною был выслан навстречу Бологову батальон Тальского полка с заданием установить силы противника и, если представится возможным, – задержать его продвижение на Белоцарск. В это время были приведены в боевую готовность части, находящиеся в Белоцарске. Как оказалось впоследствии, тальцы, установив трехтысячную численность отряда белых, не пошли им в лоб, а, отойдя в горы, пропустили Бологова к Белоцарску, оставшись таким образом у него в тылу. Мы расположили свои силы полукругом около Белоцарска с таким расчетом, чтобы не дать противнику прорваться в город. Жду сведения от тальцев час, затем посылаю две роты Канского полка, затем часть кавалерии, опять ничего. Очевидно, тут-то и произошел упомянутый выше маневр отхода в горы. В следующий затем момент цепи Бологова показываются в поле нашего зрения и растягиваются полукругом, рассчитывая замкнуть город мертвой петлей. У нас были заранее приготовлены окопы и около восьми пулеметов. Нам не хватало частей, чтобы прикрыть незначительный участок на нашем левом фланге. Чувствую, удержаться под напором превосходных сил противника в городе будет трудно, я начинаю постепенно под огнем неприятельских цепей выводить войска в этот не закрытый ни нами, ни Бологовым участочек фронта. В это время мы слышим ожесточенную стрельбу где-то в тылу у противника, выводим свои части, приказываю цепи двигаться по направлению этого огня и установить связь с нашими частями, ведущими бой в тылу у Бологова. Через некоторое время мне передают по цепи, что посланные навстречу Бологову тальцы и канцы, оставшись в тылу у противника, прошли на место переправы Бологова, порубили лодки, находящиеся там, и, пустив их по течению Енисея, ударили в тыл бологовскому отряду. Пока мы вытягивались из Белоцарска, цепи противника занимают город и таким образом, в свою очередь, остаются как бы окруженными нашими частями. Уже вечерело, небо было закрыто тучами и изредка полыхали зарницы. Наше положение отличалось крайней неопределенностью: с одной стороны, противник настолько превышал нас численностью, что думать об ударе в лоб было трудно, а с другой стороны, представлялся, может быть, неповторимый случай опрокинуть [противника] в Енисей. После короткого совещания командного состава, учитывая исключительность положения, повышенное настроение бойцов, было решено атаковать Бологова. В уже наступившей темноте, изредка разрываемой блесками молнии, наши цепи с громким «ура» пошли в атаку. Бой носил редкостный ожесточенный характер, ураганный огонь пулеметов, орудий, винтовок чуть не заглушал раскаты грома, крики раненых, «ура» с обеих сторон, торопливые команды. Все это в мрачной обстановке монгольских скал казалось нереальным, призрачным кусочком ада. Сознывая, что пощады в случае неустойки быть не может, бойцы проявляли фантастическую храбрость. После упорного многочасового почти рукопашного боя белые бросились к реке, пытаясь переправиться вплавь через быстро несущийся мутный Енисей. Бологову вместе с восьмьюдесятью челов[еками] удалось переплыть Енисей и бежать, остальная же часть отряда погибла, а часть была захвачена в плен. На рассвете нашим глазам представилась следующая картина:

по берегу было разбросано множество трупов противника, в прибрежных скалах, камнях то тут, то там валялись утонувшие при переправе солдаты. По подсчету оказалось, что одними убитыми Бологов оставил около пятисот человек, двести восемьдесят три человека были взяты в плен, из коих часть была тут же расстреляна, как непримиримый элемент, остальные, очевидно, утонули и в громадном количестве вылавливались ниже по течению Енисея жителями и туземцами. Наши трофеи выразились в двух орудиях, семистах снарядах, двух тысячах винтовок и около пятистах тысячах патронах, а также тринадцати пулеметах. Потери, понесенные нами: тридцать семь убитых и сорок четыре раненых, итого восемьдесят один человек выбыл из строя. По полученным сведениям, Бологов бежал по Усинскому тракту. Преследовать его не нашли нужным, и была только послана разведка в Уюк. Забавно, что, заняв Белоцарск, молодой есаул Бологов поспешил послать сообщение в Минусинск с извещением о занятии им Белоцарска и бегстве банд Кравченко и Щетинкина. Не ожидал, очевидно, доблестный атаман такого неприятного исхода для своей экспедиции. На другой день после боя к нам явился Хатон-Батор-Ван с изъявлением всяческого восхищения перед храбростью красных войск. Он, по его словам, наблюдал за всеми моментами боя с какой-то из близлежащих сопок. «Хорошо дрался, – сказал он мне и Кравченко, – здорово, хорошо дрался, я видел». Как знак величайшего благоволения нам были поднесены куски жженого сахара (род леденца), обернутые в шелковые ткани. Нет, однако, сомнений, что монгольский дипломат в случае нашего поражения под Белоцарском первый же предложил бы свою помощь белогвардейцам для окончательной ликвидации нашего отряда. Но, к счастью, победили мы, и вот как один из победных трофеев должны были принять всю эту чисто азиатскую лесть и почтение как должное, как искреннее чувство. Бологов бежал, путь был свободен и на Минусинск, и на Туркестан через Монголию, ибо вместе с знаками покорности Хатон-Батор-Ван доставил нам ответ из Урги от своего правительства, которым нам разрешалось проходить через монгольскую территорию. Надо было решать, что делать дальше. К этому моменту мы уже имели сведения: на Алтае оперируют партизанские отряды Мамонтова, Рогова и друг[их]. Мне казалось теперь, что соединение с ними легче и доступней, чем путь на Верный, как мы предполагали раньше. И эту точку зрения я отстаивал на состоявшемся 20 августа съезде повстанческой армии и русских жителей района, занятого нами.

На съезде возникли было серьезные разногласия между нами и Хатон-Батор-Ваном, присутствовавшим там как представитель страны, в область которой мы вторглись. Разногласия возникли по следующему вопросу. Хатон-Батор-Ван от имени своего правительства потребовал, чтобы с нашим уходом по истечении месяца была очищена вся левобережная часть Урянхая от каких бы то ни было русских колоний и поселений. Требование, очевидно, исходило из соображений узконационалистического характера. Это был как бы реванш за все те притеснения и обиды, какие причинялись в свое время туземному населению царской колонизаторской политикой. Естественно, нам, верившим в то, что рано или поздно советская власть придет сюда и сумеет восстановить репутацию русских, это требование показа-

лось неприемлемым. Да кроме того, и технически, и просто с точки зрения элементарного права выселять русских колонистов-крестьян с их хорошо обработанных трудовых участков не представлялось возможным. ХатонБатор-Вану было отказано с предупреждением, что если хоть один русский крестьянин будет выселен, то мы вынуждены будем заставить монголов разделить участь Бологова. После столь твердо поставленного ультиматума Хатон-Батор-Ван от своего требования отказался и согласился ждать прихода советской власти, которая этот вопрос и урегулирует в нужной степени. Вторым стоял вопрос о дальнейшем движении армии. Здесь опять столкнулись два течения и до сих пор назревавших в партизанских массах и их вождях. Я, как уже указывалось, стоял за соединение с алтайскими отрядами, Кравченко же и с ним большинство армейского совета и съезда высказывались за немедленное наступление на Минусинск и организацию там базы повстанческого движения. После долгих споров и пререканий я со съезда ушел, после чего вопрос опять повис в воздухе. Съезд не решился взять на себя ответственность вынесения того или другого определенного решения. Возможно, что здесь играла роль та атмосфера напряженности, которая создалась в полках, так как канцы и менцы были почти полностью за линию Кравченко и армейского совета, ачинцы же и тальцы шли за мной. В конце концов вопрос этот был решен в порядке частного совещания между мной и Кравченко, на котором я признал возможным поход на Минусинск с тем условием, что если мы, как я предполагал, не встретим в Минусинском уезде со стороны крестьян поддержки, то тогда уж пойдем прямо на соединение с алтайскими партизанскими отрядами. На таком вот компромиссном решении и помирились вожди, а за вождями – массы.

После съезда начали готовиться к походу, распределять оружие по частям, запасать продовольствие, формировать отряды из вновь прибывающих добровольцев-колонистов. На месте белоцарского боя была воздвигнута братская могила павших в этом бою партизан. В этот же период подготовки произошло событие с пороховым складом и мастерскими. От искр точильного камня взорвались два пуда пороха и, разнеся мастерскую, тяжело обожгли и поранили около десяти человек. После разгрома отряда Бологова все части, лазарет и имущество было стянуто Белоцарск. Оставив Канский и Ачинский полки для защиты города и колонии, двумя полками двинулись на Минусинск.

Преследование Бологова и движение на Минусинск

Тальцы, вернувшиеся из разведки, донесли, что остатки бологовского отряда человек восьмидесяти, соединившись с высланной им навстречу минусинской дружиной в шестьсот чел[овек], остановились на перекрестке Белоцарского и Усинского трактов. Было решено, что я с тальцами буду нажимать противника от Белоцарска в лоб, тогда как Кравченко должен был выйти окружным путем на 125-ю версту и отрезать дорогу отходящему под моим напором противнику. Согласно указанному плану Кравченко с Манским полком пошел в обход, я же двинулся по Белоцарскому тракту к перекрестку и шел вперед вплоть до соприкосновения с передовыми частями противника. В этом месте горная река Ус трижды пересекает

тракт. Под моим, правда довольно легким напором, противник переправился через первую, вторую, а затем и третью переправу. После третьей переправы части белых, ускорив темп отступления, заставили меня подтянуть мою колонну, следующую вдалеке за авангардом, и в свою очередь двигаться быстрее. С одной стороны, неожиданно быстрый отход противника, а с другой – медленность продвижения отряда Кравченко нарушили наши великолепные планы с заходом в тыл, я вынужден был идти на плечах у белых, пройдя 125-ю и 106-ю версты, уже только на 81-й версте был извещен конным ординарцем, догнавшим меня я тыла, что Кравченко вышел на 125-ю версту. Послав гонца обратно, я, ни на минуту не останавливаясь, двигался вперед и вот на 57-й версте на полянке, пересекающей тракт, разведка заметила легкие окопы и цепи противника, расположенные поперек тракта. Здесь, как видно, нам собирались дать бой.

Спешив кавалерию, я рассыпаю ее по лесу редкой цепью и приказываю открыть демонстративно огонь по укреплениям белых. В это же время тальцы пошли лесом в глубокий обход с расчетом выйти на тракт в полутора-двух верстах сзади цепей на полянке. Завязалась перестрелка, а через час ушедшие в обход части, маленько промахнувшись, вышли из тайги почти что во фланг белых и с криком «ура» бросились в атаку. Дружина без боя разбежалась по тайге, часть успела удрать по тракту, а человек двести долго еще после этого блуждали по тайге и вышли из нее, когда мы были уже в Минусинске. Это было в первых числах сентября, и в то же время после нескольких перестрелок с убегающими дружинниками мы подошли вечером к 17-й версте. На 17-й версте имеется станционное помещение – сторожка, пошел дождь, и мы, естественно, предпочитали иметь кров над головой. Оказалось, что в сторожке трогательно разместились загнанные храбрые дружинники. Ну что ж, пятьдесят человек конных выгнали их в тайгу искать другого пристанища, и мы ночевали под крышей, т.е. по крайней мере некоторая часть нас, ибо станция не была обширна. Утром нас догнал Кравченко, и мы соединенными силами двинулась в Григорьевку. Григорьевка была занята без боя, и на второй день я выехал из Григорьевки с пятнадцатью кавалеристами по линии Салба, Ермаковское, Жеблехта, Ивановский завод, решив произвести глубокую разведку. Поражало, что никто не караулит нас у выходов из тайги. Одиннадцатого сентября утром, когда я уже занял Ивановский завод, туда же прибыл и Кравченко с двумя полками, и после маленького отдыха мы вместе двинулись к деревне Казанцево. Не доезжая Казанцева, мы получили от крестьян тревожные вести, что около Казанцева белые, что нас хотят впустить в село, а ночью разгромить и проч[ее] и проч[ее].

Мы поверили крестьянам и, не заходя в Казанцево, прошли к Думной горе, где и переночевали. Утром недалеко от Думной мы наткнулись на расположение белых, поджидавших, очевидно, нас. Тут же был намечен план действий – наш обычный партизанский план. И Кравченко с отрядом начал шумную, но малоактивную демонстрацию стрельбой, тогда как я с Манским полком пошел в обход. Дело сложилось проще, чем думалось. Зайдя в тыл, т.е. к Даниловскому заводу, я захватил резервные части отряда белых, оказавшиеся новобранческими, и затем уже, когда винтовки были безропотно сложены, то несколько человек из пленных побежали

вперед, предупредить передовые цепи, что драться не стоит, что в тылу уже все сдались. Через час очень весело и оживленно все закончилось к общему удовольствию, и мы было думали уже идти за город, но и люди, и лошади были страшно переутомлены, да и спешить было некуда.

Двенадцатого сентября нов[ого] ст[иля]⁸ нами был занят Даниловский завод. Чувствовалось, что сильного отпора белые дать не могут. Отдохнув на Даниловском заводе, вечером вышли на заимку, лежащую в пяти верстах от города. На этой заимке мы ночевали, а утром тринадцатого сентября наши цепи победоносно подползали к городу. Белые ушли на пароходах, и лишь задержавшиеся кое-где на улицах группы конных казаков вели редкую перестрелку с нашими разведчиками. Затем и казаки ускакали куда-то, и город был наш. Манский полк, не заходя в город, прямо прошел к селу Городчанскому на Тубе, где ему предлагалось задержать и уничтожить уходящие группы белогвардейцев. Мы же, встреченные весьма торжественно жителями, организациями и... даже попами, вошли в город Минусинск. Это было тринадцатого сентября. Тут же был проведен ряд летучих митингов, самый крупный из которых состоялся на кладбище, где присутствовали и многие подпольные революционеры, вышедшие с нашим приходом из конспиративок. Белые не успели много вывезти, и мы получили в подарок около 6 000 пар валенок, громадное количество овчин для полушубков, продовольствие и т.п. Кроме того, в наше распоряжение попал винный завод и склады спирта. Жители, измученные долгим белогвардейским игом, отнеслись к нам как нельзя лучше. Сыпались предложения жертвовать на нужды армии, являлись добровольцы, жаждущие поскорей получить винтовку и гнать врага дальше и дальше от родного городишка. Да и мы не собирались отдыхать, нужно было ковать железо, пока горячо, нужно было гнать сбитого противника, не давая ему передышек.

И вот через несколько дней Манский полк имел столкновение с противником перед с[елом] Городчанским на реке Тубе, в результате которого было взято 1 500 человек пленных, много оружия и запасов. Манцы потеряли в этом бою 13 чел[овек] убитыми. Убитых перевезли в город, и они были торжественно погребены, причем хоронили так: впереди шли попы с пением церковных напевов, а сейчас же за ними оркестр и затем бойцы, исполнявшие в свою очередь различные революционные подобающие этому случаю песни. Такова была политика дня, не надо забывать, что на нас смотрело съехавшееся из разных сел крестьянство, темное крестьянство, для ко[торо]го похороны с попами представляли известную гарантию порядочности пришедших в город партизан. После похорон занялись размещением штабов различных хозяйственных органов армии. Каждый час прибывали новые и новые посланцы то от одного, то от другого села с запросами – что будет дальше. Что делать и т.п. Им отвечали: «Поезжайте и скажите пославшим вас, что дальше будет полный разгром белых, что Колчак уже бежит к Тихому океану под напором Красной армии, что недалек тот час, когда мы встретим здесь передовые отряды российских революционных рабочих и крестьян». На вопрос «Что делать?» предлагалось заниматься мирным созидательным трудом, оздоравливать расстроены Гражданской войной хозяйства т.д.

Это, несомненно, производило сильнейшее впечатление на ходоков и, уезжая, они клялись; что в случае нужды деревня даст нам и провиант, [и] добровольцев. В конце сентября был созван съезд рабочих и крестьян, и бойцов нового повстанческого района. На съезд могли приехать только представители Затубинского района, уже освобожденного от белых, тогда как весь Абаканский район еще находился в руках врагов. Желая сделать съезд более полным и в целях демонстрации перед делегатами наших сил, было решено немедленно до открытия съезда предпринять наступление на Абаканский район и, очистив его, тут же дать возможность абаканским делегатам прибыть на съезд в город. Утром следующего дня была выслана одна рота в Курагино с предписанием ей продвигаться дальше на Шалоболينو. Рота, придя вечером в Курагино, получила сведения от жителей, что к Шалоболину идет отряд белых численностью в шестьсот человек, имеющий задачу помешать нашей возможной переправе через реку Тубу. Узнав об этом, комрот (между прочим сам комрот был родом из Курагино) повел тут же ночью роту к Шалоболину и устроил около села засаду. Ночью подошли белые и, нарвавшись на засаду, потеряли два пулемета, несколько человек убитыми и бежали. На другую же ночь я с двумя полками – Ачинским и Тальским – переправился через Тубу в селе Теси и ночью же прибыл в Шалоболينو, где стояла упомянутая выше рота. Наутро белые, полагая, что в Шалоболينو всего только одна рота, повели наступление на село и как следует нарвались. Бой был недолог, и противник в панике отошел к селу Абаканскому. На второй день после этого мы решили зажать белых как следует, и вот Манский полк под командой Гусева двинулся от села Городчанского к Абаканскому по берегу, гоня перед собой противника, Ачинский же и Тальский полки должны были нанести удар со стороны села Моисеевки и таким образом прижать противника в угол, сбросить его в реку. Манцы немного поторопились и загнали белых в Абаканск раньше, чем мы захватили его, но все же белым некуда было сунуться, и на наших глазах солдаты и казаки бросались вплавь через Енисей, пытаясь спастись. Много было взято в плен, еще больше утонуло, и Абаканск был наш. Уже стемнело, когда мы получили из города тревожные вести: Кравченко просил немедленно вернуться в город и отогнать наседавшего со стороны д[еревни] Подсинее противника. После ночного перехода мы прибыли в город и вышли на позиции под городом. Белые переправлялись через Енисей, угрожая тем самым положению города. На позициях стоял уже Канский полк, батальон ачинцев под командой Затуменного. Тут же Ачинский полк в полном своем составе пошел в бой, в свою очередь, перебравшись через протоку отбросил белых с большими потерями через Енисей. Вернувшись в город, мы узнали, что Абаканск опять занят белыми. Пришлось вторично идти туда и выбить противника, что и было выполнено без особых затруднений.

Таким вот образом жители Абаканского района получили возможность прислать своих делегатов на объединенный съезд повстанческого района.

Заняв Абаканское, я пробыл там со своим штабом вплоть до декабря, выезжая периодически на тот или другой фронт. Части были расположены в следующем порядке: Уланов и Гусев с манцами и частью ачинцев были направлены вперед

по линии Комское – Трифоново, а часть с[ела] Ачинского полка была оставлена для прикрытия Минусинска. Канский полк под личной командой тов[арища] [А.Д.] Кравченко, после боя под Подсиним, сделал попытку переправиться через Енисей к Усть-Абаканску, но был отброшен. Вернувшись в город, канцы пробыли там вплоть до того, как установился лед на Енисее, после чего вновь переправились через реку и пошли в наступление на линию Сухая Тесь – Ерба. В одном из боев этого периода под Сухой Тесью был выведен строя комполка Канского тов[арищ] Логинов (ранен в рот), место которого занял т[оварищ] [М.Т.] Савицкий, который и повел полк в дальнейшее наступление через Ужур – Ербу на Сонское – Шира. Одновременно с наступлением т[оварища] [М.Т.] Савицкого началось общее наступление по всему фронту. В это время Тальский получил задание идти на абаканский железнодорожный завод для ликвидации оперирующих там белых банд. Под командой т[оварища] Егорова полк вышел в поход и в районе Очур около с[ела] Бейского после переправы через Енисей был окружен засадой пр[отивни]ка и, потеряв много людей и пулемет, позорно бежал в город. Это горестное событие именовалось очурской паникой и вошло в лексикон партизан как синоним чего-то весьма скверного.

Количественный рост наших отрядов, в особенности после съезда, увеличивался не по дням, а по часам. К концу ноября наши части в общем насчитывали около 18 000 бойцов, что по сравнению с прежней численностью отряда казалось почти грузом. После трифоновского боя, в котором манцы захватили около 1 500 чел[овек] пленных, два орудия и десятки пулеметов, было предпринято движение в сторону Ачинска и Красноярска.

Тут уж мы двигались, почти не встречая сопротивления со стороны белых. Общее положение Колчака не позволяло ему обратить нужное внимание на наш фронт. Трифоновский бой – это последний крупный бой партизанской армии, после чего были мелкие стычки и перестрелки с противником, о которых упоминать незначем. Этот бой закончил собой эпопею партизанских боев.

О внутренней жизни Минусинска за период указанных выше действий я осведомлен был очень мало, а потому ограничусь кратким изложением наиболее видных событий городской жизни, вести о которых долетали к нам на фронт. После съезда высшей административной властью в городе стал объединенный исполком, военная же власть представлялась, как и раньше, арм[ейским] советом. При исполкоме было открыто нужное количество отделов, которые взялись за проведение в новые гражданские установления. Агит[ационный] отдел издавал орган партизанской армии «Соха и Молот», *часть номеров которого приводится в настоящем сборнике**. В походе были организованы лазареты общей численностью на 500–600 коек, были заново оборудованы мастерские: патронная химическая, лаборатор[ия] гранатная и токарная по обточке снарядов, отливка же снарядов производилась на железнодорожном металлургическом заводе, где также отливались и трубки для снарядов. Химлаборатория приготавливала все взрывчатые вещества вплоть до гремучей ртuti. В целях снабжения армии создавали разного рода мастерские. Жизнь в городе протекала вполне нормально и спокойно. Крестьяне окружающих сел

* Так в документе.

охотно везли свои продукты в эту базу повстанческой армии. Дела на фронте шли лучше и лучше. Противник откатывался почти без нажима с нашей стороны, и 22 декабря с[его] г[ода] на линии Ужур – Медведское наши части впервые встретились с частями регулярной Красной армии (267-й полк пятой армии).

Двадцать четвертого декабря первые части северо-ачинцев вошли в гор[од] Ачинск, где были с восторгом встречены жителями города. Через некоторое время туда же прибыл и [А.Д.] Кравченко. Тут же был поднят вопрос о переформировании партизанской армии в регулярную часть.

Седьмого – восьмого января в Красноярске состоялся съезд с представителями от РВС 5-й [Красной] армии. На съезде присутствовали т[оварищи] Смирнов, Позерн и друг[ие]. Затем после съезда распоряжением РВС республики было разрешено формирование партизанских частей Минусинского фронта в 1-ю Енисейскую стрелковую дивизию регулярной Красной армии с сохранением прежнего состава. Вот приблизительно в каком виде вспоминается мне этот период Гражданской войны.

[П.Е.] Щетинкин

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 924. Л. 1–42. Копия заверенная. Машинописный текст. Опубликовано: П.Е. Щетинкин. Борьба с колчаковщиной. Очерк партизанской борьбы на Минусинском фронте / Под ред. В.Д. Вегмана. Новосибирск, 1929.

№ 2

«Бой у деревни Яново». Воспоминания Замураева, адъютанта П.Е. Щетинкина, опубликованные в газете «Советская Сибирь»

9 октября 1927 г.
г. Новосибирск

Это было 25 марта (старого стиля) 1919 года. Немногочисленный партизанский отряд т[оварища] Щетинкина, человек до 300 боевых единиц, под натиском колчаковских войск, имевших 1 500 человек, отступил из Ачинского уезда в Красноярский на присоединение к отряду т[оварища] Кравченко.

Хотя был уже март, но погода стояла чрезвычайно холодная, бушевали сильные метели и бури.

Деревня Яново, лежавшая на пути отступления отряда партизан, тянется двумя параллельными улицами по левому берегу р[еки] Енисея. Отряд т[оварища] Щетинкина вступил в дер[евню] Яново около 8 часов утра.

Едва успели ввалиться в избы дети и жены некоторых партизан, следовавших за отцами и мужьями, – эти малыши и женщины дрожали от холода и голода и спешившие хоть часок побыть в теплой хатке – как вдруг конный разведчик доложил

т[оварищу] Щетинкину, что в 3–4 верстах, по нашей пройденной дороге, следует колчаковский отряд в огромном количестве – подвод до 700.

С замечательным спокойствием выслушав донесение конного разведчика, т[оварищ] Щетинкин отдал распоряжение явиться к нему всем ротным командирам (к сожалению, у нас их всего было 4 и 1 командир кав[алерийского] эскадрона). Не прошло десяти минут, как тов[арищ] Щетинкин давал уже распоряжение командирам рот занять позиции, которые он сам же намечал и указывал: обозу предложено вместе с семьями, не успевшими пробыть 10 минут в теплой хате, спуститься на реку Енисей и оставаться там до распоряжения... Вкратце замечу, что река Енисей против дер[евни] Яново имеет несколько протоков и островов; эти острова поросли высоким тальником, который прекрасно скрывал весь обоз. Две роты численностью в 80–90 человек (40–45 человек в роте) были поставлены им с той стороны, откуда должен наступить противник. Третья рота заняла противоположные концы улиц, а последняя рота – 4-я, заняла позицию на чрезвычайно высокой горе, которая высится в 1 ½ верстах от д[еревни] Яново и отделяется от нее замечательной равниной. Эта рота – 4-я имела всего 30 человек. Кавалерийский эскадрон по 10–15 всадников был поставлен в трех местах: с фронта, вверх по р[еке] Енисею, дабы иметь возможность при наступлении противника ударить ему во фланг, и третья часть кавалерии осталась для связи.

Едва успели партизанские кучки занять свои позиции, как в полторадвух верстах, на некоторой возвышенности появились войска противника, а через 5–10 минут заметили огромное количество казаков у себя в тылу, на расстоянии 2–3 верст. Та дорога, по которой проехал час тому назад отряд, была занята главными силами противника.

Здесь я кратко остановлюсь на личности П.Е. Щетинкина. Это был замечательный и полководец, и товарищ. Все то время, пока мизерные кучки партизан его отряда занимали свои позиции, он переходил от одной к другой группе, останавливался среди засевших в глубоких сугробах снега партизан, обменивался с ним несколько минут словами, в которых слышался юмор и поддержка. В такие моменты (а сколько их было!) люди его отряда положительно забывали всю горькую нужду: голод, холод, горе и боль. Он для партизан был все – командир, утешитель, врач, а еще больше – редкий и отзывчивый товарищ. Как до Яновского боя, так и после него тов[арищ] Щетинкин в каждом бою, во всяком опасном месте – всегда появлялся первым.

Ровно в 9 часов утра грянул первый орудийный выстрел, а через несколько секунд полетели трехдюймовые снаряды, разрывая крестьянские хаты. Под прикрытием артиллерийского огня потянулись, приближаясь к дер[евне] Яново, громадные цепи колчаковских войск. Сначала двинулась на отряд тов[арища] Щетинкина первая цепь, потом вторая, третья, а затем и четвертая. Каждая цепь имела в длину не менее двух верст. Когда первая цепь приблизилась на 400–500 шагов к залегшим в снегу партизанам, они открыли пулеметный огонь (а отряд Щетинкина в то время даже такой «прелести», как пулемет не имел), а за тем последовала беспорядочная трескотня выстрелов.

Партизаны молчали, они не подавали сначала никаких признаков жизни. Противнику становилось непонятным и обидным такое поведение красных. Они стали подходить еще ближе – на 250–300 шагов от партизанских траншей. Вдруг со стороны партизан раздался оглушительный треск разнокалиберных винтовок, – первый, второй, третий. В ответ отрядным эхом послышался один и другой залп с высокой горы, а за ним вверху Енисея отозвались залпы партизанской конницы. Первая цепь вражеского стана полегла вся. Вторая остановилась, пораженная неожиданностью, и залегла. Третья и четвертая цепи также остановились в нерешительности. Но спустя 2–3 часа, отправившись от первой паники, все цепи противника стали окружать кольцом дер[евню] Яново. Партизаны подпустили врага на самое близкое расстояние и снова, и снова дали решительный отпор. Вдруг разведка партизан доносит, что обоз отбил атаку казаков. Обоз... не имея ни одной винтовки, кроме огромных «Смит и Вессонов», и то полдесятка на весь обоз, – вдруг отбил атаку казаков, вооруженных превосходными карабинами и т.д. «Ура!!!» – пронесится по снеговому сугробам.

В 7 часов вечера противник стал отступать, получив огромное поражение.

Когда затихли почти выстрелы и умолкла артиллерия, а поредевшие цепи потянулись назад, партизаны ликовали. Их торжество было безгранично... Двое из партизан, одев на винтовки шапки, бросились вслед за отступавшими, крича им вдогонку:

– Даешь пулемет! – и эти храбрецы были убиты вблизи цепи противника. Кроме этих двух убитых было еще ранено только двое, а жертвы противника были огромны. По последовавшим потом сведениям их было убито более 200 человек.

Так закончился Яновский бой, давший решительный отпор врагу, который больше не преследовал отряд до присоединения его с отрядом тов[арища] Кравченко.

Замураев

«Советская Сибирь» от 9 октября 1927 г. № 232. С. 3.

№ 3

Воспоминания Савельева, Кротова, Тришкиной о П.Е. Щетинкине, опубликованные в газете «Советская Сибирь» с аншлагом «Партизаны о своем вожде»

9 октября 1927 г.
г. Новосибирск

(маленькие воспоминания о тов[арище] Щетинкине)

КАК БЫЛ ВЗЯТ В ПЛЕН УНГЕРН⁹

Я начал партизанить в [19]18-м году. Одно время у меня был свой отряд. Про-

звали партизаны меня сначала Железным, а потом переделали в Железнова. Так и звали Железнов да Железнов.

В [19]21-м году в сентябре мы стояли под Минусинском. Однажды меня вызывают в Минусинск на совещание. Там я первый раз увидел Щетинкина. Слышал-то я о нем раньше, он часто присылал письма и инструкции в отряд Мамонтова¹⁰, в котором я был.

В то время неистовствовал отряд барона Унгерна. Пороли. Привязывали и тащили за лошаадьми. Часто встречались на дороге трупы таких затасканных. В одной деревне был такой случай: барон Унгерн поймал крестьянина, работавшего в совдепе*. Крестьянина привели на мельницу, приподняли мельничный камень, положили под него крестьянина и камень опустили. Крестьянина разорвало.

На совещании, которое было созвано в Минусинске, решался вопрос о борьбе с Унгерном. В ту же ночь было начато наступление. Щетинкин тогда предложил мне пойти к нему в отряд. Я согласился, и он назначил меня командиром разведочного отряда.

У Щетинкина в то время в отряде было около 1 000 человек. Отряд барона Унгерна насчитывал 3 тысячи человек и все-таки мы начали наступать. Начались бои. Один бой длился 7 суток. Я в то время был в цепи на правом фланге. Сначала донесли: у неприятеля прорван фланг, а еще через несколько времени сообщили – Щетинкин захватил барона Унгерна. Когда узнали о том, что Унгерн взят, из болот начали вылезать унгерновские солдаты. Они бросали оружие и переходили к нам. Упорствовали только добровольцы. Через 3 дня местность была совершенно очищена.

Когда я приехал в штаб, то узнал, что Щетинкин Унгерна со штабом повез в Верхнеудинск. Посмотреть мне его так и не удалось.

Савельев

НА ПАРТИЗАНСКОМ СЪЕЗДЕ

Я был в отряде Кравченко и первый раз увидел Щетинкина весной в 1919 году. Приехал он к нам на областной партизанский съезд, на который собрались партизаны девяти областей. Съезд происходил в деревне Вершино-Рыбное Канского округа.

Сначала он нам рассказывал, как он к нам пробирался. Ему пришлось 9 суток брести по глухой тайге.

На съезде его встретили с бурным восторгом.

На съезде он говорил:

– Нужно мобилизовать все силы. Делайте запасы хлеба и снаряжения. Нужно бороться.

И он поднял дух.

Да, Щетинкин умел зажигать. Он брал не красноречием. Кравченко говорил лучше его, но у Щетинкина в его коротких выступлениях было столько энергии и убедительности, что ему все верили.

* Совет депутатов.

После съезда сразу же он поехал на фронт. *Во время фронта** я с ним встречался часто.

Последняя встреча с ним у меня была в октябре 1924 года в Новосибирске. Щетинкин уезжал в Москву учиться. Часа полтора мы говорили с ним о партизанщине, вспоминали старое.

Больше я его не видал.

Кротов

ПАРТИЗАНКА О ЩЕТИНКИНЕ КАК О ЧЕЛОВЕКЕ

В отряд Щетинкина группа, в которой была и я, влилась в [19]19-м году в то время, когда отряд Щетинкина находился в Минусинском уезде, в дер. Козулька. Наша группа состояла из семнадцати человек. Скрывались мы в тайге от карательного отряда Волкова¹¹ и частей Колчака¹².

Наша группа была встречена с недоверием. Нас всех допросили, ну а потом, когда мы на деле доказали, что мы не предатели, отношение к нам изменилось.

В дер. Козлова я и познакомилась со Щетинкиным. На меня он произвел сильное впечатление. В жизни хороший товарищ, в отряде его иначе не называли как Петя, в бою и в делах он становился строгим начальником. В отряде он пользовался любовью и уважением. Любили в нем хорошего человека, товарища, а уважали дельного и умного начальника.

Я помню, когда в Ачинске наш отряд вливался в 27-ю дивизию, произошел такой случай: Щетинкина не пустили без доклада в кабинет командира дивизии. Ребята в отряде заволновались. Некоторые не хотели сдавать оружия. Необычной показалась вещь – нашего Щетинкина не пустили без доклада.

Щетинкин успокаивал и доказывал, что таков порядок. Помню я еще один случай. В Ачинске же 27-я дивизия уже захватила наш обоз и было такое время, что нам нечего было есть. Щетинкин где-то достал полфунта сухеш и разделил между нами.

Тришкина

«Советская Сибирь» от 9 октября 1927 г. № 232. С. 3.

№ 4

Воспоминания Петра Федоровича Черкашина, бойца партизанской армии А.Д. Кравченко – П.Е. Щетинкина

[1931 год]
г. Томск

І. Июньские дни 1918 года

Из села Вершино-Рыбной в дер[евню] Солонечно-Талую приехали два товари-

* Так в документе.

ща, которые нас известили, что в селе Вершино-Рыбной белогвардейцы свергли советскую власть и идут на станцию Клюквенную. Необходимо было срочно организовать поддержку клюквинцам. Быстро собрали мужиков, когда стали говорить, что надо организовать помощь и двинуться. Нужно сказать, что в нашем сельсовете сидели кулаки, их было засилье, так что члены совета сами первые постарались сорвать нам собрание.

Итак, нам сагитировать никого не удалось. Дня через два услышали, что совет свергнут, и нам пришлось сматывать удочки. Ястребов Арсентий собрал меня и Пономарева, сказал нам, что нам теперь, ребята, нужно действовать осторожно, кулачье довольно обозлено, оно будет вылавливать нашего брата. Нашей дальнейшей задачей должно быть – не отпустить молодежь в армию белых. После наших разговоров мы подались по полевым избушкам. Белые объявили мобилизацию, молодежь стала гулять, отбывать свою рекрутскую очередь. Наша тройка устроила для них в поле гулянье, набрали самогону, пригласили призываемых. Во время угощения Ястребов повел разговоры, что вы идете защищать капиталистов, душить рабочего, а рабочие такие же труженики, как и вы. Тут мы заручились у ребят словом, что они к белым не пойдут служить.

И так из девяти человек ушел только один, а все остальные ушли в тайгу орехи добывать. После этого нас стали сильно преследовать. Нам единственное, что оставалось делать, – поехать в тайгу орехи добывать. В тайге вечером около костра, щелкая кедровые шишки, велись разговоры о творящихся событиях в деревнях, доносившихся до нас через привозивших провизию. Живя в тайге, мы чувствовали, что деревня начала глухо волноваться.

В последних числах сентября пришлось встретить Собаева Степана А., который во время свержения сов[етской] власти был настроен против красногвардейцев. Это, возможно, объясняется тем, что он Советами был посажен за уголовные дела, а белые его освободили. Почему-то с нами стал разговаривать о творившихся безобразиях в деревнях, призывал к действию. Мы к его разговорам относились недоверчиво. По возвращении из тайги Собаев рассказал нам, что в Степно-Баджейской волости организованы организации, которые ведут работу по подготовке к восстанию. Выслушали мы это дело, поручили Собаеву через Романова держать связь и в это же время решили собрать солдат-фронтовиков, более передовых мужиков, куда пригласили Мягих – двух братьев, Потеряевых и еще кое-кого. Мужики на собрании очень молчали, и мы никаких результатов не добились.

II. Восстание

Вскоре после того Потеряев Михаил, запыхавшись, бежит по улице, попадает мне навстречу, ночь была довольно темная, он подходит ко мне всматриваясь, говорит: «Это ты? Я тебя искал, у меня к тебе срочное дело есть», – сам оглядывается на все стороны, этим показывает, что он что-то секретное хочет говорить. «В селении Баджей белые расправляются, нужно что-то сделать». Он меня встретил по пути к Собаеву, он меня просил прийти к нему. Я тут Потеряеву ничего не ответил. Пришел к Собаеву, где встречаю наших ребят, всю пятерку, Ратанова и еще каких-то

двух незнакомых. Собаев познакомил. Это представители заманских организаций Ян Павл[ович], Александр Михайлович. Они рассказали, что заманские крестьяне-бедняки, лесорубы, переселенцы и имеющие многие опыт революции 1905 года, восстали против белогвардейцев, заманцы имели в своем составе красногвардейцев, участников боев с белыми под станицей Клюквенной и [в] Красноярске, из них [некоторые] были членами коммунистической партии большевиков, вели подпольную подготовительную работу к восстанию, необходимо сегодня же организовать поддержку. Мы решили взять ключи у старосты и собрать собрание. Нажали на старосту, чтобы он собрал собрание, староста самым решительным образом отказался, мы взяли ключи, собрали детвору – мальчишек и заставили собирать собрание. Собрание собиралось почему-то очень быстро, пришло много мужиков, стариков, старух и ротозеев, на собрании выступил Ян Пауль, он очень горячо говорил, после его слова пошел тихий гул. Мы стали говорить за восстание, много было разговоров. Первым спорил, что не нужно выступать Мягких Иван Константинович. Но все же постановили, что необходимо организовать дружину. На этом собрание закончилось, решили его перенести на следующий день. Собрание разошлось. Мы собрались после собрания к Собаеву и стали считать, у кого есть оружие и какое и как его можно изъять. Мы насчитали, что можно взять 28 винтовок.

На следующий день утром рано собрали собрание по организации дружины. Первое, выбрали штаб действия, первым в дружину добровольцев записался Мягких Иван К[онстантинович], а вчера [он] был ярым противником восстания. Организовали из добровольцев дружину из двадцати восьми человек, выделили двух представителей ехать в с[ело] ВершиноРыбинское. Штаб взялся за работу, за сборку винтовок и патронов. Некоторые мужики не захотели отдать свои винтовки, а изъявили желание ехать сами. Штабу было дано право производить мобилизацию людей по мере надобности. Меня выбрали представителем в село Вершино-Рыбинское. Собралась дружина, уехали на Голубовский участок для встречи белых.

Мы уехали в с[ело] В[ершино]-Рыбинское. В этом селе все жили переселенцы, по своему социальному составу имели в большинстве своем середняцкий состав. Там было очень трудно собрать собрание, встретили сильное сопротивление правления Саваты и Босенко Сергея, которые никак не хотели разрешить собрать собрание. С нами вел разговор Ян Пауль, а мы занимались агитацией, агитировали белогвардейских солдат, убежавших из армии белых, чтобы они не возвращались в свои части. Когда мы этого добились, эти солдаты быстро собрали собрание, где Ян Пауль выступил с докладом, говорил о действиях белых и о наших силах.

После его выступил Савата, который стал говорить, что восстание – гибельное дело и проч[ее]. После него пришлось говорить мне, конечно, я много сказать не мог, сказал, что нужно выступать, наша деревня выступила. Выкриком, как это всегда делали раньше на деревенских сходах, поддержал меня мой товарищ Мягких Тимофей Константинович, раненый солдат, маломощный середняк. Тогда из собравшихся поддержали нас Алешин Ион Кузьмич, Русакевич Петр и учительница Мальшева. Там также был организован штаб. Мы вернулись обратно в дер[евню] Солонечно-Талую двое, а представители Заманки поехали дальше. Наша дружина

частью вернулась обратно до некоторой степени разочаровавшимися. Разочарованными были неустойчивые середняки Филипп Бревнов и другие. Но бедняки стояли твердо, как-то: Дресвянкин Крисантий и другие, несмотря на удачный бой в дер[евне] Тюлюп, где тов[арищ] [А.Д.] Кравченко наголову разбил белых.

После этого тов[арищ] Кравченко Александр Демидович приехал в дер[евню] Солонечно-Талую, где мобилизовали еще ребят и вступили новые добровольцы. Вот здесь я встретился впервые с тов[арищем] [А.Д.] Кравченко, говорить, правда, я с ним еще не разговаривал. Откровенно говоря, я почемуто боялся с ним разговаривать. Да и о чем говорить рядовому бойцу с начальством? Но он с нами пришедшими поздоровался по ручке и очень приветливо обращался с нами.

III. В Степно-Баджей

Отряд тут разбили на две половины, одна поехала в село Перовское и [по] другим деревням. Вторая поехала в [село] Степно-Баджей, в которое [и] мне пришлось ехать. По приезде в село Степно-Баджей нас направили в дер[евню] Орешную, где был расположен главный штаб. Здесь из приехавших организовали конный взвод и меня назначили командиром отделения, и масса выдвинула представителем от канцев в главный штаб. Штаб заседал каждый день, начальником штаба был Иван Боган.

Нас расквартировали в овине, который по субботам заменял баню, нас, жильцов, на это время выселяли. По полувзводно выезжали на Пимские горы в сторожевую заставу, это примерно было в верстах восьми – десяти. Разводили большие костры в заставе и сидели у костров, впереди выставляли полевой караул и выезжали дозоры.

И так мне пришлось быть в этой заставе два раза. Не помню, какого числа мы все двинулись пешком до с[ела] Нарвы. По приходе в Нарву разместились по квартирам, попили чай, как наше командование набрало подвод, быстро снарядило нас 60 человек бойцов, кто в лаптях, кто в чем попало, под командой тов[арища] Бабичева Даниила мы двинулись в село Перовское на поддержку тов[арища] [А.Д.] Кравченко, куда ожидалось наступление белых. Наш путь был ночью. Ехали через деревню Голубовский участок, Умбож и Хайдак. Крестьяне деревни Хайдак несмотря на позднее время устроили нам хороший ужин. Нажарили свиного сала и подали по маленькому стакану самогона. Но этот станок для некоторых не оказался преданным. Правда, закусили основательно, подкрепились, двинулись в путь.

IV. Первый бой

В село Перовское приехали перед утром, разместились по квартирам, я пошел к знакомым. Утром часов в восемь я пошел в штаб [А.Д.] Кравченко, где второй раз встретился с ним. Он мне дал поручение произвести разведку, это было мое первое боевое поручение. Набрал братвы и пошли выполнять первое поручение. Нужно сказать, что я старался его с честью выполнить. В разведываемой мною полосе противника не обнаружил. Примерно часов в одиннадцать я вернулся со своей командой домой. Только уселся пить чай, подается тревога, быстро пронес-

шаяся по всему селу, что белые из деревни Ново-Николаевки и Семеновки ведут наступление. Это первое боевое крещение против белых, нужно сказать, что мы к обороне хорошо не были подготовлены. Командиры подразделения не знали место для своих частей. Нас всего в селе Перовском было около двухсот человек. Сто человек хорошо вооружены трехлинейными винтовками, а остальные – кто чем попало. Главная часть нашего отряда бросилась на главное наступление белых с дер[евни] Симоновки, с горы. Вскоре белые нас окружили с трех сторон. Открылась канонада, со стороны белых открылась орудийная, пулеметная и винтовочная стрельба. Плохо вооруженная часть бросилась бежать в кусты, оставшиеся стали отражать наступление белых. Стихийно распределились по опорным пунктам, тов[арищ] [А.Д.] Кравченко с одного опорного пункта пулеметчикам приказывал перебрасывать пулемет, что не дало возможности выяснять противнику количество пулеметов, и в то же время пулемет давал возможность зарвавшихся белых осаживать от взятых ими планов. Я остановился [неподалеку] от хлебозапасного табора¹³, первое время над собравшейся там группой не брал командование, [но] когда на этот участок поскакала кавалерия белых, мои товарищи многие решились бежать, пришлось проявить инициативу. Сказал, кто пойдет от магазинов к речке, тех буду стрелять, умирать, так всем. Так я задержал около магазина двадцать человек, приказал им занять позиции. В этом деле мне сильно помог Саламатов Петр Иннокентьевич. Первые залпы были по наступающей кавалерии, которую мелкие охотничьи выстрелы отразили. После того повела в наступление пехота. От мельницы В.В. Потылицина, ей двигаться далеко не пришлось. Третий решительный натиск был со стороны кладбища по горе. Опушка леса очень недалеко со стороны амбара, на которой стали показываться цепи белых.

Нам в снегу было хорошо лежать, сугроб снега отвечал нам за хороший упор, стреляли мы, правда, реденько, но видно было, что промахов не было. Приходил ко мне несколько раз [А.Д.] Кравченко, говорил: «Держись, ребята». Проходил так и Собаев, выставляя свою большую фигуру. Стоя, с руки из карабина стрелял по белым, говорил: «Смотри, ребята, вот как надо стрелять».

Правда, Степку Собаева, хорошего охотника, стрелка смелого и отчаянного знала вся окрестность деревень. Степа и на нашем фронте не [под]качает. К нашей группе пришел когда-то Саламатов Петр Иннокентьевич. Нужно сказать, что в то время я его совершенно не знал. Многих участников я и до сего времени не знаю. Бой кончился около десяти часов ночи. Наступление было отражено, белые с большими потерями отступили. С нашей стороны было раненых восемь человек. Одного из них знаю, это Некрасов Егор, крестьянин-бедняк дер[евни] Умбаж. После окончания боя мы решили двинуться на деревню Стойбу, хотя и недалеко, всего четыре версты пешком по занесенной снегом дороге было трудно шагать.

В Стойбе набрали подвод и двинулись в село Ачинск. Здесь в пути было знакомство с участниками боя. Приехали в Ачинск, тов[арищ] [А.Д.] Кравченко приказал мне идти с ним в волость, правда, волостные служаки заняли волость, запершись на крючок, нас не хотели пускать. Их запоры не могли нас удержать. В том контрреволюционном старом чалдонском зажиточном селе Ачинске мы простояли не-

сколько часов, перед [рас]светом двинулись в дер[евню] Солонечно-Талую, там мы простояли всего два дня, но никаких оперативных работ не велось.

Перед вечером весь наш отряд, находящийся в дер[евне] СолонечноТалой, двинулся на Степно-Баджей. Через деревни Аргаза, Кон, Зарзыбей в СтепноБаджей, долго задерживаться не пришлось, потому что белые надвигали свои силы к Нарве и заняли деревню Солонечно-Талую. Эта последняя подтаежная деревня, откуда в сибирские леса идет дорога в Кон и Степно-Баджей. В с[еле] Баджее собирали совещание, где решили немедленно выслать маленький отряд [из] 620 человек в деревню Кон для заставы на дороге, идущей по реке Мана, а главные силы нашего отряда двинулись в Нарву для отражения главного наступления белых.

Начальником идущего отряда в дер[евню] Кон назначили меня, и мне был отдан приказ немедленно выехать в деревню Кон, что было мною выполнено, собрал ребят и выехали в дер[евню] Кон. По приезде туда, я там встретился с Арсентием Трифоновичем Ивановым, Саломатовым П.И. В общем Иванов собирал там отряд человек 15, и нас 20 человек приехали, итого 35. Тут еще к нам стали собираться удирающие из деревень, занятых белыми. На нас главным образом было возложено – это нести сторожевую службу по р[еке] Мане. Выставили сторожевое охранение в рыбацких избушках. Последний караул стоял на устье Малого Шира, куда крестьяне дер[евне] Аргаза сообщали о всех изменениях, происходящих в стенах деревни.

Наши канцы и заманцы дали решительный отпор белым в дер[евнях] Лейба, Ангут[иха], взяли пулеметы, из которых дали нам один пулемет люйс¹⁴.

Когда мы получили пулемет и в то же время получили сведения, что белых в дер[евне] Солонечно-Талой нет, они выехали в дер[евню] Умбаж, мы решили выехать в степные деревни. Зимней морозной сибирской ночью мы двинулись в путь по р[еке] Мане. Утром рано приехали в дер[евню] Солонечно-Талую. Нас деревня приняла очень недружелюбно, это объясняется тем, что из деревни вся основная устойчивая беднота и середняки ушли к нам, остались старики и кулаки. Белые привезли [сюда] два орудия. Одно 6-дюймовое (неисправное для нормального воздействия), второе 3-дюймовое. Кулачье радовались, что белые имеют хорошо вооруженную армию. Что может сделать наша армия ободранцев? Трусливый народ и подпевалы говорили, что зачем пошли, ведь всех *поухлопают**. Все их разговоры и действия белых, которые наложили штрафы семьи ушедших к красным по десять тысяч и меньше. На мою мать было наложено десять тысяч, кулачье дало займы с таким расчетом, чтобы мать воздействовала на меня и [я] вернулся из отряда. Повлияли на семьи партизан и населению. Здесь мы только попили чаю и вышли пешком в село Вершино-Рыбинское. Только вышли, после нас не прошло пятнадцати минут, белые заняли деревню. В Вершино-Рыбинское волостное правление работало полным ходом на оборону Колчака. Они отказались нам оказать содействие в подводах и т.д.

V. Первое наступление

Из Ачинской волости приехал Петров Петр Поликарпович, который сообщил, что там организован маленький отрядик, через некоторое время приезжает нароч-

* Так в документе. Имеется в виду убыток.

ный, что отряд этот разошелся, через час приезжает второй, который сообщает, что вновь организовавшийся отряд едет к нам. Много неясностей, решили ехать, выехав, в поле попадает[ся] навстречу новый нарочный, который сообщил, что отряд разошелся. Здесь Иванов молчал, активного участия в разрешении вопроса не принимал, что делать, ехать дальше [к] маленькой кучке или вернуться обратно. Обратно ехать – нужно дорогу пробивать с боем, оставить на произвол наших единомышленников. Среди бойцов пошло роптание, что мы здесь стоим, кого мы ожидаем. Пришлось взять инициативу и решить твердо, что едем дальше. Итак, двинулись в Ачинскую волость. Ночью к нам приезжает из ст[анции] Баджея Бабичев Даниил начальником нашего отряда, меня назначили помощником. Продневав, ночью мы двинулись дальше. В деревне Осиновый хребет встретились с тем отрядом, о котором нас доносили в селе ВершиноРыбинском под командой тов[арища] Артюхова, лет 28–30, невысокого роста, энергичного человека, глубокой ночью устроили встречу двух красных отрядов.

Выстроили отряд против отряда развернутым фронтом, подалась команда «Смирно». Стали выступать ораторы, здесь заручились доверием «жить или умереть», «драться, не сдавая своих позиций». Эта встреча продолжилась не больше получаса, быстро расселись по подводам и поехали дальше. На следующее утро и в следующей деревне остановились по сбору оружия, седел и лошадей. К вечеру получили сведения, что в селе Ачинском имеется тридцать штук винтовок, решено было забрать эти винтовки, двинулись для исполнения постановленной задачи. Не доезжая с Ачинска примерно шести километров в дер[евне] Петропавловке узнали, что в селе Ачинске стоят белые, учебная команда 75 человек, я шел вперед с передними подводами. Арсентий Трофимович, сидя в кошевке, закрывшись воротом дохи, сказал, что поедем наступать на Ачинск. Плана наступления я не спросил, полагая, что дадут задачу на исходном положении, оказалось, что плана наступления совсем не было, что выяснилось при развертывании фронтов.

Но развертывать фронт пришлось, попавший[ся] навстречу крестьянин сообщил, что белые выехали из села Ачинск ехать в деревню Кулижникову. Первый урок был учтен, что без плана наступать нельзя. Нужно сказать, что это первое наше наступление.

Первый план наступления на деревню Кулижникову был таков: отряд был разбит на три взвода, третий и второй взводы должны ударить по флангам и заградить путь отступления. Первый взвод и пулеметное отделение должны наступать с фронта. Со вторым взводом пошел Палит Иван. Третий взвод – Сосновский, спешили и пошли по указанным местам. Пулеметное отделение ехало вперед первого взвода, заехав в деревню без всяких выстрелов белых.

Но этой несмолкаемой тишине пришел конец. Только стали подниматься на гору, по которой растянулась деревушка, со стороны белых их полевые караулы открыли по нашим пулеметчикам огонь. Мы все быстро повскакивали с подвод, подбежали к новостроящемуся дому, стоящему у подошвы горы, наши подводчики в панике, ломая друг друга, спасая не только себя, но и своих лошадей, поворачивались обратно угоняя своих лошадей. Вместе с ними также в панике убежало наше

пулеметное отделение и утащило пулемет. В ночной тишине ничего не поймешь кто где.

Данила Бабичев закричал: «Товарищи, вперед!» Раздавалась по улице его команда, это команда бедняка, зовущего идти в бой за дело революции. Он этим организующе действовал, как бы призывал штурмовать крепость. Правда, противник не был так силен, но по сравнению с нами, как в количественном, и в качественном отношении он нас значительно превосходил. Это для нас стоило значительных трудов. Первый взвод двинулся штурмовать ночную тьму, в которой шатается наш противник, пуская пули неизвестно куда, захватывая от одного другой домик. Степа Яковлев, старый моряк, шел со мной вместе, мы растеряли всех, нас по дворам бежало не больше шестнадцати человек, по пути где-то потеряли нашего Бабичева, так мы добежали по площади.

Белые прекратили стрелять, совершенно не слышно стало летящих в воздухе пуль противника. Мы решили ожидать, когда наши обходящие взводы откроют по отступающим белым огонь, но мы этого дожидаться не могли.

Перед нами встал вопрос: что же делают наши взводы?

Братва на другой стороне улицы в маленькой халупке¹⁵ разыскала сваленное имущество белых, полушубки, валенки, патронташи, подсумки, три японских винтовки и т.д. Все это составило наши военные трофеи, мы очень в дурацком положении очутились, не знаем, что делается с противником и не знали, где наши.

Узнавать идти охотников не нашлось.

Степа Яковлев остался, а я пошел. Прошел подходящее расстояние, спустился под гору. Несмотря на [мою] большую осторожность, раздался голос: «Стой, кто идет? Пропуск». Правда, я не знал, кто окрикивает: белые или наши. Пропуск говорить не выгодное дело. Если сказать пропуск, окажется противник, но этим не выхожу из положения, расстояние очень маленькое. Я решил взять иначе. Стал говорить: «Кто там кричит: “Стой”? Что, своих не узнали?» Слышу, там говорят потихоньку, называют мою фамилию, тогда я узнал, что это наши... Оказалось, что это один из взводов, направленных в обход, вернувшись обратно, не установивши связи, не знает, где находятся остальные. Пришлось их быстрым порядком направить к Степке Яковлеву. Пройдя несколько шагов, встретил второй взвод, [он] также, вернувшись обратно, стоит и не знает своих и боится вылезти разыскивать своих. Этот взвод от своей трусости убил своего бойца, шедшего к подводам. Этот взвод также был послан на фронт. Итак, я добрался до штаба, оставшись около подвод в кустах за деревней. Рассказал в штабе о наших делах. Быстро собрались и поехали в деревню собирать наши трофеи. Так было сделано наше первое наступление. Арсентий Трофимович Иванов сказал, что мы должны учесть этот опыт. Покончив со сбором трофеев, начало светать, население, забравшееся в подполья, боялось показываться, оно не знало, кто же победил. На рассвете в зимнем морозном тумане мы выехали в дер[евню] Осиновый хребет. Впереди ехали такие, у которых в глазах мерещится, что там по горам вырубленный лес, торчат только пни, кто[-то] из передних навел панику, что белые наступают, ну и пошли заворачивать подводы, друг друга обгоняют, топчут, я пробовал остановить, ничего не мог

сделать. Ну, думаю, пусть едут по деревне, там лучше организовать оборону, сам остался сзади разведать. Оказалось, никакого противника нет.

Завернувшись в деревню, куда крестьяне соседней деревни арестовали наших пулеметчиков и привезли к нам. Тут долго не останавливались, поехали в дер[евню] Иннокентьевская станция, устроив там совещание, решили проехать тайгой в дер[евню] Кои, проводником взялся старый ссыльный казак Егор Иванович (он был хороший боец, его белые расстреляли). На нашем пути было две деревни – Канок и Алдарак. Первые самогонщики там жили, они постарались спойти наших ребят. Алеша Козерский и Егор Иванович уехали вперед и с ними трезвые ребята, а пьяницы отстают, штаб тоже уехал, [на] остающихся пришлось физически воздействовать, укладывать на сани и привязывать веревками, и так мы выпроводили всех. На рассвете примерно километрах в трех пробирались мимо белых. И так вернулись в дер[евню] Кои, увеличивши свой отряд до шестидесяти человек, все вооружены 3-линейными [винтовками], командный состав, приобретший опыт первого наступления, где дали белым основательно, так что их учебная команда из дер[евни] Кулижиковой до дер[евни] Солонечно-Талой мчалась без оглядки без восьми офицеров, выбывших из строя ранеными.

VI. Одна граната

В деревне Кои из Степно-Баджея к нам приехали перовцы, в том числе Александров Миша, Андрюша Терещенко, Левка Зубарев и другие выдающиеся ребята. Это все участники нелегальной организации. Прибытие их и вновь прибывших – это все нас заставило сделать реорганизацию нашего отряда. Организовали роту, начальником отряда оставили Бабичева, меня назначили командиром роты, Александрова – первым полуротным, Стелит Ивана – вторым полуротным. Два дня отдохнув, мы поехали наступать на дер[евню] Солонечно-Талую, где стояло белых сто тридцать пять человек, а наш отряд был [из] 80 человек.

17/1 [19]19 года вечером прибыли в деревню Аргазу в квартиру Зубкова, у которого два сына партизана и уже оба раненые, выработали план наступления, который был таков.

Первый взвод должен был занять штаб, предварительно бросить в окно единственную гранату, после чего открыть по дому огонь из винтовок. Проводником пошел я. Второй взвод под командой Бабичева должен занять деревню с нижнего конца и двигаться к нам, третий взвод должен был занять дом против казаков с тем, чтобы не дать выезжать на улицу казакам, зная, что [там], где стоят казаки, у хозяина глухие дворы, проводником пошел Подобин Иван. Четвертый взвод под руководством Бревнова пошел в тыл с целью задержать отступающим белым. Итак, дана конкретная задача каждому в отдельности взводу, которую пошли выполнять.

Из деревни Аргаза [мы] вышли по речке Аргазе, которая попадает в речку Талая, три взвода потом разошлись, второй взвод пошел в нижний конец, первый и четвертый пошли вместе, дойдя до гумна¹⁶, в котором остановились, я пошел в разведку узнать, есть ли около бани караул, как там говорили, взводы остались дожидать[ся] меня, это продолжалось недолго, так как около бани караула не было, я вернулся

к взводам, и мы все двинулись вместе до дворов того дома, где стоял штаб белых. Пришли в соседний двор, откуда было наше намерение бросить в окно гранату.

Несмотря на усиленное охранение белых, первый взвод нашей роты пошел к штабу, и в окно тов[ариш] Александров бросил гранату, после этого мы все открыли по дому штаба огонь, где был убит один офицер. Граната не разорвалась. У белых поднялась тревога, но их солдат осталось мало, так [как] многие попрятались в подполье. Второй взвод под руководством тов[арища] Бабичева, взводом командовал Иванов Я. В нижнем конце сняли пост белых без выстрела, после чего [взвод] двинулся наступать – соединиться с нами. К [рас]свету пришел к нам, т.е. [к] первому взводу второй взвод, соединившись с первым, пошли вместе наступать. Первый взвод сделал одну ошибку, ту, что разбил штаб и долго не занимал его, тем самым дал возможность белым утащить из двора штаба два пулемета. На рассвете дер[евня] Солонечно-Талая была очищена от белых. Когда сделалась возможность вылезти старикам из подполья, то был такой случай, когда мы заняли деревню, белые, отступив, решили вести на нас наступление. Старик Шарыпов вылез со своей 4линейной берданкой, залез на крышу и открыл огонь, не обращая внимания, что по нему стреляют белые.

Наступление белых быстро отбили. Результаты боя были таковы: пленных 45 человек, 70 японских винтовок, два ящика гранат, два воза патронов и разной дребедени (подсумки, баклажки, шинели и проч[ее]).

Этот бой нашему отряду от окружающего населения придал значительный авторитет и само восстание стало авторитетным, к нам стало поступать много добровольцев. Наш конный отряд быстро вырос до двухсот людей хорошо вооруженных. Основным костяком отряда были перовцы, как более политически сознательные Саламановы, Терещенко, Забарь и ряд других.

VII. Сломан лафет¹⁷

Ровно через неделю белые снова повели наступление на деревню Солонечно-Талую. Им изменила природа: *в морозную трескучую ночь перед светом они развернули фронт**, их движение, скрип саней, ржание лошадей, были слышны очень далеко. Перовцы, стоя на краю деревни в последнем доме, неся караул, *услышали первое движение белых. Белые хотели нас сразу разбить***, повели наступление прямо на деревню, иначе говоря, прямо в лоб, но они быстро потерпели крушение, после этого они пошли в обход с флангов, на правом фланге им нас обойти в тыл мешала речушка Талая, которая никогда не замерзала, а с левого фланга уже наша братва обошла, где был Петров, Сабаев и ряд других. Когда мы зашли в тыл белым, *они сразу стали отступать. Правда, к нам пришло подкрепление****, мы зашли в тыл [к] белым, приехал [А. Д.] Кравченко с двумя ротами и пулеметом, следовательно, они с фронта наступающим белым дали основательно. Белым счастье изменило, они привезли с собой 3-дюймовую пушку, выстрелив раз шесть, у нее сломался лафет, пришлось везти обратно, не сделав поражения красным. Результаты боя: 23 челове-

* Рукописная вставка.

** Рукописная вставка.

*** Рукописная вставка.

ка пленных с полным вооружением. Авторитет восстания поднимается выше, наша армия растет. Начальник нашего конского отряда, тов[арищ] Бабичев уехал в заманский отряд. На его место выбрали тов[арища] Александрова, Сабаева выбрали его помощником, меня командиром первого батальона. Нужно сказать, что к тому времени в нашем конном отряде было шесть рот и эскадрон.

VIII. Нойское наступление

Спустя неделю после Солонечно-Талинского наступления белых, мы решили повести наступление на деревню Ной, для чего переехали весь наш отряд в деревню Карымовку, на второй день нашего приезда белые повели наступление, но они были быстро нами опрокинуты. В это время в деревне Солонечно-Талой приехала группа в шестьдесят человек красногвардейцев, взятых белыми в плен на Урале, переодеты в одежду белых и направлены против нас, они не доехали до нас сто верст примерно, в селе Ирдее перебили своих офицеров и перешли на нашу сторону, из них выдающимися организаторами [были] Вася Егоров, Цукарев Александр.

Они очень просились с нами наступать на деревню Ной, но им главный штаб не разрешил наступать с нами, а оставил отдохнуть в дер[евне] Солонечно-Талой. Наступление на дер[евню] Ной имеет немало значения в нашем партизанском движении. Люди, не верившие в наши силы, вели оборонительную политику. Этим они только вредили нам. На дер[евню] Ной мы наступали три раза. Первый раз поехали наступать, на Карымовском мосту лошадь сломала ногу, а значит, “не повезет”, – отступили обратно. На второй день поехали наступать, ночью в лесу закричала жолна¹⁸, значит, “не пофартит”, – нужно отступать. Это мотанье и дерганье надоело. На третий день в штабе, не обращая внимания на всех, кто мог влиять на ход дела, уселась заседать тройка, которую возглавлял Александров, выработала план наступления на деревню Ной, которого в первые разы наступления не было, после чего сделали совещание командного состава, взяли проводников и двинулись наступать. Мне выпало на долю идти ротами с четвертой и пятой, сосредоточить на себя внимание призывников, этим самым дать возможность первой, второй и третьей ротам обойти с правого фланга, а шестой и эскадрону кавалерии с левого фланга занять сторожевую дорогу в Сухонойскую.

Меня вел Сидор Мартынович Семин, оставив лошадей в логу, двинулся, рассыпав цепью свои роты, к дворам дер[евни] Ной. Занять зады дворов никаких трудностей не представляло, все кругом спало, погода теплая, ночь пасмурная, только изредка полаивали собаки в дер[евне] Ной.

Расположившись в конце дворов, открыли огонь по дер[евне] Ной. Через 15 минут нам тут было тошновато лежать, пули поднимали снег. Но убитых и раненых не было, нам тут пришлось держать огневое превосходство и немало времени пришлось лежать в снегу. Перед светом засияло зарево, которое зажгли наши, то был условный знак, что конец деревни занят. Отдав приказание по цепи, чтобы отступить до поскотины¹⁹, где [по]ждать меня, откуда мы должны двинуться на поддержку наступающим со стороны первой [роты]. Пятая рота мое приказание перепутала, навела панику и отступила к подводам, сказали, что меня убили, хо-

тели брать подводы и удирать дальше. Когда я пришел к поскотине, то там была только одна четвертая рота, правда, пришлось быстро пробираться лог по снегу к подводам, очень разозлился, приходя к подводам, где собралась пятая рота, брал овсяной сноп и снопом бил того, кто попадет под руку. Быстро усадил на подводы и двинул в деревню Ной, не обращая внимания на пули, пробрался в деревню, где встретился с первой цепью наступающих с перовской стороны. Встретил бегущего вперед С. Сабаева, воодушевляющего ребят, немедленно двинул своих ребят. Потом слышу, передают, Сабаева ранили, черт возьми, защемила сердце злоба мести. Бой был быстро закончен, убежали из деревни 40 человек казаков. Полковник Со-рокин в одних кальсонах и сестра милосердия в одних панталонах. Результаты боя: 180 человек пленных, 220 штук винтовок, два пулемета кольт. Это было достигнуто решительностью этой тройки, которая вопреки влиятельным лицам, решила наступать. Из них в живых остался только один.

После этого боя меня назначили или выбрали на место Сабаева. В тот же день познакомился с тов[арищем] [С.К.] Сургуладзе²⁰; бежавшего беляка... Поймали кавалеристы, привезли его в штаб, его допрашивали, он не хотел отвечать, его тов[арищ] [С.К.] Сургуладзе своей собственной рукой расстрелял в ограде штаба.

Вечером в штаб приехали четыре казака из отряда, стоящего в Кизе, наши часовые пропустили по пропускам, они пришли в штаб при полном вооружении. Арсентий Трофимович, сидя за столом заметил, что появился народ в погонах, тут же толкутся бойцы-партизаны, ничего не делая он вытащил свой смит-вессон²¹, наставил на казаков, им командует: «Руки вверх!» Их обезоружили, арестовали, передано это тов[арищу] [А.Д.] Кравченко, находящемуся в соседней комнате. Он приступил к допросу казаков, которые сообщили, какое количество белых солдат стоит в Кизе и Базаихе. Им была дана за это жизнь, но их партизаны по пути в дер[евню] Кой вопреки приказу Кравченко расстреляли.

IX. Только прогнали

На следующее утро было решено выехать в дер[евню] Хайдак, откуда главком [А.Д.] Кравченко и командование Канского отряда должно было выехать на совещание в дер[евню] Тюлю, где стоял штаб заманского отряда. Это было во второй половине января 1919 года. Приехал в Хайдак, весь наш конный полк, где нас основательно угостили, был устроен хороший обед. Сразу после обеда командование выехало на совещание. В отряде из комсостава полка остался я один, на моей задаче было укомплектовать кавалерию юным составом. Ястребов, наш ветеринар, пригнал лошадей, кавалеристы, не спрашивая его разрешения, стали выбирать себе лошадей, кому какая понравится. Он им не разрешил брать лошадей, вопреки его приказанию все же лошадей брали, он рассердился и одного кавалериста стегнул плетью, но тут братва рассердилась, хотели его растерзать, он вырвался, прибежал в штаб, пришлось вмешаться в это дело и уговорить ребят. Командование к вечеру вернулось с совещания, где решили, что заманцы будут наступать на Кия, а наш конный отряд должен перерезать путь отступления белым в дер[евню] Новомихайловку.

В назначенное время, примерно часов в 12 ночи, наш отряд выехал, по прежнему Кравченко с Малышевой впереди, проводником – знаток этих дорог был тов[арищ] Чартков. Выехали на островские поля. Кому-то вошло в голову, что нас проводник неправильно ведет, мы сбились с дороги, на все доказательства проводника, что едем правильно – не поверили. Решили вернуться. Только приехали в дер[евню] Новоалександровку, слышим трещит пулемет, рвутся снаряды. Мы с Александровым вышли на крыльцо, посмотрели, сделали такой вывод, что заманцы наступают, многие лица из командования уже были подходяще выпивши. Мы хотели с Александровым уже собрать отряд и ехать выполнять возложенную задачу, но уже было поздно. Результаты боя Заманского отряда были таковы, что пригнали белых, захватили кое-что из трофеев. Если бы канцы выполнили свою задачу, то возможно, что все белые, находящиеся в Кое, были бы нами разбиты.

На следующий день решено было наступать на Базаиху. Меня с батальоном послали в дер[евню] Сосновку, белые, находящиеся в Базаихе, упорно дрались. Там ранили командира роты тов[арища] Осипова, хороший боевой товарищ, и еще рядовых бойцов, но тем не менее белых заставили отступить в панике.

Х. Тальский полк

Тот батальон, с которым был я в Сосновке, он в этом бою не участвовал, просто в Сосновке дня два, меня срочно вызвали в Кий. Приехал туда, где мне срочно предложили выехать немедленно в дер[евню] Солонечно-Талую формировать новый отряд. Приехал по месту назначения, где уже зачатки отряда были сделаны. Часть отряда находилась в дер[евне] Ной, часть – в дер[евне] Солонечно-Талой. В Ное нач[альником] отряда был тов[арищ] Бывшев-Петушовский, а в Талой – тов[арищ] Грибушин. Здесь мне пришлось встретиться с тов[арищем] Марченко А.М.²² Устроили собрание наших бойцов, выбрали меня командиром Тальского отряда, тов[арища] [А.М.] Марченко начальником штаба*, Сосновский – адъютант отряда.

Состав отряда, перешедших от белых уральские красногвардейцы шестьдесят человек, а остальные – те, которые боялись с первых дней примкнуть к нашему восстанию. За это время, пока мы находились в Талой, наш отряд, находившийся на фронте, побывал в боях в селе Шало, Островки, в дер[евне] Ной. После этих боев белые заняли дер. Семеновку, Барашкову, Толстихину. Наши части заняли Верх-Никольск, Шало.

Заманский отряд, Морская заимка, батальон Тальского отряда, командир батальона тов[арищ] Филимонов (поручик старой армии неохотно подчинился командованию отряда). Канский отряд стоял в селе Перовой. Штаб, совет Тальского отряда, стояли в дер[евне] Стойба. В начале марта 1919 [г.] все, находящиеся в дер[евне] Солонечно-Талой, приехали в дер[евню] Стойбу, здесь штаб Тальского отряда взял правление отрядом в свои руки. Через некоторое время приезжает в дер[евню] Стойбу отряд Жестикова, который имел название Ачинского отряда. В это же время на сцене нашего движения появился новый отряд тов[арища] [М.Т.] Савицкого, оперирующий по Ирбейской волости в количестве 35–40 чел[овек] под

* Здесь и далее подчеркнута карандашом.

названием «Стальной отряд». Жестиков предлагали влиться в Тальский отряд, но он не согласился, они уезжали обратно, но потом приехали к нам. В общем было много колебаний. Примерно числа 10 марта.

XI. Три боя

Наш Тальский отряд и Ачинский [отряд] перебросили в дер[евню] НовоНиколаевское, только заняли деревню, белые из дер[евни] Семеновки повели на нас наступление. Первое крещение белых отряд выдержал, наступление белых было отбито. Через день белые решили решительнее вести наступление на дер[евню] Ново-Николаевку, нужно сказать, что к этому времени приехал наш второй батальон, стоявший в дер[евне] Морская заимка, оттуда приехала также и часть нашего эскадрона во главе с комендантом эскадрона Васей Зубковым. Второе наступление белых было также отбито, в этом бою взяли в плен 23 человека. Авторитет Тальского отряда стал подниматься, но это объясняется тем, что в отряд влились новые силы, пришли Еремин из дер[евни] Барашковой и еще ряд наших ребят.

Дня через два белые повели наступление на дер[евню] НовоНиколаевку. Правда, первое время отряду трудно было сдерживать эту массу белых, к нам пришел на поддержку Канский отряд, и белым намазали пятки салом, не дали им обратно отступить в Семеновку, и дороги отступления отрезали, заставили их пробираться без дороги по снегу прямым путем на станцию Клюквенную. Мы все вернулись обратно в дер[евню] НовоНиколаевку, здесь мы сделали промах, нам нужно было преследовать противника, что называется, доконать его в сибирских снегах, а мы дали возможность ему собраться с силой. Примерно числа около 20/III Канский отряд поехал наступать на село Рыбинское, но это наступление оказалось не весьма удачным, белых из села не выбили, там потеряли из строя лучших товарищей, тов[арищей] Шаклеина, Яковлева Степу, первый ранен в левое плечо, второй – в ногу. В это время получаем вести из нашего тыла – центра нашей Советской республики – Баджея, что к нам через тайгу прошел отряд тов[арища] [П.Е.] Щетинкина.

И в это же время переходит наименование отрядов в полки и так стали называться: 1) Манский полк, 2) Канский полк, 3) Тальский полк, 4) Ачинский полк и потом после Северо-Ачинский полк, командиры полков: Манский – тов[арищ] Боган Ф.Ж., Канским – тов[арищ] Александров, Тальским – Пишущин, Ачинским – тов[арищ] Жестиков, Северо-Ачинским – тов[арищ] [П.Е.] Щетинкин. К наступлению весны наши части расположились следующим порядком: [в] Верх-Николаевске стоял Манский полк, [в] дер[евне] Семеновка – Северо-Ачинский полк, [в] дер[евнях] Баратово и Толстихино – Канский полк, [в] дер[евне] Переясловка – Тальский и Ачинский полк, куда к нам главный штаб прислал тов[арища] Лидина-Пуляева Костю. Мы там из этих двух полков организовали бригаду, командиром бригады выбрали Костю Лидина, начальником штаба бригады – тов[арища] Марченко А.М. В это время т[оварищ] Александров, командир Канского полка, кончает свою жизнь самоубийством, на его место становится т[оварищ] Сабаев, который только что вышел из больницы после койского ранения.

В начале апреля при поездке в армейский совет, который стоял в дер[евне] Кирико[во], я познакомился с тов[арищами] [П.Е.] Щетинкиным, Улановым и Замуравым, он очень приветлив был, очень просто меня принял. Мне говорили, что этот штабс-капитан – гроза белых, я его считал в такой обстановке тоже грозой, а он так прост, так приветлив, правда потолковали немного о наших задачах, он интересовался состоянием наших полков. Это первое мое знакомство с тов[арищем] [П.Е.] Щетинкиным. Наступление весны с нашей стороны. Мы не вели наступление на белых, а только так их понемногу тревожили, разрушали полотно железной дороги, рвали телеграф. Но это наше *отпущение**. Этим самым мы дали возможность сосредоточить большое внимание войск против нас в различных пунктах.

ХII. Наступление по всему фронту

В начале мая белые из Ирбея повели наступление на Межову, где стоял [М.Т.] Савицкий со своим отрядом. Тальский и Ачинский полки выезжали на поддержку, но тем не менее наступление белых не пришлось отбить. В то же время белые повели наступление по всему фронту. После боя на следующий день получаем приказание немедленно выехать в село Ачинск. Оставив в дер[евне] Переясловка одну четвертую роту, которая была национальной ротой, там были латыши, латгальцы, командиром роты был тов[арищ] Федоров, боевой хороший товарищ, пришла к ним рота Канского полка. В тот же день на них белые повели наступление, они не выдержали этого наступления, отступили. Эта четвертая рота после этого боя вся разбежалась и растащили имеющееся у них оружие.

В село Ачинск мы приехали ночью, туда приехал отряд Савицкого, две роты Северо-Ачинского полка, пятая и шестая роты Канского полка. Командовал всем этим отрядом Костя Пуляев-Лидин. Утром командный состав стал собираться в штаб к Лидину для разбивки на участки позиции обороны, не успев ничего сделать, разведка доносит, что белые наступают.

Сразу подняли тревогу и побежали на горку на село занимать позиции. На правом фланге [позицию] занял тов[арищ] [М.Т.] Савицкий со своим отрядом. Левее – две роты Северо-Ачинского полка, левее ачинцев – Агинский полк.

После агинцев, т.е. левее агинцев, занял позицию Тальский полк, левее тальцев заняли две роты Канского полка. Белые повели решительное наступление, открыли пулеметный, оружейный и артиллерийский огонь, в общем открылась целая канонада. Пятая и шестая рота канцев под командованием командира Антона Пономарева перешла в наступление. Правый фланг белых заставили отступать, несмотря на угрожающую нам опасность, откуда предполагали, что должны наступать белые, но их не было, хотя бой дал перевес в нашу сторону. Правый фланг – отряд Савицкого не выдержал наступления белых. [М.Т.] Савицкого ранили в челюсть, он сам растерялся, закричал, чтобы его прикончили. Нашелся один чудак из его отряда, вонзил ему в грудь штык. Отряд его бросился бежать, оставив [М.Т.] Савицкого, которого подобрал тов[арищ] Белолипецкий. Этим самым дали возможность обойти нас с правого фланга, стали отступать ачинцы, за ними агинцы, нашему левому

* Так в документе. Имеется в виду упущение.

флангу, перешедшему в контрнаступление со скрежетом зубов и болью в груди, пришлось отступить.

Тальский полк и две роты канцев, перешедшие в контрнаступление, отступили. Отступление было неорганизованное, многие думали, что мы отрезаны от наших сил и нам нет возможности пробраться в село Вершино-Рыбное.

Тов[арищ] [А.М.] Марченко с частью Тальского полка отступил на Вознесенку, отряд Савицкого совсем разбежался, за исключением отдельных лиц. Из Ачинского полка осталось всего человек 200–250. Части тальцам и канцам пришлось отступить под белым артиллерийским огнем. Пустят гады шрапнелью, она ползет как червяк на воде, сокрушительные язвы на нашем партизанском теле. На следующий день утром забрались все в село Вершино-Рыбное, там сосредоточился весь конный полк, часть СевероАчинского, Тальского, Ачинский, а отряда Савицкого уже не существовало. Тут же были члены главного штаба, [А.Д.] Кравченко, [С.К.] Сургуладзе. Там было черт знает что, готовились к отступлению, эвакуировали из Вершино-Рыбного все необходимое для нашего существования. Тальский полк получил приказ отступать на дер[евню] Алдарак, пошли выполнять данное поручение. Задачей полка было напасть так, чтобы ни один человек не ушел, что было сделано. Окружили деревню, а в деревне белых ни одной души, наш заряд оказался выпущенным напрасно. Пришлось сматываться обратно.

В общем в мае, но не помнится, какого числа, белые решили вести решительное наступление на село Вершино-Рыбное, они намеревались окружить [его] с трех сторон, прижать нас к болоту, по которому можно пройти только пешему человеку, этим самым они хотели нас спешить и так они повели наступление в Ново-Покровка, Конок и Алдарак. На самом правом фланге за черемшанным логом на горе в мелком осиннике был расположен Тальский полк, по левую сторону Черемшанского – Ачинский полк, этими полками командовал Костя Пуляев-Лидин, как командир бригады, остальные были расположены в окрестности с[ела] Вершино-Рыбного.

Часов в 9 утра белые повели наступление, нашему Тальскому полку было жарко, мы отбили две атаки, наш эскадрон кавалерии был расположен на самой сопке, в роли наблюдателя за нашим флангом. После двух лобовых атак стал делать обходное наступление на фланг, я уехал к эскадрону, оставив своего помощника Вшивкова (крестьянин-кулак дер[евни] Солонечно-Талой). Он, должно быть, выжидал удобного случая подвести нас, когда я уехал, а тов[арищ] [А.М.] Марченко был при штабе бригады, этот Вшивков в такой ответственный момент убегает с фронта, оставляет фронт тов[арищу] Жоронкину (командиру батальона).

Последний получил приказание об отступлении, не сообщив эскадрону, и отступил, эскадрон кавалерии, ведя решительное сопротивление атакующей кавалерии белых, остался в тылу, не зная, что полк отступил. Белые, преследуя отступление наших частей, пришли к нам в тыл, мы не знали, что это белые. Решили отступать, когда выяснилось, что это белые. Мы образовались в окружении белых с трех сторон, прижатыми к речке Рыбной, эскадрон переехал через речку по мосту. Пишущий эти строки не успел переехать, пришлось переплыть речку вплавь под носом у наступающих белых. Град пуль и всевозможные крики «Сдавайся!» и проч[ее]

не помешали переплыть через речку, остановить эскадрон и давай отражать наступление, которое было задержано. Все наши старания все же не удержали село Вершино-Рыбное.

Основная из причин всех наших неудач в отражении генерального наступления белых коренится главным образом в том, что отсутствовала твердая воля единоначальника, которая могла бы зарядить нижестоящих начальников, молодых, только что вступивших на путь борьбы, имеющих энтузиазм, волю и энергию, но не умеющих их правильно применять. Этим молодым отважным командирам приходилось учиться в классовой борьбе с превосходящим противником. Заставляла учитывать каждодневный опыт в своих действиях, промахи и достижения. Кроме этих элементов не хватало такой организации, которая занималась бы организацией масс, т.е. ротной ячейки партии. Не зная, где находится полк, решили ехать прямо через тайгу, выехать на дорогу, идущую в дер[евню] Кой. Правда, путались по бездорожью не так долго, выехали на вершину речки Малого Шира, где были расположены на привале все отступающие силы из Вершино-Рыбного, Солонечно-Талой, полки Северо-Ачинский, конный, Тальский, Ачинский и отдельные лица остатков отряда Савицкого.

Этот привал очень помнится хорошо, здесь на бугорке в сосновом лесу, ярко освещенном весенним солнцем, были расположены партизаны, уставшие от боевой сутолоки, здесь прятали все вещи и продукты, которые с собой нельзя было забрать. Здесь был разговор с [П.Е.] Щетинкиным, это я его в первый раз увидел. После этого привала мы двинулись в дер[евню] Кой, где главный штаб даже не остановился, а сразу же направился в Баджей. Переночевав в деревне Ной, рано утром, это было 21-го мая, штаб Ачинского полка сбежал, оставив своих бойцов на произвол судьбы. В общем все воротили Ачинского полка: Стародубцев, Жестиков, Грибушин Ф., Лаптенко и другие – сбежали. Сообщили это главному штабу, от которого получили указание, что все эти беспризорные части [необходимо] влить в Тальский полк, что было сделано. Мы с тов[арищем] [А.М.] Марченко собрали всех бойцов Тальского, Ачинского полков, предварительно посоветовавшись о своих целях на собрании. Выстроили всех бойцов, разбили на роты, взводы, выдвинули соответствующий начальствующий состав, после этого стали выбирать командование полка, здесь вновь выбрали меня командовать Тальским полком, тов[арища] Марченко выбрали помощником тов[арища] [А.] Козерского, командира 1-го батальона, тов[арища] Сову Слюсаренко (кажется так, точно не помню) – командиром второго батальона, после этого мы с тов[арищем] [А.М.] Марченко держали речи, говорили, что наше доверие постараемся оправдать и т.д.

Выбрали штаб полка, начальником штаба был выбран Зозукин Иван, довольно неудачная фигура, адъютантом – Зубков Вася, который был хорошим боевиком, но адъютант, так сказать, не весьма важный. Также был обновлен состав полкового совета, бывший председатель полкового совета т[оварищ] Бывшев где-то утерялся (он теперь жив и может сказать, где он был).

И так после такой реорганизации мы приступили к работе. Первой нашей вылазкой была разведка, произведенная [в] дер[евни] С[олонечно]Талая, Аргаза и ряд хуторов, по пути нужно было забрать брошенное при отступлении. Приезжаем на

хутор Пологий спуск, там нам сообщили, что Вшивков находится здесь. Правда, они только заметили въезжающих нас из лесу, сели на лодку и спрятались в островах на Мане. Наше намерение убить Вшивкова не оправдалось, откуда мы вернулись обратно. Посмотрели зарево горящих деревень, заехали туда, где был оставлен хлеб в тайге, но его уже здесь не было: перебежавшие с нашей стороны к белым (а такие чудачки были), которые выказали [хлеб] белым, и они постарались [его] забрать. По возвращении в дер[евню] Кои, часть полка была отправлена в Нарву, и с ним уехал тов[арищ] [А.М.] Марченко. Мне болезнь начинала давать основательно-но себя чувствовать, но тем не менее пока ездил.

Приехал в Кои начальник главного штаба Арсентий Трофимович Иванов, мы забрали эскадрон кавалерии и поехали на разведку, выезжая на лужайку, мне показалось, что за речкой около горы фигура человека, не обращая на это внимания, мы остановились на лужайке кормить лошадей, после чего приказом командиру эскадрона тов[арищу] Лапину [следовало] выслать дозорных, который исполнил приказание, но не так, как это было ему приказано. Весь эскадрон двинулся, дозорные немного выехали вперед, только отъехав от речки Шира, нас встретила ружейным огнем засада белых. В лесу, в трущобе, на узкой таежной горной тропинке сразу развернуться было трудно и [особенно] перед самым носом у белых, находящихся от нас 5–10–15 шагах. наших дозорных обоих сшибли, одного ранили в ногу, а у второго убили лошадь, они были выручены. Правда, в наших рядах получилась суматоха, лошади запрыгнули, люди многие, здесь очень мужественно сражался Арсентий Трофимович Иванов, нас осталось всего человека три, не больше, остальные все сбежали, но белые было бросились бежать за нами, но они были задержаны, белые сами этих путей в дер[евне] Кои не знали, им указывали кулаки дер[евни] С[олонечно]-Талой – Коньков Тимофей, Долгих и ряд других.

Вернувшись в дер[евню] Кои после этой суматохи, я окончательно свалился, поставил вопрос о смене меня с командования полка. Очень против был Иванов А.Т., Н. Козерский, но тем не менее я настоял, чтобы меня сменили. Все же сменили, после этого пришлось встретиться с тов[арищем] [А.М.] Марченко, которого выбрали командиром Тальского полка, он, правда, меня поматерил основательно, но это было один на один.

Вскоре после этого белые повели наступление на дер[евню] Кой, здесь пришлось принять участие, но непосредственно в бою не пришлось быть, а только давал указания, а основной руководитель в этом бою был А. Козерский, удержаться нам не удалось, отступили за Ману, где и стояли до отступления. Когда стали отступать, около Камылова хутора был отряд кавалерии.

Очень просили меня, чтобы я остался с ними, как бы ни был больной, я решил ехать с полком. Первый день нашего отступления отступили до дер[евни] Крае, здесь соединился весь полк.

ХIII. Наше путешествие по тайге

Из Канско-Касноярского уезда в Минусинский округ многое товарищами описано. Меня тов[арищ] [А.М.] Марченко из полка не отпустил, будучи больным, я

ехал при штабе полка, полковой фельдшер тов[арищ] Новмержицкий меня лечил. Приехав в село Шалоболоино, к тому времени я уже значительно оправился, мне тов[арищ] [А.М.] Марченко предложил принять второй батальон, я его принял, и так без всяких боев приехали в село Григорьевку, где нависла гроза со стороны белых тем, что белые сильно потрепали Манский полк в Ермаковке, отрезали Северо-Ачинский полк [П.Е.] Щетинкина. Мы ездили выбирать позиции для ведения обороны, как вести оборону тут не пришлось. Получив приказание двигаться по Усинской шоссеиной дороге, я с батальоном был направлен в авангарде до прихода полка [П.Е.] Щетинкина. Дождав[шись] здесь [П.Е.] Щетинкина, пропустив манцев и канцев, после чего двинулся вперед к полку, догнав который остался, – бросили в авангард. И так он шел авангардом до первой переправы на реке Ус. По дороге до реки Ус мы встретили четырех человек, шатающихся по тайге, которые нам сказали, где стоит полевой караул белых, который был нашей разведкой пойман, на 126-й версте стояла казацкая застава, наши цели были направлены к тому, чтобы эту заставу снять. Кавалерийский эскадрон и часть пехоты (четвертая рота), эту заставу нам снять не пришлось, белые обнаружили наш обход. Под нашим натиском отступили, оставив двух убитых.

На этой станции (т.е. на 126-й версте) много было оставлено самодержавием кандалов, которое заказывало каторжан, работающих [на] Усинском тракте. К вечеру весь наш Тальский полк приехал к первой переправе через реку Ус. На берегу реки было устроено совещание комсостава, где был выработан план наступления на засаду белых, засевших в горе у второй переправы, которая представляет собой природную крепость. Белые думали, что их из-за этой крепости не выбить красным, а с тыла нажмут преследующие нас части, и здесь они нас окончательно раздавят.

Командир полка тов[арищ] [А.М.] Марченко с первой и четвертой ротой пошел в обход по горам, провожатым взял одного из приставших к нам политического, он выступил в три часа утра 11/VII [19]19 г. Его задачей было атаковать белых с тыла в 8 часов утра.

В 7 часов утра я с второй и третьей ротой и эскадроном кавалерии должен был сосредоточить на себя внимание противника с фронта. В назначенное время я выступил, первым выехал эскадрон под руководством тов[арища] Козерского Алексея. Он выслал вперед двух человек разведчиков, которые, доехав до переправы, сообщили тов[арищу] [А.] Козерскому, что белых на переправе нет, за это время я рассыпал батальон в цепь и боевым порядком двигался к месту переправы. Тов[арищ] [А.] Козерский сообщил мне, что белых нет. Собрал свои роты и походным порядком двинулся к переправе, по приходе к берегу вторая рота была рассыпана цепочкой по берегу и двинулась к месту переправы. Я шел посередине цепи второй роты. Тов[арищ] [А.] Козерский приехал к месту переправы, послал двух кавалеристов на сторону белых за парходом, которые, переехав на лошадях Черную речку Ус, быстро несшую свои воды, погрузились на паром и переехали на нашу сторону. Тов[арищ] [А.] Козерский, с семьей кавалеристами погрузившись на паром, стал переправляться через речку, в это время голова второй роты подошла к месту переправы, тут же на берегу оставшаяся часть эскадрона стояла, каждый боец дер-

жал свою лошадь, отмахивающуюся от надоедливых таежных комаров. Как только тов[арищ] [А.] Козерский стал переплывать вторую половину реки, то со стороны белых раздались два выстрела, они были сигнальными и для многих они были непонятными: полагали, что это нечаянные выстрелы наших ребят, сразу же после них последовала пулеметная и оружейная стрельба, громкое эхо разносилось по Саянским горам, покрытым хвойными мхами.

В это время третья рота подходила строем к берегу реки Ус, в ней раздались стоны, в это время ранили Хандечина Романа и других, в общем трех человек убили и шестерых ранили. Как затрещали пулеметы, наши быстро все легли, из восьми человек на пароме с лошадьми никого не осталось, все они с него спрыгнули в воду. Тов[арищ] [А.] спустился в люк парома и постепенно его переправили на нашу сторону, тут, лежа на берегу, нам пришлось ожидать наступления [отряда] тов[арища] [А.М.] Марченко с тыла. Берег, примерно метров на пятьдесят очищен от леса, все выкорчевано, так силен был огонь белых, что не было никакой возможности отползти назад. Время шло, стало уже жарко, солнце чертовски стало палить, а [отряда] тов[арища] [А.М.] Марченко все еще не было, это многих заставляло нервничать, приходилось успокаивать, что мы должны во что бы то ни стало дождаться наступления. Если не будет, то мы перед вечером начнем наступление в обход по реке Ус.

Примерно часа в 2–3 дня на стороне противника за горкой раздалось сперва несколько голосов «Ура» мигом возросло в один звук «А-а-а». Эхо разносило по лесу победы звук красных партизан.

В это же время я быстро направил одну полуроту на изгиб реки, где могли пробраться белые, в то же время направился первый плашкоут²³ с бойцами на ту сторону, белые внезапно получили атаку в тыл, в то же время полурота отрезала путь отступления, они бросались со скалы прямо в воду. Итак, тут мы взяли эту природную крепость очистили себе дорогу до села Ус. Взяли два пулемета системы «Кольт», винтовок около трехсот, патронов и около двухсот пятидесяти лошадей. Перебравшаяся наша пехота быстро превратилась в кавалерию.

Не разбираясь долго с нашими завоеваниями, отдельные отрядики быстро двинулись вперед. По дороге мы встретили дружинников, едущих сражаться против «банды» [П.Е.] Щетинкина. Мы спрашиваем их: «Куда вы едете?» Они ответили, что помогать правительственным войскам отражать наступление «банды Щетинкина». Тут быстро братва объехала со всех сторон, первая команда, примерно человек 11–15, была взята без выстрела и отправлена к переправе, немного отъехав, мы встретили другую компанию дружинников, участь которой была такая же. Приехав к третьей переправе, нам паромщик сообщил, что скоро еще должны ехать дружинники. Мы выставили засаду и часть по горе объехали в тыл. В это время приехали дружинники. Мы их прижали, здесь было человек 30, а нас всего было человек 15, они тоже были направлены к местам боя, куда приехали наши главные силы [А.Д.] Кравченко и [П.Е.] Щетинкин. Там был суд всем присланным дружинникам и спрятавшимся в кустах белякам. И так на берегу осталось два кургана; к вечеру приехали главные силы к нам, переехав третью переправу, около вновь строившихся каких-то зданий ночевали.

12/VI утром мы приехали в пограничное село Ус, где у нас состоялись похороны товарищей, павших в борьбе за вторую переправу. Это была большая демонстрация, где участвовали наши войска, много присутствовало и местного населения. На могилах павших выступали ораторы т[оварищи] Белолитнетский, Петров, Таня Перова и другие.

На следующий день мы двинулись в город Белоцарск (ныне Красный Танну – Тувинской республики) по дороге пришлось заняться реквизицией мануфактуры у кулаков. Кроме того, на дороге случилось еще одно несчастье – это разорвался наш имевшийся запас пороху.

В деревне Туран были пригнаны табуны лошадей русских помещиков Кузнецова, Вавилова и наша братва вздумала подзаняться вольностью, поймать хорошую дивную лошадь, обучить ее и прокатиться. Здесь очень многие приобрели себе хороших лошадей и так мы ехали до города Белоцарска, который нам пришлось занять не так-то просто, но без боевых операций.

По приезде в гор[од] Белоцарск я был с батальоном направлен вверх по реке Малому Енисею по ликвидации бандитизма, сбору оружия. Со мной был направлен член армейского совета т[оварищ] Папонов.

В деревне Федоровке мы ночевали, на следующий день в одном хуторе нам тувинцы сообщают, что на [хуторе] находятся казаки, пришлось туда выслать полуроту, но это оказалось провокацией. Объехав ряд деревень, в дер[евню] Владимировку приезжает нарочный от т[оварища] [А.М.] Марченко, который приказывает срочным порядком выехать к гор[оду] Белоцарску, т.к. ожидается наступление белых. По приезде в гор[од] Белоцарск пришлось лечь в окопы и ожидать наступления белых. Примерно во второй половине августа мы все штабники спали под листьями развесистых тополей.

XIV. Решительный бой в гор[оде] Красном

Рано утром послышались внизу по р[еке] Енисею орудийные выстрелы, через некоторое время затрещали пулеметы. Лежа под тополем, я спросил т[оварища] [А.М.] Марченко: «Шура, слышишь?» Он отвечает, лежа в постели: «Слышу». – «Что это такое?» – спросил я. Он отвечает: «Не знаю». Стали звонить в главный штаб узнавать в чем дело, первое время нам штаб отвечал, что он сам не знает в чем дело, потом выяснилось, что белые наступают на Манский полк. Из нашего полка был послан батальон к горам на всякий случай. К обеду выяснилось, что Манский полк выдержал девять атак со стороны белых, отступил. Белые, сбив Манский полк, пошли наступать на город Белоцарск, где были расположены по берегу реки Енисея Тальский полк (один батальон), часть Северо-Ачинского полка, часть Канского полка. Вообще нас было примерно человек семьсот пятьдесят. Белые на противоположном берегу Енисея поставили два орудия и открыли орудийный огонь, а в то же время в тылу вели наступление. Нашему полку пришлось оставить наши окопы и занять позиции в тылу. Заняв таковую на бугорке, белые тут нас взяли перекрестным огнем и фланговым, так нам тут очень жарко показалось, наш батальон не выдержал решительного огня белых и сбежал с занятой позиции к

Енисею, пулеметчики оставили на бугорке пулемет, бегая под горкой чуть не плача, что оставили пулемет, пришлось быстренько вернуться на коне на горку, взвалить пулемет на лошадь и таким образом вытащить пулемет из огня противника. Вытащив пулемет, пришлось и нам отступить, туда отступить, куда отступил батальон, уже было безрезультатно. Мы решили отступить возле горки, выбраться на дорогу, по которой белые бьют беглым артиллерийским огнем.

Несмотря на это мы пробрались, нужно сказать герои пулеметчики, из которых только одного помнится фамилия – Гутиков Павел, он начальник пулемета. Приехали к первому батальону, которым командовал Вася Егоров, сообщив которому, что наших прижали к Енисею, нам необходимо наступать, этим самым выручить наших. Весьма быстро двинулся батальон, выбегающие из лесу канцы присоединились к нам, потом ачинцы. За ними тальцы и так получилась единая, не сгибающаяся цепь. Время было уже к вечеру, на небе получилась дождевая туча. Тов[арищ] [А.Д.] Кравченко сказал нам, что мы победим, и так редкая цепь партизан, охватившая в кольцо гор[од] Белоцарск, двигалась решительным натиском. На ходу каждый изредка постреливал, пулеметчики, не отставая от стрелков, перетаскивали пулеметы, быстро устанавливали и своим огнем помогали бойцам уничтожить огневую силу противника.

Со стороны противника работало два орудия, шестнадцать пулеметов, с нашей стороны работало семь пулеметов. Дойдя до того места, откуда наш батальон сбегал, с этой горки все наступающие двинулись в атаку, черт знает что тут было, мне помнится один момент, как командир первой роты т[оварищ] Прокович, крестьянин деревни Новопокровки партизанского района, с группой бойцов врезался в казацкую шайку, он был ими зарублен, но они далеко не ушли, были нами уничтожены. Жаль, что наш скромница, герой тов[арищ] Прокопович, погиб преждевременно.

Так быстро мы получились около парома, отстающие белогвардейцы учебная команда, спрашивая разрешения стрелять по отступающим на пароме белым. Один командир, не помню фамилии, быстро скомандовал белогвардейцам по отступающим белым. И так белые успели переплавить обратно только один паром, второй был нами сбит.

Ночь была темная, ничего не видно, после мы пошли на свои могилы, раньше ходили в такие же темные ночи не падали, а на сей раз много оказалось свежего колоднику, еще не остывших казацких трупов.

Нужно сказать, что боем руководили сами т[оварищи] [А.Д.] Кравченко и [П.Е.] Щетинкин, а никто либо другой. Теперь многие находятся, приписывающие себе эти достижения. Результаты боя: с нашей стороны всего двадцать четыре чел[овека] выбывших из строя убитыми и ранеными.

Белых бежало примерно 700 человек, а всего было 1 600 человек, 250 человек взято в плен (взято два орудия, шестнадцать пулеметов, сто двадцать тысяч патронов, семьсот снарядов). Эта победа была одержана самоотверженностью бойцов, отвагой [в борьбе] за Советы, своим партизанским героизмом. Этот бой был повторным боем в нашем маршруте, который изменил путь нашего движения. На следующий день мы двинулись на Туран и Уюк. Ночью на одном хуторе хотели

поймать оставшегося белого, но немного прозевали, несмотря на восемь ран, данных ему, но все же он сумел скрыться.

Весь обратный путь я ехал в арьергарде. Нужно отметить выдающихся товарищей Тальского полка, оставшихся до сего времени в моей памяти. Тов[арищ] [А.М.] Марченко – командир полка, хороший организатор. Коля Егоров, Алешка Козерский, Яша Иванов, Третьяков Шурка, Пушкарев Шурка, Гутиков Пашка, Ильин Савва, Лучкин. Всеми нами уважаемый наш партизанский поэт т[оварищ] Белолипецкий, Еремин – пред[седатель] полкового совета, но и еще ряд других боевых бойцов, которых трудно восстановить в памяти. Кроме этого, наш ординарец Костя Габьев, очень боевой малый, смелый, решительный разведчик.

Мне выпало на долю быть адъютантом полка. Это полк был сформирован, который первое время нес гарнизонную службу в гор[оде] Минусинске. В конце сентября был брошен на фронт. При первом столкновении с белыми он сбежал. Но причина этому проста: не было старых самоотверженных бойцов и командиров состава, который был выделен из этих вчерашних белогвардейцев. Часть членов нашего штаба, за исключением Савицкого, вынужден был поставить вопрос о расформировании этого Минусинского полка, чему был ярым противник т[оварищ] Савицкий. Вопреки его желанию Минусинский полк был влит в Канский полк.

Соболев ушел в Манский полк, Шаклеина взяли работать в армейский совет. Чужков ушел в Канский эскадрон. Савицкого выбрали помощником командира полка, меня командиром первого батальона Канского полка. Из Минусинского был сделан третий батальон Канского полка. Пополненный Канский полк Минусинским полком занял позицию, село Каптырево, Солнская столица, Очуры. Означенный [М.Т.] Савицкий находился все время в Минусинске. Как только Енисей покрылся льдом, мы переехали на левую сторону Енисея и занялись очищением от белогвардейцев населенных пунктов. В селе Биря стояли казаки, наш полк полным составом двинулся на село Бирю, проехав поскотину, командир полка т[оварищ] Логинов отдает мне приказание (я командовал первым батальоном): «Наступай немедленно!» – и больше ни одного слова. Я быстро развернул батальон, двинул его цепью к селу, со стороны противника началась стрельба. Батальон сразу весь лег и открыл огонь. Он своим огнем затушил огонь противника. Послали две роты с флангов, со второй ротой двинуться по главной улице. Это было два часа утра. Население все еще спало. Решительным натиском вторая рота быстро пробежала все село. Только в конце деревни пришлось открыть огонь по отступающим казакам. Здесь в конце деревни я со второй ротой дождался света, потом были выставлены караулы. Нам здесь долго стоять не пришлось. Мы поехали в дер[евню] Усты-Аскиз. В это время пришлось познакомиться с Мательским Александром, который находился при штабе полка и ничего не делал, старался только предохранить свое тело от белых. С первых дней прихода в полк пришлось познакомиться с Амур Логвиновым, человеком, стремящимся беспощадно отомстить белым. Но ему, как старому офицерупоручику, первое время не было доверия. Из Аскиза полк вернулся обратно в село Бию, откуда направился в Минусинск, где постоял два дня. 19/XII [19]19 года в три часа дня первому батальону было приказано немедленно выехать в Чернигорские копи. По-

года была теплая, много было народу, гуляющего по улицам, бойцам перед выездом была выдана порция вина, многие напились подходяще. По г[ороду] Минусинску ехали с песнями. Погода быстро изменилась, поднялась пурга. В Черногорку мы поехали поздно ночью, там стоял Казирский полк. Кое-как пришлось разместить батальон по квартирам.

На следующий день ко мне в штаб пришла рабочая делегация с жалобой, что кто-то ночью разгромил контору, я взялся за розыски виновного, но такового найти не пришлось. Было предположение, что это сделали кизирцы.

XV. С[ело] Бородино

21/ХІІ на Черногорку приехали наши остальные два батальона и эскадрон кавалерии. Приехал с полком и [М.Т.] Савицкий. В маленькой избушке, где стоял штаб батальона, было устроено совещание командного состава обоих полков, где был выработан план наступления на с[ело] Бородино, где стояли белые, как это после выяснилось 6 000–7 000 человек.

А план был таков: эскадрон кавалерии под командованием тов[арища] Марченко Ивана и его помощника должен занять старое Бородино, второму батальону под командованием т[оварища] Люкда вести наступление с севера, третий батальон под командованием Вайчулина должен наступать с фронта, первому батальону, к которому был придан Казирский полк, имевший в своем составе 1 200 человек, было поручено занять дер[евню] Толчею, после чего вести наступление с юга. На этом совещании по выработке того плана очень деятельное участие принимали Курченко, он сидел сбоку стола, делая на карте отметки карандашом, спрашивал каждого командира батальона об усвоении им его знания, а т[оварищ] Савицкий Михаил на перевязку.

Казалось, что Курченко, по его активности в выработке плана должен был активно принять участие в его реализации, но в действительности, как мы увидели ниже, получилось не так. После совещания выступил весь полк для наступления на село Бородино, на указанных местах полк развернулся по батальонам. Первый батальон с Казирским полком двинулся наступать на дер[евню] Толчею, правда, мы с Толчеей справились легко, только выпустили трех человек казаков. Все остальные были нами взяты в плен, примерно 230 человек. Только разделавшись с Толчеей, слышим, [что] в Бородино гремят снаряды, трещат пулеметы, по времени еще рано. Недолго думая, я отдал приказание – немедленно садиться на подводы и двигаться на Бородино. Со своими разведчиками, 24 человека, поехали вперед, не доезжая полутора верст, развернул батальон по правую сторону дороги и Казирский полк по левую. Батальон цепью двинулся на сопки вперед. На второй сопочке мы встретили казаков, стоящих от нас в двадцати шагах. Для нас было неизвестно, чья это кавалерия. Пришлось предостеречь разведчиков, остановив их на месте, а сам быстро вернулся обратно, взял первую роту, по глубокому снегу в гору пошел с ними бегом, а за ней и кизирцы. Сопка была нами занята, как заняли сопку, сбили стоящих казаков. Белые открыли по нам огонь, у нас вывели из строя девять человек. Здесь на сопках первая рота и Казирский полк остановились для того, чтобы

заглушить огонь белых и связаться с остальными батальонами. Ночь была лунная, и сопки было видно, вправо от нас под горой двигалась какая-то цепь, туда для связи я послал своих двух человек разведчиков, а кизирскую кавалерию послал в старое Бородино связаться с конным эскадроном. В то же время быстро продвигал вперед вторую и третью роту, у командира первой роты Патрушева, вступившего к нам в Минусинском уезде “заболел живот” он не в состоянии был управлять ротой, тут в бою отерочили его от командования первой ротой. Назначили командиром первой роты командира второго взвода старого партизана Федосеева. Посланные разведчики для связи сообщили, что командира полка Кузьму Михайловича Логвинова²⁴ ранили. В третьем батальоне ранили сто двадцать человек, батальон отступил. Командир батальона Вайчулис и начальник Курченко сбежали неизвестно куда. Командир девятой роты собрал всех остальных и снова наступает. Белые не могли своим огнем первый батальон и Кизирский полк сбить с командных высот, они провели обходное наступление. Ихнему обходу пришлось направить [в] контрбход Кизирский полк и первую роту, которые на одной сопочке сошлись на расстоянии полсотни шагов и начали друг в друга бросать гранаты. В это время к моему батальону приходит Амур Логинов и кричит: «Командир полка раненый, полком командую я, Амур Логинов!» Третий батальон подошел ко второй и третьей роте на сопке, тогда эти роты были передвинуты к первой роте и кизирцам, начали жать на белых. Приезжает Кизирский эскадрон и говорит, что конного эскадрона в старом Бородино нет, но я им не поверил, хотел нажать на отступающих белых с целью их раздавить. Встретившись с Амуром Логиновым, который сообщил мне, что третий батальон раньше времени повел наступление, этим не дал занять свою позицию второму батальону и эскадрону кавалерии захватить в тыл и занять старое Бородино. Они, белые, остановили наше наступление, если бы вы не наступали, то нам не взять было бы Бородино. Через несколько времени светило зарево, это наш условный знак, что населенный пункт нашими войсками занят. Из села выезжает кавалерия, сперва мы ее посчитали за белых, быстро с ней связались, этим закончился бой.

Все собрались в с[еле] Бородино, напились чаю и двинулись преследовать отступающих белых. Кураченко и Вамчулин удрали в Минусинск, где пропустили пропаганду, что белые конный полк разбили, Кизирский полк не узнал своих и стрелял по третьему батальону, Канский полк отступил, так проповедовали паникеры.

Рогозин в своей книге партизан Степного Баджея пишет, что Савицкий с Канским полком в с[еле] Бородино разбил белых, а в самом деле [М.Т.] Савицкий совсем не был в том бою. Канский полк выбил белых из села Бородино превосходящих по численности и вооружению в 6–7 раз.

Амур Логинов сумел во время боя не дать развалиться полку, взял командование полком и своим умелым маневрированием разгромил белых. Нужно приписать заслуги Амuru и комбатам Канского полка, что они выдержали напор белых.

После бородинского боя полк двинулся на ст. Тесь, где белыми было много оставлено мяса и других военных трофеев.

Проехав мимоходом село Тесь, остановились в дер[евне] Потехиной, куда приехал [М.Т.] Савицкий, по наследству его назначили командиром полка. Тут мы стали ездить по деревням ст. Сон и другие. Немного полк был разбит по батальонам. Первому батальону с двумя взводами кавалерии пришлось стоять в засаде в Улусе Средний Туим.

Последний бой ст. Шира. Это примерно в 10–12 верстах от ст. Шира, где стояли белые. Ему, т.е. батальону, было поручено ожидать казацкий отряд, ушедший по реке Белый Июс на Таштып, откуда повисли наступления в наш тыл. Там батальону пришлось стоять двое суток. К вечеру выяснилось, что белые вернулись обратно и через горы ушли на Черный Июс. В тот же день поздно вечером со станции Шира приехал старый старикашка за дровами, который сообщил, что на ст. Шира белых стоит не более пятидесяти человек, то он за это не отвечает. Так нам заявил старичок.

Т[оварищи] Турбаков, Желнечкин и я собрались и решили, что мы должны наступать, выработали план нашего наступления на ст. Шира.

План наш был таков: первая и вторая роты должны наступать с запада из-за горки, с которыми должен идти т[оварищ] Курбаков, с фронта по линии железной дороги – двадцать семь человек конных разведчиков батальона. Третья рота с востока с горки, с которой я поехал, два взвода кавалерии должны были заехать с тылу, перерезать телеграфно-телефонное сообщение с *франусом*^{*}, где стоял главный штаб Минусинского фронта белых.

Вечером было разъяснение всем партизанам, что мы едем наступать, этот старичок поехал проводником, все заняли свои места, перед [рас]светом двадцать четыре человека сделали налет с фронта, к тому времени подошли к станции первая и четвертая роты, но которые отступили, испугавшись едущей кавалерии, посчитав ее за казаков, кавалерия порвала средства связи. При налете наших разведчиков белые стали разворачиваться в боевой порядок, их оказалось много, так как вечером приехали на ст. Шира семьсот человек, те, которые уехали на Черный Июс, а места мало, к тому времени справились наши первая и вторая роты, связались с кавалерией. Белые начали отступать, их встретила кавалерия, они от нее бросились другой дорогой, рота, которая расположилась на горке, подпустив их шагов на сто, и открыла огонь, они бежать обратно, а с гор стреляют первая и вторая рота, а тут наша кавалерия, так что нашим ребятам-кавалеристам пришлось поработать, некоторые с места не сходя человек по 8–9 зарубили, а тов[арищу] Жилкеричику пришлось больше всех: он один двенадцать человек зарубил своим клинком, так что белых убежало около семидесяти человек, вся площадь была усеяна белыми, двух человек мы взяли в плен. У нас было убитых три человека, раненых – шесть человек. Так закончился последний бой.

После окончания всего немедленно сообщили в штаб полка, что ст. Шира нами занята, ожидается наступление белых. К вечеру приехал т[оварищ] [М.Т.] Савицкий со вторым батальоном. Не ожидая наступления белых, мы решили выехать в село Сон. Это богатое старое сибирское село. Мы приехали поздно ночью, там

* Так в документе. Возможно, от глагола *франпировать* в значении «неприятно поразить» или «ошеломить».

были расквартированы третий батальон нашего полка и Кизирский полк, как будто бы ход дела должен был заставить побеспокоиться начальника штаба т[оварищ] Курченко, который после панического бегства в гор[од] Минусинск из бородинского боя вернулся обратно в полк подготовить квартиры для двух батальонов и двух взводов кавалерии. Наш начальник штаба и комендант ничего не сделали и не захотели позаботиться о наших квартирах. Начальник штаба Курченко говорил так, что не мое дело отдавать приказания о расквартировании бойцов. Методы уговаривания не подействовали, пришлось, так сказать, заставить начальника штаба и коменданта указать квартиры батальонам. Только кончились наши крупные разговоры о квартирах, вваливается в квартиру целая свита, все присутствующие, не обращая внимания на приезжих, заинтересовались в том, чтобы поскорее поесть.

XVI. Соединение с РККА

Приехавшие начинают разговаривать, что для всех стало ясно, приехал Петр Ефимович Щетинкин. О проделанной работе первого батальона он уже слышал. Приходит ко мне и говорит: «Здорово, брат! Но ты нехорошо делаешь, когда имеешь четыреста двадцать человек, а уничтожил восемьсот беляков, но, ребята, дайте нам». По-видимому, его ребята знали, чего дать, вытаскивают четверть, наливают в стаканы. [П.Е.] Щетинкин берет два стакана один подает мне и говорит: «Поздравляю с победой». Это было, так сказать, начало, после этого закуски.

Курченко и [М.Т.] Савицкий за нашим ужином проявили максимум подхалимства и своего тупоумия. [М.Т.] Савицкий все хвастал, Курченко старался обогнать, Турбанов посмеивался над ними. Когда хвастовство Курченко стало превышать пределы, к тому времени и я был немного выше нормальных градусов, то Курченко, так сказать, обрезали, осадили. Пришлось нас уговаривать [П.Е.] Щетинкину. Мы поставили цель сломить воображение Курченко и мы этого добились. Тут решили, что мы рано утром должны выехать в дер[евню] Знаменку, первый и второй батальоны – в С[ухую] Ербу, третий батальон – [в] В[ерх-]Ербу, Кизирский полк – в Усть-Ербу. По приезде первого батальона в с[ело] Знаменку там проходило общее собрание граждан, мы поставили опрос, чтобы они оказали нам содействие, из всех собравшихся двое поддержали, а остальные были ни за, ни против. Знаменка – старое богатое село, так что сочувствующих ожидать нельзя было. Правда, много разговаривать с ними не пришлось, а сказать, что на основании законов революции [они] обязаны удовлетворить нас всем необходимым. Главное их сопротивление было в том, что они не хотели обеспечить нас подводами. Подводчики хотели все время удрать обратно по домам. Нужно сказать, что за все время нашего движения нигде не приходилось иметь такое сопротивление с подводами, как в селе Знаменке. Первое время многие не хотели кормить бойцов, но первый батальон канцев – это старые партизаны, главным образом пришедшие с Маны, новых было совсем не много. “Старики” знали, как нужно давать отпор классовому врагу, дело направилось. Простояв недели две в Знаменке, получив приказание выступить в с[ело] Новоселово, где батальон встретился с регулярными частями Красной армии.

Здесь нас приняли немного иначе. В этот же день приехал к нам Курченко. На следующий день мы устроили годовщину нашего полка. Курченко выступил, говорили много других. Из Новоселовой батальону было приказано двинуться по реке Енисею на г[ород] Красноярск. Пока мы стояли в Новоселовой, в это время приехало наше главное командование по направлению на Ачнск.

Наша встреча с регулярными частями в Новоселовой.

Правда, в наших рядах было много разговоров о Красной армии, некоторые слишком идеализировали бойцов и командиров Красной армии. Шкала устроила семейный вечер, туда были приглашены командиры и красногвардейцы регулярной Красной армии и наши партизаны. Правда, здесь было много разговоров, они нам рассказывали о действиях Красной армии, а мы им про свое. После всего этого была устроена встреча в квартире, после чего повеселились основательно. В общем наша встреча была хорошей, остались хорошие воспоминания. После этого первый батальон двинулся по реке Енисею. В селе Дурское мы встретились с триста одиннадцатым полком, этот полк к нам отнеся с высокомерием, но все же мы нашли общий язык. Они передали нам арестованных, комиссар полка сказал мне потихоньку, что их нужно спустить, я их передал первой роте, она в тот же вечер оставила их лежавшими на льду реки Енисея.

Не доходя до Красноярска семьдесят верст, мы остановились ночевать в одной деревне. Приехали еще засветло, обратились к населению, чтобы они нам дали фуража, они отказались нам дать таковой. Жалко лошадей, пришлось их держать на одном овсе.

После морозной дороги улеглись спать, примерно часов в девять вечера, к нам на квартиру вливается группа крестьян этой деревни с жалобой, что приехал четвертый конный отряд, забрал намолоченную пшеницу, говорят, что они предлагали им соломы и сена, а начальник этого отряда разговаривать не хочет.

Нас с Толей Турбаковым натолкнуло на мысль, что тут что-то нехорошее делается, хотя законов новой Советской власти еще не знаем, но думаем, что Советская власть никогда не позволит давать намолоченную пшеницу лошадям запаса.

Пришлось сказать мужикам, чтобы они поспросили этого начальника к нам в штаб, если не подойдет, то категорически предложили явиться. Делегация вся ушла.

За это время пошли между нами переговоры о том, кто должен разговаривать с этим начальником. Турбаков категорически отказался.

Через некоторое время приходит начальник четвертого конезапасного отряда, вытянувшись в струнку рекомендует, что [он] “подпоручик 2-го егерского полка”, пришлось усадить его на место. Ребята все спали относительно, иначе говоря, они все смотрели из-под своих дох на нашу беседу. Первые наши слова были о том, как он передался красным, как дрались с красными, потом перешли на тему о том, как и почему он забрал у мужиков пшеницу, не платя им деньги, ему было предложено уплатить за пшеницу по стоимости из своего кармана, немедленно заменить пшеницу соломой и сеном. Он обещался сделать. Наша братва узнала, что он казачий белогвардейский офицер, и ночью этого господина похитили, он был на льду

Енисея. К нам навстречу ехало много отпущенных казаков, взятых в гор[оде] Красноярске в плен. Первое время ребята относились хорошо, но тем не менее делали обыски. Находили наганы, гранаты, винтовки, но после этого ребята разозлились: им дали жизнь, а они не хотели сдать оружие, его воруют, готовят против нас. Таким пощады быть не может. До деревни Овсянки и от Овсянки до Красноярска ни один отпущенный казак, везущий с собой оружие, не остался живым. Как только казаки ни старались запрятать оружие! И наша братва тоже научилась отыскивать. Как можно [было] подумать, что в убитой собаке запрятаны три нагана и пять штук гранат? Когда ребята спросили: «Зачем везешь собаку?» – то был ответ: «Привезу домой, обдеру, хорошие лохмашки²⁵ будут». Под санями внизу привязывались винтовки, в седелках и хомутах запрятывались гранаты и наганы, после первых случаев не осталось казака, хорошо проверены сани, седелки, хомуты и т.д.

В село Торгашино приехал весь наш полк, и там же был расквартирован Кизирский полк, имевший в своем составе примерно сто двадцать человек. Пример – нас остановили на формирование Енисейской дивизии. Из главного штаба было предписание, чтобы Кизирский полк влить в Канский полк; поэтому случаю было собрано полковое собрание обоих полков – Канского и Кизирского, мне пришлось быть председателем этого собрания. [М.Т.] Савицкий выступал с докладом по этому вопросу. Выступили против братья Фроловы, Евдокимов, Баталов и Молотилкин, споров было много. Главными противниками были Баталов Сергей и братья Фроловы. Когда Баталова назначили пом[ощником] нач[альника] Канского полка и Фроловых ввели членами полкового совета, только тогда прекратились споры.

12/П [19]20 г. наш полк был переброшен в с[ело] Серез Ачинского уезда, там мы стояли дня три или четыре ничего не делая. Там пошло много всевозможных слухов, что [А.Д.] Кравченко арестован, [П.Е.] Щетинкин забрал артиллерию и ушел в северную часть Ачинского уезда. Васька Гусев²⁶ с полком ушел на Ману и т.д. Наш Миша Савицкий решил ни в коем случае не сдавать оружия, а драться до последу и уходить на Ману. Это значит сделать авантюру. Много рядовых солдат были с ним согласны. От командира третьей бригады тов[арища] Шурбакова было прислано предписание о высылке трех человек представителей от полка в штаб бригады на совещание по вопросу о расформировании нашего партизанского отряда. Для выбора представителей было собрано полковое собрание, где выбрали представителей т[оварищей] Баталова, Зайцева и меня.

Не медля ни минуты, мы выехали в штаб бригады, который стоял в селе Назаровой. В штабе бригады встретили нашего командира бригады т[оварища] Турбакова, рабочего лесвинского завода, начавшего работать в нелегальной организации по организации восстания, с первых дней выступившего и принимавшего участие в организации Канского полка, Тальского полка. Некоторое время [он] был начальником главного штаба, участвующего во всех боях, получившего не одно ранение, прошедшего с нами обе тайги, прошедшего весь путь партизанского движения, в частной жизни совершенно незаметного, очень выдающегося хорошего товарища в боевой обстановке, решении боевых задач.

Представители всех полков не приехали к назначенному времени. Приехал комиссар бригады и решили провести с одними нами совещание, на котором нас накачали, как нужно произвести расформирование, чтобы не получилось столкновения. Особенно нас предупреждал т[оварищ] Турбаков Паша о необходимости проведения разъяснительной работы.

Получив зарядки, мы ночью же выехали обратно, зная, что настроение [М.Т.] Савицкого против расформирования. Решили помимо него договориться с командирами батальонов и начальником пулеметной команды. О воспрепятствии действиям Савицкого, чтобы не дать возможности вовлечь партизан в авантюру против регулярной Красной армии, что было сделано.

На следующий день было приказано командирам батальонов привести свои батальоны к штабу полка на полковое собрание в полном боевом порядке. Начальнику пулеметной команды – выставить пулеметы на конце деревни.

Это приказание [М.Т.] Савицкого не было выполнено, батальоны пришли без оружия, которое оставили в штабе под сохранением.

При сборе полка к открытию полкового собрания [М.Т.] Савицкий вышел и начал кричать: «Почему пришли без оружия?! Кто вам приказал?!» – и т.д. В рядах собравшихся партизан получилось движение, принявшее возмущение и недовольство на нижестоящих командиров. Среди молодых партизан это особенно нашло свое выражение. Старые партизаны были спокойны, так как с ними была проведена работа о необходимости расформирования нашего партизанского отряда.

Пришлось выступить на этом бушующем море [и] сказать, почему батальоны пришли безоружными. После выступления высылаемых представителей наши бойцы успокоились.

В это время приезжает командование Петроградского полка, где договорились о немедленной сдаче оружия. В этот же день было сдано все имевшееся оружие в полку и полк был направлен в Назаровку для расформирования.

И так закончил свое существование Канский полк, совершивший большой переход всего существования нашего партизанского отряда.

Имеющие ряд боевых традиций, которые должны быть достоянием молодых строителей социализма, они должны сделать критическую оценку наших достижений и недостатков и в мировой схватке с мировым капиталом их больше не повторять.

Томск. Мединститут
До востребования
Студенту 2-го курса
ЧЕРКАШИНУ Петру Федоровичу.

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 955. Л. 1–27. Копия заверенная. Машинописный текст. Датируется по сопутствующим документам.

№ 5

«Ординарец главкома [А.Д. Кравченко]».
Воспоминания Сидора Логиновича Карасева, бойца
партизанской армии А.Д. Кравченко – П.Е. Щетинкина

Не позднее 5 января 1936 г.
г. Новосибирск

В июне месяце 1919 года армия красных партизан т[оварищей] [А.Д.] Кравченко и [П.Е.] Щетинкина под напором белогвардейцев-интервентов вынуждена отступить от линии железной дороги через Саянский хребет в Минусинской степи.

Пройти Саянский хребет, белогорье²⁷, лохматую тайгу, жидкий мох и мочажинны²⁸ составляло больших трудностей, двести человек раненых. Как быть с ними?

Главкомы и главный штаб выработали определенный план движения, наскоро соорудили носилки, чтобы их прикрепить к седлам лошадей. На последние уложили раненых, и армия двинулась так же внезапно, как она внезапно наступала на колчаковщину.

Тайга настолько густая, что с трудом мог [бы] пробраться пешеход. Из людей, не имевших оружие, организовали полк, последний вооружили пилами, топорами и разными инструментами.

Под громкие удары топоров с ответом таежного эха, под звонкий визг пил тайга раскидывалась, армия врезалась дальше и дальше в тайгу, полк выпиливал валежник, обрубал препятствующие сучья, переправы таежных рек и т.д.

Мыслили все одно: идти вперед в Минусинский богатый край, подкрепиться, с новой силой двинуться на врага. Не было никаких сообщений, но [и] инстинкт подсказывал, и вся обстановка, что армия Колчака скоро треснет и побежит кто куда.

Ачинский полк шел передом, после привала от незатушенного костра загорелась тайга, полоса пожара пошла вдоль движущейся армии, дым разъедал до боли глаза, оглушительный треск горевших сучьев, запах кипящей смолы, солнце стало не видно за дымом, раненые стонут, детишки плачут, а их было немало. Женщины кричат, все смешалось в один общий гул с пожаром. Было трудно помочь друг другу, так как армия шла гуськом, один за одним, растянулась на десятки километров. Пожар скоро миновал, остался только слышен треск, и большое облако дыма где-то вдалеке.

Питались только кониной без соли и убивали только ту лошадь, которая отказывалась идти, но таких было мало, ели черемшу. В такой обстановке армия шла 20–30 километров. И вот показались синие холмы, луговые долины и деревушка Козинал, попавшая[ся] первая нам на второй день после выхода из тайги. Манский и Канский полки окружили в мерзлой сабле минусинских казаков, до сих пор никем не тревожимых, [и] разбили их вдребезги. Ачинский полк разбил казаков в Шалоболоиной. Появление партизанской армии в Минусинском уезде разнеслось по уезду электрическим током. Попы, кулаки, лавочники стали удирать к реке Ени-

сею, грузиться на лодки, плоты и удирать в Красноярск. Казаки носятся из одной деревни в другую, пошли по деревням разные легенды. Сочувствующие большевикам садятся на своих лошадей, вступают в армию и тут же расправляются с теми, кто преследовал их.

Армия [А.Д. Кравченко – П.Е. Щетинкина] обогнула г[ород] Минусинск, основательно потрепала ожиревших и творящих насилие над мирными жителями казаками, повернула в дер[евню] Григорьевку, откуда и пошла Усинским трактом в Урянхайский край.

Армию преследовал атаман [Г.К.] Бологов, последний разбит 16 августа в Белоцарске вдребезги.

Армия сильно растянулась, Манский полк находился в с[еле] Ус. А Канский – в д[еревне] Туран в ста пятидесяти километрах. Когда манцы вышли из Уса, с ними потеряли связь. Тов[арищ] [А.Д.] Кравченко дает распоряжение своему ординарцу двадцатилетнему парню Володьке разыскать Манский полк. Володька оседлал своего доморощенного савраску²⁹. Взял японскую винтовку, сто пятьдесят патронов, наган, клинок. Выехал из Турана и поскакал по урянхайским холмам и долинам, солнцем залиты степи, ветер шелестит золотой ковыль. Володька, не обращая ни на что внимания, едет с одной целеустремленностью, чтобы проехать так, где не может заметить враг и скорей выполнить поручение главкома.

Володька – природный охотник, меткий стрелок, быстро ориентируется в местности и скачет, как хищный зверь, держа за пазухой свою добычу – пакет главкома. Володька – житель таежной деревни Заманье у Степного Баджея (центр восстания), не пошел служить Колчаку, первым вступил в отряд, почему и был ординарцем главкома.

Выполнив поручение главкома, Володька возвращался обратно с пакетом командира Манского полка – [И.О.] Гусева. Володька стал подъезжать к конечной цели, т.е. д[еревне] Туран, вечером по поскотине его встретил караул. Володька уверен, что в Туране должен стоять один из наших полков и спросил: «Товарищи! Какой полк стоит?» На вопрос получил [оружейный] залп. Верный друг Володьки савраска упал замертво, Володька понял, что, если убьют его, [Г.К.] Бологов узнает, какими путями движется Манский уставший полк, то погибнет весь полк. Володька отбежал несколько метров, лег за камень, изорвал в клочки пакет и меткими выстрелами начал уничтожать белогвардейцев. Белые окружили Володьку со всех сторон, но красный боец неустанно вырывает из строя белых одного за другим. Он убил восемь человек, несколько переранил и не допустил до себя, пока не израсходовал все сто пятьдесят патронов.

Володька успел разобрать затвор, раскидать его в разные стороны, винтовку согнул о камень, снял сапоги, изрубил их клинком и последний патрон из нагана выпустил себе в висок.

На место, встревоженный стрельбой, прискакал весь штаб и сам [Г.К.] Бологов. Геройство Володьки произвело на [Г.К.] Бологова потрясающее впечатление. [Г.К.] Бологов сказал всем своим солдатам, что если бы они так же мужественно вели себя, как этот красный, то победа была бы за белыми. «Один, – говорит [Г.К.] Бологов, – а

посмотрите, что он сделал. Что, спрашивается, было бы, если бы подошел к нам целый эскадрон красных? Тогда, безусловно, победа была бы за красными».

Эти слова [Г.К.] Бологова о Володьке передали нам пленные беляки, которых мы взяли в Белоцарске, когда разбили [Г.К.] Бологова.

Карасев Сидор Логинович,
участник партизанских отрядов
[П.Е.] Щетинкина и [А.Д.] Кравченко

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 952. Л. 10–13. Копия заверенная. Машинописный текст.

№ 6

«Производство оружия и пороха в тайге в период борьбы с колчаковщиной».

Воспоминания Сидора Логиновича Карасева, бойца партизанской армии А.Д. Кравченко – П.Е. Щетинкина

Не позднее 5 января 1936 г.
г. Новосибирск

Армия [А.Д.] Кравченко и [П.Е.] Щетинкина

В августе месяце 1918 года объявлена мобилизация [лиц] рождения 1898 и 1899 [годов] в белую армию для борьбы с советской властью, т.е. с регулярной Красной армией, идущей из-за Урала на Восток.

*Такой властью, которой не стало в Сибири всего [за] несколько дней**, спровоцированные чехи и русское офицерство отняло эту власть у рабочих и крестьян, т.е. у тех людей, которых мобилизуют и хотят заставить воевать против Октябрьской революции.

Молодежь Манского района ни один человек не явился к военному начальнику, а ушли в тайгу на добычу** орех[ов] и охоту.

В ноябре месяце Сибирское колчаковское правительство направило отряд казаков провести насильственную мобилизацию, мобилизацию проделать пьяной ватаге не удалось, а ватага попала в осенние холодные воды Мана. Отсюда и началось восстание.

Вести о восстании быстро разнеслись, и в течение месяца восстало восемнадцать волостей. Восстали следующие волости: Степно-Баджейская, Шалинская, Перовская, В[ершино]-Рыбинская, Ачинская, Семеновская, Толстихинская, Переяславская, Семеновская, Кияйская, Маганская и целый ряд других волостей. Организовались полки, батальоны, роты, продовольственные отделы, вереницами потянулись подводы в центр восстания – Степно-Баджей. Везут все необходимое для армии: муку, картофель, крупу, холст для бинтов, везут крестьяне по добровольному сбору.

* Имеется в виду советская власть.

** Так в документе, имеется в виду заготовка.

Белые сначала не придавали этому особое значение, посылали на подавление восстания мелкие отряды, последние попадали в засады, как в ловушку, уничтожались меткими стрелками партизан и разоружались, что способствовало быстрому вооружению повстанцев.

Бывшие красногвардейцы – железнодорожные рабочие красноярских главных мастерских и Иланского [железнодорожного] депо – до восстания скрывались в подтаежных деревнях, вели подготовительную работу к восстанию, после восстания приступили к организации разного рода армейских учреждений, в том числе мастерских: кожевенных, сапожных, столярных, патронных и оружейных. Про две последние я и хочу посвятить [свои воспоминания].

Самый разгар зимы, декабрь – январь месяцы, тайга накрыта белой шапкой, халупы Степного Баджея до крыш завалены снегом, тянутся зимние длинные ночи, если посмотреть с улицы, складывается такое впечатление, что все спит непробудным сном. На деле совсем иначе. В этих с виду мрачных халупках идет суетливая работа: выделывают кожи, шьют обувь и одежду, раздуваются горны, плавится баб[б]ит³⁰, разливается по формочкам, и еще тепленькая пуля закладывается в патрон и в ящик, скоро рассвет, патронники доканчивают тридцатую тысячу, на дворе нетерпеливо ждут подводы. Скорей, скорей нужны патроны фронту. Заведующий мастерскими слесарь – помощник поездного машиниста депо [железнодорожной] ст[анции] Иланская Деомид Гордеевич Смоленский в 1905 г. [был] ранен на ст[анции] Иланск Миллером Закомерческим и заключен в тюрьму. Освободился [Деомид] Гордеевич только в 1913 г., но так как его больше на ж[елезную] д[орогу] не принимали [на работу], он жил в г[ороде] Канске, занимался починкой часов, а в 1917 г. вступил в Канскую большевистскую организацию, участвовал в подавлении иркутского юнкерского восстания³¹.

В мастерской патронной и оружейной работали местные кустари, добровольно вступили с собственным инструментом кустари-бедняки, не имеющие своих домов, а жившие на квартирах по деревням. Были мастеровые, очень хорошо квалифицированные заводские рабочие, уехавшие от голодовки центральных городов 1918 г. И вот эта не совсем большая группа людей человек двадцати пяти металлистов делала чудеса по ремонту оружия и изготовлению новых деталей.

Инструмент, – привезенный добровольно, а там, где нужно, брали и насильственным путем. В начале апреля 1919 г. оружейная мастерская выделилась от патронной, перешла в другую халупу, с ней двенадцать человек мастеровых слесарей. Установили верстаки, прикрепили тисы слесарные и для каждого мастера – ручной сверлильный станок и токарный станок, приводившийся в движение ногой.

Весь маленький инструмент, которого не хватало, производили сами. Самая острая нужда – это напильники. Их точно так же производили сами, надо сказать, довольно удачно, последними пилили металл разной твердости.

Чтобы приготовить ту или другую деталь к русской винтовке, такими инструментами требуется много времени и кропотливой работы, другое дело было, когда наша армия заняла город Минусинск (сентябрь 1919 г.), там мы оборудовали мастерскую с семью механическими токарными станками, на последних производили снаряды, о чем скажу ниже.

Ввиду того, что винтовки быстро портились вследствие свинцовоаббитовых пуль и черного пороха, как правило, в каждой обойме из четырех патронов собственного производства пятый выходил заводского производства, тем самым отводы винтовок раздувались и ломались части затвора и магазинной коробки, поэтому большинство винтовок побывало за 14 мес[яцев] своей работы по несколько раз в мастерской, если бы мастерские не восстанавливали винтовки, то выбывшие из строя винтовки не пришлось бы просто бросать. Новые детали и части изготовлялись следующие: для патронной мастерской обжимки разных калибров, так как винтовки были разных образцов – русские, японские, итальянские, французские, германские, австрийские и много других.

Обжимка – это такой инструмент, в который прогоняется гильза после выстрела, после этого гильза заряжается порохом и пулей, и патрон готов к выстрелу.

Изготавливали новые магазинные коробки, подающий механизм, отсеки отражателя, выбрасыватели, ударники, боевые пружины (боевые пружины трудны в закалке), прицельные рамки, отрезали стволы, переставляли мушку, даже были такие случаи – слесарь т[оварищ] Письменный сделал два затвора к пулемету «Кольт», и пулеметы работали бесперебойно.

Работа патронной мастерской. Патронные мастерские сыграли исключительную роль в снабжении армии патронами, они производили, как [я] указал, набивку патронов под разные образцы винтовок, гранаты ручные, капсюля и порох.

Армия имела большую потребность в патронах. Того пороха, который приходилось доставать разными путями, не хватало, в армии был мадьяр военнопленный т[оварищ] Шмидт, последний имел образование химика. Тов[арищ] Шмидт кустарным способом производил порох и капсюля в таком количестве, что армия могла обходиться и, надо сказать, что партизанская армия [А.Д.] Кравченко и [П.Е.] Щетинкина к началу [19]20 г[ода] доходила до 20 000 человек.

Тов[арищ] Шмидт не дожил немного до тех дней, когда наша армия соединилась с 27-й дивизией регулярной Красной армией, по неизвестным причинам т[оварищ] Шмидт отравился, прах его покоится на берегу реки Енисей в г[ороде] Красном (столица Тувинской народной республики). Не сбылись мечты тов[арища] Шмидта побывать на родине, о чем он часто вспоминал.

Переход через тайгу (т.е. Саянский хребет)

В начале июня 1919 г. наша армия оставила вышеуказанную окрестность, против нас на станцию Ключевная белые оттянули большое количество войск чехов, итальянцев, поляков. Казаки и вся эта рать валом повалили на нас.

Бои происходили по всем участкам по несколько раз в день, армия вынуждена отходить в таежные деревни, а потом и вглубь тайги, один из боевых эпизодов в самый тяжелый момент для нас я запишу.

Предпоследняя деревня Нарва стоит на самом берегу реки Маны, окруженная с одной стороны рекой, а с другой – высокой скалой. На островах реки (лед уже прошел) и по скале сделали засаду. Чехи и итальянцы разведывали два дня и ничего не разведали, на третий день целыми колоннами повалили в Нарву. Пропустив значительную часть, партизаны открыли ураганный огонь с островов и скалы.

Вперед бежать им некуда, их встречает река, они бросились назад – их встретили два пулемета Максима, и начали наваливать горами, “храбрецы” обезумели и начали сами себя рвать гранатами и бросаться в Ману, статистики никто не подводил, но разговор был, что их 2 000 погибло в Мане. Характерно то, что из наших не только убитыми, [но] и раненого ни одного не было.

Трофеи взяли: семь пулеметов, одно орудие, семьсот снарядов, два аппарата телефона, тридцать пять возов патронов и очень много обмундирования. После этого продержались еще две недели и ушли через Саянский хребет по направлению Минусинского уезда.

Переход был очень трудный: пятьсот чел[овек] только раненых, последних несли на носилках, пристроенных к седлам. Мастерские весь необходимый инструмент взяли с собой и как только остановили на бивак³², так и закипела работа: набивка патронов, ремонт винтовок, а кругом непроходимая тайга. Зеленая, лохматая, верхушками шумит ветерок, да слышно как перекликаются партизаны, так как, которые приотстали, не дошли еще до бивака.

Кончается вторая неделя нашего путешествия, и вдруг показались на горизонте синие поля и деревушка Козино, это начало Минусинского уезда.

Здесь снова начались оперативные действия, и так армия прошла до Белоцарска, в Белоцарске белые казаки бросили много пороха, свинца семьсот пудов и винтовок четырехлинеек, а 16-го августа в Белоцарске разбили вдребезги атамана [Г.К.] Бологова и вернулись на Минусинск.

Минусинск заняли в первых числах сентября 1919 г., в армию много влилось мастеровых и рабочих с черноморских угольных копей и с Абаканского литейного завода.

В Минусинске оборудовали прекрасную механическую мастерскую, мастеровых было всех отраслей 500 чел[овек]. На Абаканском заводе отливали снаряды трехдюймовые, разного рода бомбы обрабатывались механической мастерской и пускались в действие.

Среди белых солдат ходила легенда, что красные в Минусинске производят новые пулеметы, орудия, винтовки и т.д., что они сумели построить целый завод, и тем самым наводили сами на себя ужас.

Партизаны, работающие в мастерских, проявили мужество и героизм. С противоположной стороны Енисея, т.е. на левом берегу, стояли белые, расстояние от Минусинска 7–8 км, фронт растянулся по Енисею на 150 км, стоит теплая осень. Белые сосредоточивали свои силы здесь около Минусинска, и несколько раз они пытались переплыть через Енисей и штурмом взять Минусинск, но храбрые щетин[ин]цы опрокидывали белых в бурные волны Енисея.

Один раз был такой случай. Белые, человек 1 000, переплыли на нашу сторону и сильно потрепали 6-ю роту Ачинского полка, на выручку скоро подоспел с батальоном сам [П.Е.] Щетинкин, а партизаны говорят: «Петр Ефимович, давайте их подпустим к самому городу, пусть посмотрят обыватели, как мы погоним кота».

Как только подошел батальон, так сразу бросился на ура, и белые были мгновенно смешаны с грязью. Белые видят, что этим нас не взять, они установили

несколько орудий-шестидюймовок на горе Самохвал, и как утро начинается, так они начинают бомбардировать Минусинск снарядами и целят обязательно туда, где находятся мастерские, снаряды падают на площадь, рвутся над мастерскими, а в мастерских никакой паники, работают скорей, успешней, только прекратится всякий разговор, каждый думает скорей бы замерз Енисей, забрать у гада эти пушки. Так и вышло. Как замерз Енисей, так левый берег немедленно был очищен. И не успели увезти орудия, бежали, как бешеные собаки, скорей на железную дорогу, и удирать.

Очищая Сибирь от белой нечисти, партизаны закладывали основы социализма.

Карасев, б[ывший] красный партизан
армии [П.Е.] Щетинкина.

Домашний адрес: [Новосибирск], Нарымская, 14,
работаю в крайкоме ВКП(б).

ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 952. Л. 1–8. Копия заверенная. Машинописный текст.

№ 7

«Сибирский Мелье. Автобиографический очерк». Воспоминания В.И. Головина, бывшего священника, о П.Е. Щетинкине и своем участии в партизанском движении

Не ранее 1930 г.

[г. Москва]

Пишет б[ывший] свящ[енник], давал кв[ртиру] [П.Е.] Щетинкину.

После вновь благополучно служил в попах, а сегодня «в оркестрах» засел.

*[Подпись-автограф] 1935 г.**

Занимаясь изучением истории философских учений, я обнаружил, что на фоне эксплуататорской роли церкви на протяжении истории человечества встречались и встречаются сейчас отдельные исключительные личности, совершенно или отчасти деклассировавшиеся, ставившие целью своей жизни критиковать существующий феодальный или империалистический государственный механизм своей эпохи – с помощью церковно-библейских аргументов. Эти носители революционно-коммунистических идей впитывали в себя настроения и выражали в письменной или устной форме все то, чем страдала трудящаяся часть общества. Примерный перечень таких лиц был бы длинен. Отмечу некоторых – это Жан Милье или Мелье, который в истории философских идей отмечается всюду во всех работах как революционный коммунист XVIII века.

* Рукописная помета неизвестного лица.

Это очень интересная личность. Он был приходским сельским священником во Франции. Его окружала среда крестьян, которых мучили помещики простые и титулованные, гражданские и церковные.

Я приведу о нем несколько цитат из книг Ленинской публичной всесоюзной библиотеки в Москве: «Однажды помещик избил нескольких крестьян, и Мелье, вся жизнь которого была посвящена служению этим несчастным, всеми притесняемым людям, возмутился и в ближайшее воскресенье не помянул в молитве “сеньора”». Дворянин пожаловался епископу. Последний потребовал извинения. Снова наступило воскресенье. Мелье взошел на кафедру и воскликнул: «Такова судьба бедных сельских священников: епископы, важные баре презирают нас и не заботятся о нас, они слушают только дворянство. Итак, помолимся за хозяина этого села, попросим бога, чтобы он обратил его, чтобы не дал ему снова впасть в грех бить бедных и грабить сирот» (Лен. б-ка. Книга В. Волгина «Путешественники новейшего социализма». 1955. Ч. 2. С. 327–329).

Огорчения вследствие дурного обращения начальства заставило Мелье уморить себя голодом в 1729 г. Он был атеистом (как христиане первых времен), материалистом и коммунистом, но при жизни не делился всеми идеями с прихожанами, оставив, однако, в трех экземплярах громадное завещание. Один из подлинников этого завещания найден в середине XIX века Р. Шарлем в Голландии у антиквария, и завещание было издано полностью. Об этом завещании есть монография в 89 страниц В. Волгина (Лен. публ. б-ка в Москве, 66/382, изд. 1924 г., изд. «Красная новь»).

Я процитирую несколько мест этой книги: «...Он (Мелье) – единственный социалист-революционер дореволюционной Франции (монография [В.] Волгина «Революционный коммунист XVIII века Ж. Мелье и его завещание», изд. 1924 г., с. 3). «Сознание необходимости революционной пропаганды, объединение угнетенных, борьба с высшими классами – ...эти идеи сближают его с социалистами XIX века» (там же, с. 3).

«Скромный сельский священник, он в то же время был решительный и последовательный атеист, для которого всякая религия – лишь лицемерная сказка, придуманная высшими, чтобы держать в узде низших, он один из самых ранних проповедников материализма во Франции XVIII века» (там же, с. 3).

«Он сознает зависимость поведения различных общественных групп от их групповых интересов, он признает необходимость для достижения социального идеала борьбы угнетенных групп с угнетателями. Для него борьба – единственный возможный двигатель исторического процесса. Он не осуждает ее, как многие социалисты-утописты не только XVIII, но и XIX вв., наоборот, он к ней призывает (там же, с. 3).

Вся монография состоит из перечня коммунистических планов устройства общества и критики существующего церковно-государственного механизма с помощью библейско-евангельских аргументов и призыва к объединению трудящихся для свержения всех тиранов и тиранокоролей. Так отмечен Мелье в этих двух книгах. Там же на с. 50, отмечено, что один из историков французского социализма XVII–XVIII вв. Гуго считает, что Мелье был хорошо знаком с крестьянскими ком-

мунистами Шампани XVIII в., что, однако, Волгин опровергает здесь же. Завещание Мелье – громадный литературный труд. Оно определило свой век. Однако оно печатается, но не все, а только в отрывках тех мест, которые критиковали религию. Таким образом, как говорит Волгин в своей другой книге: «Влияние завещания как книги коммунистической было весьма ограниченным». Но это влияние возросло после обнаружения подлинника и издания завещания полностью. И Волгин признает, что “завещание Мелье – один из редких случаев литературного оформления смутных социальных чаяний, бродивших в глубине придавленной и угнетенной французской деревни XVIII в. Обыкновенно настроения деревенских низов, не находя отчетливого выражения в литературе, остаются недостижимыми для последующих историков... Это дает право его книге на особое внимание со стороны исследователей эволюции социалистических идей” (там же, с. 205).

В этой книге на с. 216 отмечен как предшественник научного коммунизма аббат XVIII в. француз Мабли такими штрихами: «Следовательно, строй первобытного коммунизма (речь идет об учении Мабли) есть естественный порядок, соответствующий законам природы, а строй, основанный на частной собственности, есть нарушение этого естественного порядка, уклонение от него. Раздел – это нарушение изначальных повелений творца”. На с. 218 Волгин отмечает, что у Мабли имеются зачатки учения о классах и о противоречии и непримиримости классовых интересов.

После знакомства по истории с такими лицами мы не удивляемся, что в момент римской церковной кампании против СССР в 1931 г. один священник восхвалял советскую систему, утверждая, что у нас, как в Евангелии, трудящийся-бедняк на первом месте, а эксплуататор-богач у порога (термины церковные, но политически смысл их прозрачен). Факт этот отмечен в газете «Правда» за, кажется, 1931 г. Не удивительно, что в 1932 г. германская компартия приняла в компартию пастора Эккерта с подпиской о непропаганде христианских идей, которые пастор, как заявил, не оставляет. КПГ* при этом осадила всех шавок в рясах и без рясов, которые начали вопить об изменении воинственности компартии к религии. Партия сказала, что хороший товарищ Эккерт в процессе совместной работы с нами изживет этот недостаток (журнал «Антирелигиозник» за 1923 г., Москва, б-ка НКПС). Прочитав это, я отыскал объяснение и того, почему я был отмечен в 1919 г. в Томской газете «Сибирская жизнь» в эпоху Колчака как священник-большевик Головин, с[е]ла Красновского Ачинского района, который арестован в Ачинске за содействие красным при их мятежных выступлениях. Газеты этой в Ленинской б[иблиоте]ке не существует. Потому я делаю две выписки, копии из документов, имеющихся у меня. Первая копия (12.635, Москва) п.о. № 78, Головину В.И. до востребования, заказное. «В Томском городском архиве, ул. Карла Маркса, № 23 имеется газета за 1919 г. март – май об операциях отряда [П.Е.] Щетинкина, где, между прочим, говорится, или, вернее, упоминается фамилия В. Головин, поп-большевик. Копию статьи и вообще какой Вам нужен материал запросите архив непосредственно. Название газеты «Сибирская жизнь» (подпись). Я нашел свое место в истории эпохи

* Так в документе. Имеется в виду Коммунистическая партия Германии – КПГ.

партизанского движения в 1918–1919 гг. в с[еле] Красновском, Ачинском районе. Человек, носивший рясю с 1910 по 1930 г., правда, с перерывами, правда, переменяв до пятнадцати приходо́в из-за трений с архиереями, жандармами и белыми. Побывал и в Илимском таежном приходе Киренского района, и штрафовавшийся за проповеди и лишавшийся мест, несмотря на популярность в приходах. Сейчас я считаю своею обязанностью обратить внимание историков-писателей на тот период дел Петра Еф[имовича] Щетинкина, который протекал как начальный, подпольно-подготовительный период организации партизан в Б[ольше]Улуйской волости Ачинского района (Енисейская б[ывшая] губерния).

Этот период личного бытия партизана [П.Е.] Щетинкина начался с 18 июня 1918 г. с момента взятия Ачинска чехами. Период начался с скрывания мною Щетинкина у себя в квартире, когда я уже в проповедях изложил свое [мнение], как то, что коммунизм есть предпоследняя стадия государственности, стадия более идеальная, чем прежние государственные формации, которая перейдет (переродившейся) в строй Царства Божия, строй без государственных функций. После упорного чтения своей большой брошюры с кафедры церковника в течение нескольких раз подряд мне теоретически отступать было некуда. Я открыл верующим ход в партизаны, я развязал “совесть пасомых” от проклятий, несшихся от попов, архиереев, генералов, купцов и всех невежественных защитников связи церкви и государства, доказывая, что старый строй противоречит евангельскому строю. Делал я это так: я брал, как мишень, строй Римского государства I в[ека], выпячивал вперед черты сходства его с монархиями всех времен и народов и наводил прицел на него из христианских евангельских приданий Царства Божия (брошюра носила заглавие «Развитие божественного права вопреки человеческому в истории». Она украдена у меня по возвращении из Сибири на лошадях близ ст. Татарки в 1924 г.). Очень получалось прозрачно, что лезть в верующие не могли представители империй и республик, а коммунизм – родня христианству.

Вот схема этой исчезнувшей брошюры рукописи: собственность на вещи, землю, рабов и даже членов семьи Римского государства эпохи первохристианской вызывало издание законов, охраняющих ее. Возникла нужда в праве. Но законы об охране собственности требовали учреждения судей для нарушавших собственность. Однако решения судей были бы клочками бумаги, если бы не возник исполнительский аппарат. А так как все эти лица жили без труда, на жаловании, то рождалось финансовое ведомство. Если к тому заметить, что порча межевых знаков, под[вод] лошадей и т.п., – по-видимому, уголовное³³, возникало в связи с правом собственности на вещи, то ясно, как возникало и уголовное право. Так возник весь государственный механизм Рима во главе с римским императором. Следовательно, из периода самосуда в стадии развития права, через период третейских судов (без принудительных функций) к праву римскому. Таков ход появления частного права.

В международных отношениях не было и этого. Оно было в стадии самосуда. Споры решались бойнями. Слышен стон народов и лязг цепей народов, уводимых в рабство.

Этому строю Рима, а отчасти и иудейской церкви противопоставлялось, что Евангелие учит не считать твое, свое, советует быть готовым отдать свое другому, не защищать свое судом. В уголовном советует тоже вести себя не по праву, а быть готовым к немстительности (это мораль для прихожан между собою). Таково частное право евангельского Царства Божия.

В международных отношениях евангелизм советует братство народов, а не бойню, как делали в 1914 г. по притче о самарянине. Я доказывал, что братом нам может быть человек любой кожи (нации), а не так, как учат иудейские первопопы, что-де придет Мессия, оснует иудейское царство и согнет все народы под ярмо своего царства. Далее я излагал отличие закона Рима от закона Царства Божия. Закон Рима принудительный: если человек нарушает закон «Не убей», у него можно отнять жизнь, если нарушит закон «Не укради», – у него конфискуют вещи. Его объявляли вне покровительства нарушенного им закона. Закон Царствия Божия морален. Человек не нарушает законы «Не убей», «Не укради» не из страха наказания, а из любви к правде. Самым фактом нарушения закона он выпадает из сферы царства (высшего) в царствие человеческое со всеми его прелестями той или иной эпохи.

Однако и государственный строй прогрессирует и приближается к типу Ц[арства] Божия. Предпоследней стадией его являлось государство (не в собственном смысле человеческое), которое принципы евангелизма: отрицание собственности, братства народов, труд и т.п. – объявило своими законами. Однако до времени оно эти евангельские вещи проводит принудительно, как государство. Это государство есть коммунизм СССР. Оно пришло после и в результате того, что человечество шло от все увеличивающихся групп замурованного населения земли к международному государству. Вот уже виднеется Царство Божие, когда отомрут функции государственности (я указывал, что апостол Павел пишет лишь о том, что сделает не нужным начальствование для самона начальствования). Так я излагал учение В.И. Ленина об отмирании государства. Я советовал не смешивать христианство с пулеметным римским (папы) церковно-государственным христианством, которое усвоило все черты Рима, а не Ц[арствия] Божия. Оно 1 700 лет тому назад нарушило принципы христианства, приняв в свою среду без отказа от собственности и власти римских императоров, что продолжается и по сей час. Так в то время я излагал это дело.

В частных беседах на все толки крестьян о большевиках, я говорил, что пока не перебьем всех “архиереев и генералов” ничего не будет.

Не в этом одном я выразился. Эти речи лились при I-й сов[етской] власти, а вот потом получилось еще большее, хотя не особо большое. Это второе касается укрывания мною П.Е. Щетинкина в момент падения Советов. Нужно добавить, что идеи о том, что цари и правители всех времен и народов всегда разъединяли народы, а христианство пыталось соединить, я ухитрился протаскивать в проповедях на основе девятой гл[авы] Символа веры* еще в приходах Иркутской епархии, и даже при уряднике, стоявшем на клиросе. Я верил в свою миссию проповедника правды. Я начал там же за обедней пропускать молитву за царя (большая молитва), а так как

* Здесь, очевидно, имеется в виду девятая часть Символа веры православной церкви: «Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь». Девятый из двенадцати особых истин, догматов, – догмат о Церкви.

иркутское начальство знало, что в Рязани в 1907 г. у меня произведен жандармами обыск, я смещаюсь в помощники учителя в село, но поехал в Юрьев, а оттуда в Иркутск, то меня перевели в таежный приход в 1914 г. в Киренский б[ывший] уезд. Будучи популярным, я после свержения царя избран первым председателем Осинского ревкома. Потом я приехал в с[ело] Красновское Ачинского района и оперся на выборное право общины. Против этого, в защиту старого порядка в церквах, [выступил] свящ[енник] Фокин (убитый щетинкинцами) и дьякон А.П. Сбитнев (утопленный в проруби или же потом). Эти лица старались влиять и против Советов. Я прилагаю вторую копию характеристики от партизан и еще несколько копий и отмечаю, что в 1935 г. имел получить звание партизана в г[ороде] Раменске. Я получил заверенные анкеты-рекомендации из г[орода] Ачинска, но изданный приказ о сдаче в архив всех партизанских дел, помешал окончить это. Характеристика, анкеты-рекомендации, одним словом, дело на десяти листах у меня на руках. Я должен отметить, что этот период не отмечен в истории, а сам Петр, вероятно, стеснялся такого казуса и своей книге «Борьба с колчаковщиной» этого периода не описывает. Об этом периоде я нахожу в печати прямо вранье, не нужное советскому историку. Например, в газете «Красноармейская звезда», октябрь [19]27 г. от II/X № 198 напечатано: «Когда были свергнуты Советы в Сибири т. Щетинкин ушел в тайгу, ходил по деревням в качестве плотника». Вот все это вранье. Я удивился, как оно терпелось. Я знаю Петра, как появился Щетинкин, как появился спутник, месяц этого солнца В. Головин, этот Мелье 20 века. Я родился под Рязанью в с[еле] Муромино в фабричном селе. Отец был священник-вольнодумец. Нашу семью любили рабочие, крестьяне. Петр родился в с[еле] Чудилово Косимовского уезда б[ывшей] Рязанской губернии. До Сибири я с ним не был знаком. Но так как моя жена была учительницей в с[еле] Чудилово до 1912 г., то она знала Щетинкина, а именно его сестру Парасковью Ефимовну, ее дочь и ее сына Никиту, который учился у нее в школе. Семейство Щетинкиных прозвали Щетинкиными, а фамилия их – Демины. Как большинство крестьян этой лесной местности, он знал плотниче дело. В Сибири он, шутя, звал себя «столяр». Он попал в царскую армию. Женат на крестьянке с[ела] Красновского, сибирячке Вассе Андреевне. Знал местность под Ачинском, имел 4-е Георгия*, которые вместе с документами лежали у меня в шкафу, когда он скрывался у меня. Сам он почему-то называл себя в это время не штабс-капитаном, а поручиком. При советской власти работал начальником Ачинского угол[овного] розыска. Приходя со своим помощником С. Еф. Чемровым, крестьянином с[ела] Красновского, к семьям, он был у меня по делу о браке племянницы. Она с сестрою П[етра] Еф[имовича] и братом Никитой приехала из с[ела] Чудилово в Красновку и сла[л]и [корреспонденции] на квартиру. Парасковья Ефимовна ходила к нам. Дочь ее вышла замуж в д[еревню] Секретаревку.

Крестьянство хладнокровно относилось к падению Советов. Дело было и так, что во многих местах появлялись подпольные агитаторы за белых. Об одном из них упоминает Петр в одном из журналов, где пытается объяснить причину отсутствия сопротивления чехам... В Б[ольшом] Улуе – это Богданенко, б[ывший] офицер, в

* Имеется в виду награждение П.Е. Щетинкина четырьмя георгиевскими крестами.

с[еле] Красновском был такой же теоретический подрыватель Советов – сын дьякона (неместного), б[ывший] офицер, вернувшийся в учителя. Звали его Алексей Александрович, или наоборот, фамилии не помню. Был озлоблен приказом № 1-й, который, по его мнению, разложил армию. Так он пытался агитировать меня, ибо слышал мои проповеди в церкви и хотел перетянуть меня в “наш” лагерь.

Я и до сегодня не знаю какой такой приказ № 1-й. Я все его тезисы оспаривал и честно говорил, что программа большевиков выгоднее крестьянству. Этот учитель квартировал на углу улиц против Чемровых (д[ом] вдовы, у которой сын под его влиянием после падения Советов сделался белым милиционером). 18 июня 1918 г. Ачинск пал, его взяли без боя чехи. Петр и Чемров не уезжали в тайгу или Енисейск, а взяли катерок и приплыли вниз по р[еке] Чулым до леса, стоявшего почти рядом с с[елом] Красковкою, против д[еревни] Нагорново, наискось. Они убеждали крестьян не оставлять лодок со стороны наступления чехов. Судя по переданному мне об этом крестьянами, я подумал, что Петр и Степан взяли на себя обязанность перед ачинскими товарищами задержать чем-либо преследование отступающих. В этот же день, вероятно, 29 июня, к вечеру, я услышал через крестьян, что Щетинкин и Чемров сошли с катера и скрылись в лесу против д[еревни] Нагорново. Лес примыкал к с[елу] Красновке и тянулся по склону горы и против д[еревни] Нагорново, оканчиваясь внизу, поднимался в гору. Я решил их закрыть от преследования белых, которых на их след наводили самогонщики д[еревни] Игинки по личным счетам с Петром (7 км от г[орода] Ачинска – Игинка). Я к вечеру пошел в лес один, начал посвистывать, и мне вскоре отозвались свистом тихим, и в чаще березняка и осинника, правее дороги (по ней потом пошел в Красновку отряд белых), посиживали мои голубчики. Шел дождичек. Сделан шалашик, а возле что-то варилось на тихом костёрке.

Я прямо сказал, что зову их к себе скрывать. Они сказали, что придут. Я вернулся в село, конечно, никому не сказав. На улице агитировали женщины за белых. Я сказал, что “не я ошибался, а вы ошибаетесь, при этом строе вы будете ногами, а головами не будете, на вас будут стоять в грязи белые”.

Щетинкин и Чемеров не колебались, сказали, что придут и пришли ночью. Поздно постучались, и я отвел им (сам Петр выбрал) комнату с окнами в сад с плитою, а мебели и у меня не было почти. Здесь они жили не менее месяца. Крестьяне на обедах, где я бывал, уже спорили о переменах власти. Я нет-нет, да брякну, что пока не перебьем всех генералов и офицеров, ничего не выйдет.

Тут же приходил ко мне председатель Красновской сельской управы спросил какой программы (списка) держаться. Фамилия его Александр Евдокимович Бельенцев. Я отвечал по чести, что программа большевиков лучше для крестьян.

Петр и Степан жили в комнате более месяца. Ночи мы без огня сидели на кухне. Петр показал мне технически трудное гимнастическое упражнение, я его и сейчас делаю, на память потом подарил мне простые перламутровые запонки на рукава. Они и сейчас у меня.

К ним с первого же дня начали приходиться Васса, Прасковья, Никита, Чемровы и посторонние. В этот период я ходил в Ачинске к товарищам, адреса которых он

давал, и им передавал я фразы Петра, которые условно значили что-то нужное. Я ходил пешком двадцать верст туда и двадцать обратно по горам и никогда не подсаживался на попутную подводку, что всех удивляло. В это время Петр дал мне свои документы и Георгия* на хранение, которые я положил в шкаф столовой (правее входа). Эти документы остались и по уходе потом от меня Петра, и казаки, осматривая мою квартиру, когда я уже уехал в Мариинск, в шкаф не сунулись. Жена моя волновалась. Здесь они выпороли, как я потом узнал, Вассу и еще кое-кого.

“Иглинские” всюду искали Петра. Спустя месяц наши крестьяне, слыша на базаре в Ачинске [слухи], стали передавать [слова] о том, что иглинские крестьяне сообщают в Ачинск, что Петр у меня.

Я, однако, взвешивал свой авторитет слуги бога и мнил, что дом мой не могут обыскивать. Я считал большевизм верою, а кто решится возражать против правды мне в глаза?!

Но Петр сказал, что он перепрячется из комнаты на чердак моей квартиры, Степан ушел к своим. Петр объяснил, что если взойдут, то могут не заметить, или он может утечь. Я предлагал в случае чего скрыться в алтаре (церковь стояла почти на лугу). Наверное, и он думал, что нагло обыскивать попа не станут. Так Петр жил еще недели две или три, спускаясь ночью в дом для бесед. Потом Петр от кого-то узнал, что ему опасно оставаться у меня, так как тревожные слухи шли по всему селу. Дальше скрываться у меня было риском, т.к. все знали, что он у меня. Жена моя трусила. Ночью он вышел от меня, и сейчас у меня повторяется чувство жалости к нему, которое я ощущал тогда. Это было, наверное, в августе или вообще к осени. В декабре из-за ссоры с женою я перевелся в с[ело] Благовещенское Мариинского б[ывшего] уезда Томской б[ывшей] губернии и уехал туда без семьи. Приблизительно в феврале 1919 г. я возвратился в Красновку. Дело было так: я сошел с поезда в Ачинске и пошел, не заходя в город, пешком через д[еревню] Игинку. Подходя к ней, я увидел с бугра, что она сожжена, и вид ее вызывал картину войны. Шел дымок. Я перешел через нее на противоположенный бугор оврага, оглянулся, бежит по селу свинья. Зашагал в Красновку. Не доходя ее версты две или менее, я вижу с левой стороны дороги сани, и на них лежат ружья. Стоят крестьяне, кажется, Ярлыковы. Я спросил: «Как поживаете?» Они говорят: «Мы восстали, Петр – начальник. Семья твоя живет, Фокина убили, Сбитнева утопили». Без всяких паролей я зашагал в село, как свой человек. Часовые и я не считали нужным солидности законы часовых (это, конечно, не притупление классовой бдительности!). В тот же день пришел Петр. От жены я узнал, что учительству выдается зарплата натурой. Из всей Б[ольше]Улуйской волости составила коммуна. В доме у меня, как на базаре, крестьяне. Петр спросил о Лубкове, я передал, что он действует возле Мариинска близ ст[анции] Иверки, кругом поселка хохлов. Иверка в двадцати шести верстах от ст[анции] Иверка. Бегут враги, бегут учителя, попов вытаскивали и закалывали в навозных кучах. Меня одного возят крестьяне по соседним приходам, и я не боюсь встречи с отрядом Лубкова.

Я стал попом красного лагеря восставших крестьян! Продолжал служить и поддерживал в населении убеждение, что большевики – не дьяволы, к которым не дол-

* Имеются в виду награды.

жен идти ни один поп. Вопрос морального запугивания белыми крестьян отпадал. Получалось, что большевики не отнимали религию. Раз принесли в церковь убитого бойца. Хотели отпевать. Вдруг гонец из отряда, имевшего дело с ачинскими белыми, передает, чтобы подождали, пока окончится бой. Немного погодя приехали бойцы и Петр. Я отпевал один без псаломщика. Петр подпевал. Я поднес ему книгу, он взял и пел. В другой раз я сделал поклон. Петр кивком головы отклонил это. В военном деле я ничего не знал. Десять лет учился в духовных закрытых бурсах. Как учитель зачислен в запас армии и военным не был. Но в церковной летописи я записал, что колесо истории повернется в пользу большевиков.

Эту запись я потом выдрал.

Отряд Петра действовал. Следовало бы сейчас поспешить внести запись, как отряд человек 8–20–80 сражался посредством окопчиков возле д[еревни] Симоново и др., когда казаки, подавив восстание в Енисейске, шли на Щетинкина со стороны Улуя, издав издав издав о себе черным столбом дыма от сжигаемого добра крестьян.

С Ачинска жали белые – новобранцы. Петр решил удариться на соединение с [А. Д.] Кравченко. Я в военное дело деликатно не вмешивался.

Как отряд Петра утек – это описано в литературе. Помню и поход до Минусы и Минусинскую красную республику советов.

Я оставался того мнения, что как авторитет божий меня не посмеют белые тронуть, даже спорить со мною не могут или возражать в понимании мною коммунизма. Ибо ведь они миряне (офицеры-то), а я клир (наследие божье).

Ни звона, ни церковного торжества при входе белого отряда я и не думал делать, только церковный сторож долбил в набат, когда размеренным шагом шли в село белые со стороны Нагорного из того самого леска. Вскоре, однако, из дерзких ответов санитаров я понял, что на меня косятся белые. Белые ходили в церковь, служили молебны со своим попом из села Казачья (стоит в семи километрах от Ачинска на запад. Там жил старец Федор Кузьмич, который втер очки, что он чуть ли не Александр I). Ко мне на кухню пришел фельдфебель и посиживал все время, получалось, что он стережет, мягко выражаясь, меня. Стали захаживать группами молодые офицеры, меня посмотреть. Я их не угощал. Санитары и казак начали упрекать меня, что я-де вывез вещи, следовательно, боялся белых. Вещей вообще у меня не было. Жена моя начала реветь на весь дом, как по мертвом. Наконец, меня позвали в штаб и предупредили, чтобы я не отпирался (называли о[тец] Василий), так как на чердаке у жены Петра найден будто бы ими дневник Петра, в котором будто бы записано, что все меня (Петра) оставили, кроме о[тца] Василия. Писал ли Петр? Не знаю. Если и писал дневник вообще, то его следует использовать как материал для описания этого периода отряда с восьми человек и дальше. Поражаешься массе белых документов об этом времени, в которых твердится о поимке лесных бродяг, бандитов, фельдфебеля 129-го сиб[ирского] полка штабс-капитана Щетинкина, который, терроризируя, и т.д. Тут и донесения милиции, и ответы полковника Попова (кума Петра) и приказы генерала Разанова, и рапорт прокурора Иркутской суд[ебной] палаты. Есть их документы о казни священника Фокина. Со стороны красных нет никаких документов этого периода. Ври кому не лень.

Жена моя пришла и стала уверять, что оружия я не носил, отрядом не командовал. Я стоял на церковных позициях, т.е. что я определяю, что правда и что неправда. На то я и поп. Как священник, могу даже кого хочу спасти. «Вы знаете, – говорил я, – нашу традицию от времени Моисея, что наш жертвенник укрывает беглеца и никто из преследующих не смеет взять его от жертвенника». Наконец я сказал, что и с политической точки зрения вашего русского взгляда мы видим, что гонится за человеком власть не русская, не знаем чья и что я и тут не мог дать человека на самосуд. Я так сейчас и тогда это понимаю, что подвергнуть репрессии меня было бы белым неудобно и это бы даже рекомендовало красных (рекламировало движение): вот-де и лица нетрудовые признают правду большевизма.

Из литературы я вижу, что белые вообще преуменьшали число восставших и казненных. Недоставало расписаться, что и попы против них!

Начальник отряда стал стучать по столу кулаками и кричать: «Убирайтесь отсюда, Василий, и не попадайтесь нам вблизи восстания! Иначе...»

Я доехал до Ачинска. Тут на квартиру пришел бывший красноармейский учитель, офицер теперь, с солдатиком и с холодком предложил мне идти к полковнику. Я взял мальчика-сына и пришел. Офицер ушел, а солдатик объяснил, что этот офицер наговорил что-то на меня. Полковник, наверное, желал посмотреть сам такую невидаль – красного попа.

Разговор у него не клеился. Он водил пальцем по карте и говорил: «Как они прошмыгнули здесь? Удивительно». Я ничего не отвечал и, видя, что нечего ждать, стал приподниматься и ушел. И здесь я подоткнул их. Взошел и смотрю не на него, а на угол, крещусь и выражаю, что белые тоже не имеют иконы в комнате.

Я взял пропуск на себя и жену, т.к. ее, как учительницу, занесли в список. Я приехал в с[ело] Благовещенское. Здесь немного спустя в село прибыл отряд Лубкова Петра Кузьмича, Иркутской бывшей губернии. Если верно, отряд был из четырехсот человек с обозчиками и санитарями. Конный объезжал и под окнами приказывал ставить самовар. То же и мне. Потом идут в квартиру бойцы и Лубков. Один ставит винтовку в передний угол под икону. Лубков, шутя, говорит: «Не ставь, тут все-таки живет батюшка». Тот возражал, но перенес винтовку. Штаб Лубкова жил у меня неделю. Лежали в зальчике на полу, мебели у меня не было. Ночью ездили осаживать мельников и т.п. Я служил. Раз выпил с ними самогону. Фельдшер отряда лечил мне глаза. Я просил Лубкова перебить для виду стекла у меня. Он отложил. Наверное, он уже читал газету обо мне. Как только они уехали, прихожане принесли мне газету, где написано о моем аресте. Я наскоро подписал метрические книги, сгреб семью и айда в Черепаново. Здесь была церковь, школа ж[елезной] д[ороги] с тридцатью человеками верующих железнодорожников. Я поступил в табельщики, как чернорабочий. Пришли красные и стали организовывать ячейку РКП(б). Рабочие боялись записываться. Предложили мне. Я сказал, что мне можно подписаться только без отказа от религии. Сказали: «Можно». Я записался, и за мною – рабочие. Меня выбрали представителем ее. Я действовал, меня поставили заведующим распорядительного п/о* Черепановского райпродкома.

* Подотдела.

Но однажды комиссар Смирнов говорит: «В[асилий] Ив[анович], повенчай свадьбу, ни один поп не венчает, так как они развелись». Я пошел и сделал. Староста Соломашкин кричит на меня, что запрет церковь и не пустит меня. Я перешел в Барнаул заведовать театральной и музыкальной секциями Губоно и выбран в секретари ячейки. В документах в скобках я писал: «Священник».

Отсюда меня откомандировали в Томский университет на факультет ФОН*. Я его окончил. В ячейке я не зарегистрировался, стесняясь незнакомой среды. Университет окончил и ушел в церковную службу, везде сражаясь с попами и архиереями. В 1924 г. ехал от Киприна до Татарки двадцать одни сутки на лошадях один, вез мертвого сына.

На родине в палищах шесть дворов поповства (отец уже умер) и пятнадцать дворов торговых, арендовавших лавки у церкви. Меня, как большевика, несмотря на то, что приход дал протоколы (18 деревень) избрания, теснили, постановил не пускать меня в церковь, как озорника и самозванца и, проиграв дело, [я] шел пешком по шпалам до Москвы сто шестьдесят верст. Они отказали мне в наделе огорода, даже желали угнать меня опять в Сибирь, как они мыслили по-старому. Они припомнили, что я говорил в 1912 году проповеди (из которых видно было, что человек родственник обезьяны). Здоровье было разбито.

В 1927 году я случайно прочитал в «Правде» о смерти Петра в Монголии.

1920 году, в момент римской кампании против СССР, когда Каутский погнал в церковь по политическим мотивам, я заявил, что ухожу от церковников тоже по политическим мотивам.

С 1930 года я работаю в Москве в оркестрах.

В. ГОЛОВИН
1926 г. 24/II

Несколько таких рукописей я послал крестьянам с[ела] Красновки, чтобы они прочитали и припомнили детали своих походов и послали Вам материал.

В.Г.

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 966. Л. 1–20. Копия. Машинописный текст.

№ 8

Стенограмма воспоминаний Вассы Андреевны Щетинкиной о муже П.Е. Щетинкине и его участии в партизанском движении в 1918–1919 гг.

15 января 1946 г.
г. Новосибирск

В то время, когда Петру Ефимовичу приходилось скрываться под видом плот-

* В тексте ФАН. Имеется в виду факультет общественных наук.

ника, мы жили в деревне *Красновка** *Еловках***. К нему часто приезжали организаторы партизанского движения – Марутко, Уланов и часто по ночам они все вместе разъезжали по деревням. Вначале Петр Ефимович скрывался дома на чердаке. Однажды (это было осенью), он спустился с чердака, чтобы подшить валенки. В это время к нам зашел человек, который вместе со своей женой занимался спекуляцией, продажей мануфактуры. Под видом продавцов мануфактуры они имели связь с колчаковцами и занимались доносами. Сплетница жена этого человека, заглянув в дверь, увидела Петра Ефимовича. После этого П[етр] Е[фимович] вынужден был уйти из дома и скрываться у нашего знакомого священника. Затем он опять скрывался в землянке на острове. Племянник Петра Ефимовича носил ему хлеб, продукты, а т. к. в нескольких километрах находилась деревня, то и мы под предлогами – «навещать знакомых в этой деревне», «пойти в гости» – также навещали Петра Ефимовича, принося ему пищу.

Однако долго скрываться на острове П[етр] Е[фимович] не мог, т. к. его выжили волки. Ружье, принесенное нами, не могло ему оказать помощи, т. к. стрельба из него могла бы привлечь внимание людей, а следовательно, возбудить подозрения. Петр Ефимович снова перебрался домой, где и стал скрываться в подвале.

Из города ежедневно приезжали к нам с целью обнаружить местопребывание П[етра] Е[фимовича]. Был, например, такой момент: стучат в кладовую, где он скрывался, тогда П[етр] Е[фимович] быстро перебира[л]ся на чердак и спуска[л]ся во вторую кладовую, когда же начина[ли] стучать в эту кладовую, он вновь спуска[л]ся на прежнее место... Были такие минуты, когда казалось неизбежным обнаружение его.

Недели две он скрывался в лесу, а затем перебрался к священнику (в настоящее время этот священник находится где-то в Москве, играет в оркестре). Когда приезжали с обыском, то, обычно, останавливались у этого священника, который был вне подозрений, и, таким образом, Петр Ефимович некоторое время мог у него безопасно скрываться. Однако впоследствии стали догадываться, подозревать, и П[етр] Е[фимович] перебрался к гр[ажданину] Портному (фамилия), у которого скрывался в амбаре, а затем – в Петров день (1-го июня по старому стилю) вновь пришел домой.

Таким образом, все лето он скрывался, то у себя в квартире, то в лесу, то у священника, то на острове.

У соседей была свадьба. Я пошла посмотреть, а когда вернулась с этой свадьбы домой и стала щипать лучину, то вдруг увидела выезжающих из-за угла отряд карателей. Они оцепили наш дом и устроили засаду. Всю ночь искали Петра Ефимовича, а я в это время сидела под караулом. С вечера они начали меня допрашивать у нас же на квартире, а утром повели в штаб. Когда меня повели в штаб, то дети мои – две девочки с годовалым ребенком – Шуриком на руках бежали вслед за мной. В штаб их не допустили, а один из колчаковцев выхватил Шурика из рук дочери и бросил его на землю, гоня их прочь от штаба...

* Здесь и далее рукописные вставки выделены курсивом.

** Здесь и далее зачеркнуто.

В штабе меня опять допрашивали, а потом увели в другой дом, где стали избивать. С утра до вечера меня допрашивали, жестоко избивали и издевались, а когда все мое тело покрылось ранами и кровью, то раны посыпали солью и вытолкали меня на улицу...

Вместе со мной истязали жену одного из товарищей моего мужа – Чемрова, и когда она стала терять сознание, я боялась только одного – как бы она в бессознательном состоянии не выдала колчаковцам местопребывание Петра Ефимовича и его товарищей.

Впоследствии Чемров задумал явиться и пошел по улице. Увидев его, жители деревни стали поговаривать: «Ну раз Степан здесь, значит, и Щетинкин здесь». Однако являться Чемров не пошел.

Допрашивал меня офицер, а били рядовые. Все они были пьяны и издевались надо мной кто как мог и хотел. Все тело мое было изорвано в клочья и, пока я валялась, у меня все присохло... Кое-как я добралась домой, попросила подушку, залезла с трудом на печь. В это время опять при[шли] колчаковцы и спрашивают золовку, указывая на меня: «А это кто у вас?» Золовка им отвечает: «Лучше бы убили, чем так издеваться над человеком!»

В квартире у нас все было растащено, разгромлено. На печке я потеряла сознание...

Когда я лежала, избитая колчаковцами, из деревни набежали бабы, выражая мне свое сочувствие и соболезнование. Каждая из них советовала, что нужно делать, чтобы залечить раны. Одни советовали прикладывать примочки из березовых почек, сетовали, что нет вина, на котором их нужно настаивать. Другие советовали истопить баню и попариться березовым веником... Наконец истопили баню, промыли тряпочкой все ранки избитого в клочья тела, а затем стали смазывать медвежьим салом. Через месяц я начала поправляться и ходить. Однако два года я испытывала сильный зуд в рубцах, думала, что до самой смерти буду так мучиться, но впоследствии это прошло, только до сих пор сохранились на теле следы от побоев и ран.

Как шел поход через тайгу

Партизаны гнали белых до самой тайги. В тайге были прииски, там мы сделали остановку. Женщин с отрядом партизан ехало человек десять, некоторые были с ребятами. Женщины оказывали большую помощь – готовили пищу, стирали на партизан. Многие шли пешком, некоторые следовали на подводах. Все лишнее, обременяющее, было сброшено, чтобы облегчить продвижение. Продвигались с пилами, топорами. Пища была скудной – делали заваруху, один раз была заколота лошадь, которая не пошла, питались кониной. Помню, когда один из партизан спросил мою дочь: «Ну что, Надька, будешь есть, хомяк?» – «Буду», – отвечала Надя.

Наш отряд шел на соединение с [А.Д.] Кравченко. Когда прошел тайгу, то встретивший нас партизан дал нам по кусочку хлеба. Приехали мы ночью, пере-

ночевали, а затем муж уехал к [А.Д.] Кравченко. Я с семьей осталась в Баджее. Долго не было известий от Петра Ефимовича, стали беспокоиться, к тому же дети жаловались на то, что им дают есть «колючий хлеб». Поговорили между собой, посоветовались, и несколько семей, в том числе я с ребятами, двинулась ближе к фронту, там и хлеб был лучше. Пожили мы на Нарве, а потом поехали в Кий, где и устроились по-домашнему. В это время к одной из женщин приехал муж и стал нас звать в Семеновку. Я оставила ребят и, в числе других, поехала в Семеновку. Приехали в Семеновку, а там бой, наступали белые. Петр Ефимович увидел меня и говорит: «Зачем приехала? Вот попрешь по тайге пешком, так узнаешь». Белые стали наступать, и я осталась с партизанским отрядом. Когда наш отряд стал отступать, П[етр] Е[фимович] послал партизан за ребятами. При отступлении оказалось, что дорога была занята. Я пошла пешком в тайгу. В тайге было очень много масла (разбили эшелон), но мне не до масла было, беспокоилась за ребят. Попав, наконец, в Баджей, я увидела там своих детей, куда их перевезли на подводах. Из Степного Баджея нам также пришлось отступать. Ребят привязали к лошадям, сама я ехала верхом. При переходе через быструю речку, когда лошадь вступила на берег, Шурка выпал из рук и едва не утонул, но его успел подхватить один из партизан. В этом походе тоже было голодно, но в Баджее мы успели запастись немного мясом, да и черемша нас выручала.

Вместе с мужем шел Щукин. Оба они шли пешком, а мы на лошадях ехали. Только доедем на лошадях, а Петр Ефимович с Щукиным уже обед из черемши изготовили.

Когда из Баджея мы ехали в Белоцарское, то узнали, что Петр Ефимович с семнадцатью партизанами отрезан белыми, и он шел где-то в тылу у белых. Я думала тогда, что больше его никогда не увижу.

Дошли до Белоцарского, выгнали белых, партизаны заняли эту крепость, но тут опять начались бои. Петр Ефимович сделал блиндаж, мечтал нас посадить в этот блиндаж, но белые стали усиленно наступать, обоз выехал в сопки на горку. Помню, как один из партизан стал говорить о том, что белые якобы перебрались через Енисей. Но он соврал и за это поплатился тем, что у него отняли оружие.

Обоз, где находились раненые дети, белыми стал обстреливаться, все стали разбегаться кто куда мог... Я присидела на камне с Шуркой на руках всю ночь. Шли сильные бои. Наконец партизаны одержали победу, взяли много оружия. Много белых погибло в реке Енисее вместе с оружием. Поэтому партизаны говорили: «Если кому нужно хорошее оружие, то стоит только побродить по Енисею и вдоволь его найдешь». Сильно разгромили здесь белых.

Из Белоцарского пошли в Минусинск, здесь уже шли спокойнее, т.к. белые отступали. До самого Минусинска я Петра Ефимовича не видела, он шел с отрядом, а мы ехали верхом на лошадях с ранеными, обозом. Стоял холод, и хотя я расстилала ветки, пытаюсь согреть ребят, но все равно было очень холодно.

Помню один бой – столбы были повыворочены, заехали в деревню, а там засада. Только присели попить чаю, нам кричат: «Собирайтесь!» Мы быстро ушли в горы, а воды для Шурика я не успела взять. В горах ребенка стала мучить жажда. Тогда

один партизан зажег солому и в чайной чашке растопил немного снега. В это время к нам прибежали другие партизаны, закричали: «Что вы делаете?! Противник заметит, будет обстреливать!» Бой шел с утра до вечера.

По окончании боя заехали в деревню, немного отдохнули и поехали дальше. По прибытии в Минусинск устроились там, где находился штаб. В Минусинске бои шли очень часто.

О Петре Ефимовиче Щетинкине

С Петром Ефимовичем я познакомилась, когда он проходил действительную службу, происхождением он из Рязанской губернии. Военного городка не было, его только начинали строить, и полк, в котором находился П[етр] Е[фимович], стоял в нашей деревне. Когда П[етр] Е[фимович] отслужил действительную службу, я вышла за него замуж. И он остался в нашей деревне Красновке в качестве плотника. Затем он пошел на сверхсрочную службу, а на германскую войну поехал уже офицером (в городе Ачинске он окончил школу прапорщиков). Я осталась с восьмимесячной Надей и маленькой Клавой. П[етр] Е[фимович] уехал со своим полком на войну, а я осталась в деревне у своих. В боях он отличился, имел семь наград. Вернувшись с фронта, имел четыре георгиевских креста и четыре медали (две золотых и две серебряных, одна из них – медаль Французской республики). Приехал он уже штабс-капитаном. Через год войны П[етр] Е[фимович] приезжал к отцу в Рязанскую губернию повидаться, туда же приезжала и я. В первом же бою ему пришлось командовать, т.к. командовавший до него офицер струсил и убежал, боем руководил Петр Ефимович. Через год я увидела у него на груди целый ряд наград, у него была прострелена шапка, шинель. Один раз он был ранен осколком в ногу. Вернулся он с войны в 1917 году, стал работать в Совете, сначала был нач[альником] уго[ловного] розыска (до 1918 г.) до выступления чехов. Когда пришлось отступить из Ачинска, захватили катер и приехали в Красновку, захватили патроны и на этом же катере ушли. Только они ушли, как белые пришли искать Петра Ефимовича в Красновке. Доехав на катере до леса, П[етр] Е[фимович] с товарищами скрылся.

Отношение партизан к т[оварищу] Щетинкину

Партизаны относились к Петру Ефимовичу очень хорошо, также хорошо относились и крестьяне. Когда П[етр] Е[фимович] скрывался, то они всегда старались укрыть его от преследований белых и только один «торговец мануфактуры» хотел его выдать.

Перед обыском меня сразу предупреждали об этом, чтобы иметь возможность подготовиться.

Когда Петр Ефимович организовывал партизанские отряды, то к нему охотно шли и молодежь, и пожилые люди. Если, зайдя в тайгу, кто-нибудь начинал грустить и говорить, что «теперь нам из тайги не выйти», П[етр] Е[фимович] всегда заявлял: «Не соблазняйся сам и не соблазняй других». Партизаны говорили: «Раз человек зашел, значит, выведет». Партизаны в него верили и твердо знали, что он и бой выиграет, и людей выведет.

Когда стояли в Минусинске (а там было захвачено много спирта), то П[етр] Е[фимович] всю ночь ходил «пастухом» с плеткой в руках, строго следя за порядком, пресекая возможность пьянства. Были случаи, когда и плеткой приходилось хлестнуть за то, что напился и уснул кто-либо. Петр Ефимович рассказывал: «Я думал, что он ругаться за плетку будет, а он проснется, да и спасибо говорит».

С [А.Д.] Кравченко у него были очень хорошие отношения. В Белоцарском наши семьи стояли вместе, варили на весь штаб, ставили железное ведро и варили, стряпали хлеб. [А.Д.] Кравченко был очень хорошим оратором, а Петр Ефимович больше делом доказывал, имея за плечами большой опыт войны. Как только предполагался бой, то партизаны всегда обращались к Петру Ефимовичу.

Тов[ариш] Загуменный до войны заезжал к жене [А.Д.] Кравченко навестить ее, а когда возвращался, то рассказывал, что Кравченко уже старушка, что сын у Кравченко умница, хотя в детстве, припоминаю, он был большим шалуном.

Моя сестра Тая тоже помогала партизанам – обшивала их, стирала. Здесь, в Новосибирске, она работала в течение пяти лет на обувной фабрике им. Кирова, потом она заболела и уехала в Туркмению.

В.А. Щетинкина
15/1 [19]46 г.
г. Новосибирск

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 926. Л. 1–11. Подлинник. Машинописный текст с правкой.

№ 9

Стенограмма воспоминаний Клавдии Петровны Щетинкиной об отце П.Е. Щетинкине

15 января 1946 г.
г. Новосибирск

Мне было всего *шесть** лет, но события, происходившие в то время, запомнились мною очень ярко.

Как сейчас помню: когда отец скрывался от белых у нас в доме, что от нас, ребят, мать тщательно скрывала, то, вставая, мы каждое утро заявляли, что видели во сне папу, а порой говорили, что в комнате пахнет папой. Действительно, папа ночью спускался в комнату покурить.

* Здесь и далее рукописные вставки выделены курсивом.

Помню такой случай: утром, когда маму допрашивали, мы сидели на печке с сестрой. Колчаковец, обращаясь к нам, спрашивает: «Где ваш папа?» – А я ему отвечаю: «Мы еще маленькие, мы еще ничего не знаем».

Когда маму повели из штаба, а колчаковец выхватил и бросил Шурика, то, подобрав Шурика на руки, я поплелась с сестренкой по деревне. Постучались к соседке, но нас не пустили, боялись преследования колчаковцев за укрытие. Добрались мы к бабушке, переночевали там, а утром пошли домой. Мама лежала избитая, стонала. Комната была разгромлена, все растащено.

Как мы поехали из села: сначала бабушка тоже собралась ехать, взяла с собой икону, но ввиду трудности пути папа предложил им* остаться. К каждому из нас, ребят, был приставлен партизан, который следил за нами.

~~Когда мы проехали Нарву, там стоял домик у самой реки...~~

~~Когда ехали из Степного Баджея, во время отступления, помню — на дороге было очень много шишек...**~~

Здесь хоронили Степана Безотчества, был митинг.

Потом начался поход, нас настиг пожар, было очень страшно, лошади падали, все пылало жаром, огнем, пожар распространялся с молниеносной быстротой...

Помню, когда папа шел пешком впереди, а мы ехали, то, приехав, мы заставляли уже сваренный из черемши суп...

В Белоцарском, когда партизаны ~~вели бой с белыми, начали наступать, у нас не было воды~~. Нас вывели в сопки, ~~но там нас начали обстреливать. Целый день мучила жажда~~, а ночью спустились к реке, началась сильная гроза, лошади рвались, река шумела. ~~Через двое суток, когда она закончилась, мы подъехали к штабу. У партизан уже были свои пушки, много оружия, брошенного белыми, поймали в реке.~~

После этого боя в Белоцарском состоялись похороны, была устроена братская могила, похоронили тогда более сорока человек. Играл первый оркестр. Отец сам делал памятник на могилу.

Когда белых выгнали, то мы с мамой отца не видели, т.к. он уезжал на восток – освобождать Монголию от барона Унгерна, участвовал в боях против Врангеля, а потом поехал в Москву с докладом, где его оставили на курсах усовершенствования. Мы оставались в Ачинске, переживая большие трудности.

С 1923 по 1926 г. отец работал в Новосибирске, затем был в Москве, откуда получил назначение в Монголию. В 1927 году, когда мы ехали в Монголию, отец показывал места боев с Унгерном. В Монголии на отца были несколько раз покушения.

Когда отец уезжал, я всегда сильно переживала и плакала. Когда отец привез нас в Красноярск, это был единственный раз, когда я не плакала, т.к. дала ему слово не плакать. Потом он вернулся в Монголию, где его и убили.

К.П. Щетинкина
15/1 [19]46 г.
г. Новосибирск

* Так в документе. Вероятно, следует читать *ей*.

** Так в документе, здесь и далее фрагмент текста зачеркнут.

Сидят (слева направо): Васса Андреевна Щетинкина с дочерью Клавдией на руках, Петр Ефимович Щетинкин. [1914 г., г. Ачинск].

П.Е. Щетинкин (справа) с сослуживцами в окопе. [Не позднее 1917 г.], действующая армия.

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

14 рота 59-го Сибирского стрелкового полка в окопах Западного фронта. Крайний справа (сидит) – штабс-капитан П.Е. Щетинкин. Апрель 1917 г.

Пулеметный боевой расчет. На переднем плане в центре – П.Е. Щетинкин. [Не позднее 1917 г.], действующая армия.

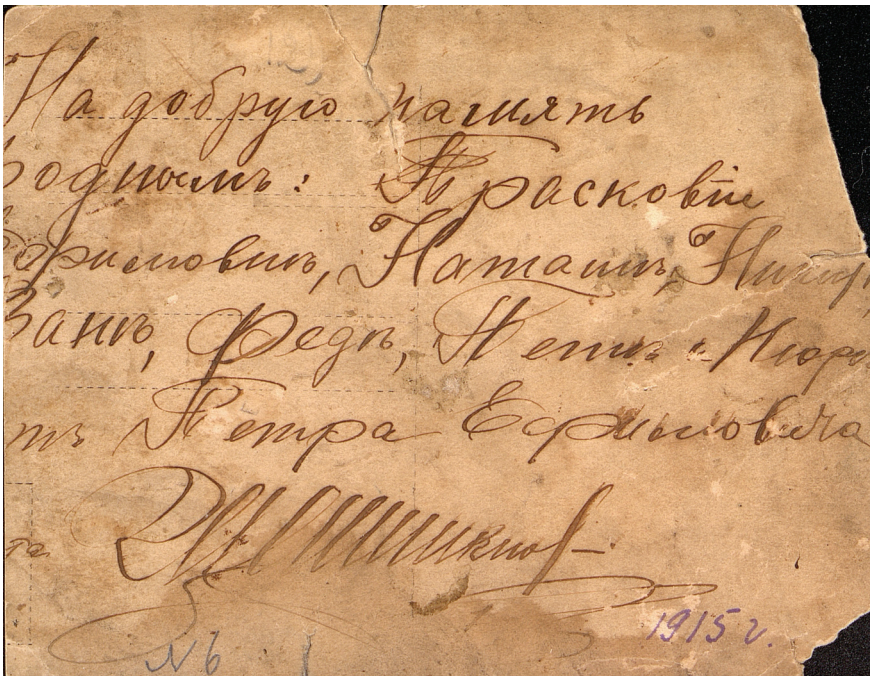
ПЁТР ЕФИМОВИЧ ЩЕТИНКИН

П.Е. Щетинкин (в центре стоит) с сослуживцами.
[Не позднее 1917 г.].

Младший офицер и ефрейтор из роты П.Е. Щетинкина. [Не позднее 1917 г.], действующая армия.

Полный Георгиевский кавалер П.Е. Щетинкин (в центре) с сослуживцами. [Не ранее апреля 1915 г.]. Надпись на обороте: «На добрую память родным: Прасковии Ефимовне, Наташе, Никите, Ване, Феде, Пете и Нюре от Петра Ефимовича Щетинкина».

Группа командного состава [29-го Сибирского стрелкового полка].
Крайний справа в 3-м ряду – П.Е. Щетинкин. 1916 г., действующая армия.

Командный состав [29-го Сибирского стрелкового полка].
Стрелкой отмечен П.Е. Щетинкин. 1916 г., действующая армия.

П.Е. Щетинкин (крайний справа) с неустановленными лицами.
[Не позднее 1917 г.]

Петр Ефимович Щетинкин (портрет). 1910-е гг.

ПЁТР ЕФИМОВИЧ ЩЕТИНКИН

Прапорщики Александр Пименович Лонгинов, Александр Петрович Воловиков, Василий Матвеевич Решетов, штабс-капитан Пётр Ефимович Щетинкин (справа во 2-м ряду). [Не позднее 1917 г.]

Руководители советского партизанского движения в Енисейской губернии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкин (справа). 1919 г.

ПЁТР ЕФИМОВИЧ ЩЕТИНКИН

Сидят (слева направо) А.Д. Кравченко – командующий крестьянской партизанской армией, П.Е. Щетинкин – помощник командующего крестьянской партизанской армией; стоят (слева направо) В.А. Уланов – представитель красноярской подпольной партийной организации, С.К. Сургуладзе – председатель армейского Совета. 1919 г.

Александр Диомидович Кравченко (1880 – 1923) – главнокомандующий крестьянской партизанской армии на юге Енисейской губернии.

Дом в, где в декабре 1918 г. состоялось объединенное собрание подпольщиков села, на котором выступил П.Е. Щетинкин и другие руководители борьбы за власть Советов в уезде. Село Нагорново

Дом, в котором в 1918 г. находился штаб крестьянской партизанской армии А.Д. Кравченко

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

Бойцы отряда П.Е. Щетинкина (сидит крайний слева). 1919 г.

На переднем плане П.Е. Щетинкин, за ним – А.Д. Кравченко. 1919 г., г. Минусинск.

Путь движения партизанской армии А.Д.Кравченко и П.Е.Щетинкина

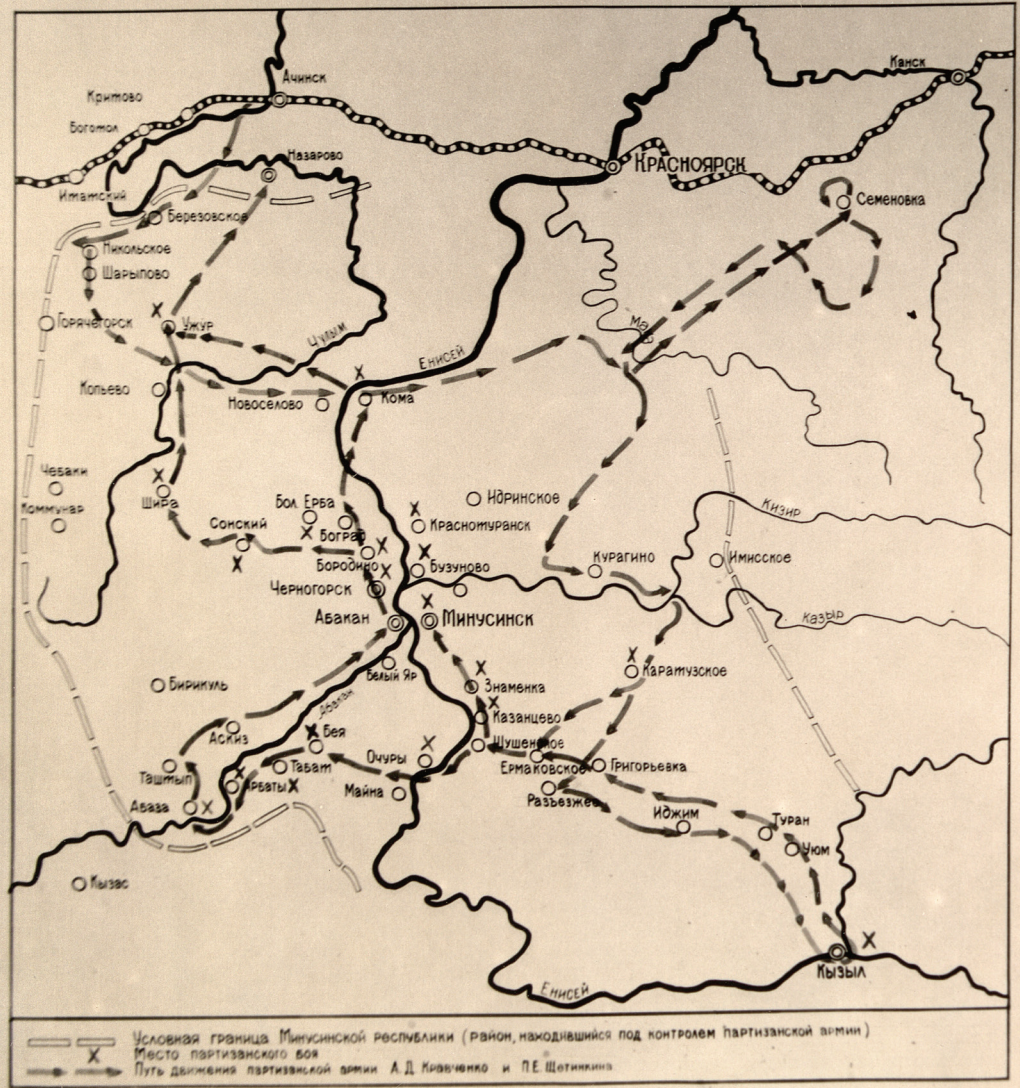

Схема пути крестьянской партизанской армии А.Д. Кравченко-П.Е. Щетинкина в 1919 г.

Населенію

подтаежныхъ деревень Затубинскаго и Верхне-Енисейскаго районовъ.

Для болѣе успѣшной борьбы съ непріателемъ
Главный Штабъ формируетъ отрядъ лыжниковъ.
Черная свои силы изъ селеній, населенныхъ крестья-
нами, своими братьями по труду и угнетенію,
Крестьянская Армія въ лицѣ своего Главнаго Шта-
ба, предлагаетъ населенію выше названныхъ рай-
оновъ всѣ имѣющіяся у него лыжи доставить въ
распоряженіе Крестьянской Арміи.

Волостные и сельскіе совѣты и штабы благово-
лятъ настоящеее принять къ свѣдѣнію и неукосни-
тельному исполненію въ спѣшномъ порядкѣ.

Главнокомандующій КРАВЧЕНКО.

Помощникъ Главнокомандующаго ЩЕТИНКИНЪ

Начальникъ Главнаго Штаба ИВАНС

Обращение Штаба крестьянской партизанской армии А. Д. Кравченко к населению Затубинского и Верхне-Еничейского районов о сборе лыж на нужды армии.
1919 г.

Товарищи крестьяне и товарищи партизаны Минусинского уезда!

Я как представитель Советской власти и как бывший Ваш руководитель партизанского восстания обращаюсь к Вам с просьбой прийти на помощь Советской власти.

В деревнях уезда распространяются слухи, что я совершенно забыл своих боевых товарищей партизан, нажилась во время партизанской войны и не хочу иметь с ними никакого дела. Не верьте этому товарищи—это гнусная ложь! Как я боролся с оружием в руках за Советскую власть, так и теперь работаю на пользу Советской власти. Вспомните—кто был со мною вместе—за что мы шли честно умирать? не за Советскую ли власть? А теперь, что же мы видим? Многие товарищи партизаны в деревнях, слышав нашествия кулаков и разных негодяев, которые им с злорадством говорят: „чу что завоевали свободу, а теперь сидите и молчите, ваша песня спета“ сблизясь со своего прямого пути по которому они шли умирать с палками в руках за Советскую власть и зацелились устройством своей личной жизни и не хотят принять ни в каком участии в закреплении, такой дорогой ценой завоеванной, своей собственной власти рабочих и крестьян. Кулаки пользуясь тем, что Вы возвращаясь домой, совершенно почти не принимаете участия в строительстве новой жизни, снова начинают поднимать свою голову, снова начинают подбирать власть в деревне в свои руки и заносить палку над Вашей спиной, а в месте с кулаками в деревнях втихомолку, работают в разное „тады“ призывавшиеся на службу в Советские учреждения и разрезающие по деревням.

Разбежавшиеся белогвардейцы, скрывавшиеся в тайге, вошли в связь с кулаками, снабжая их продовольствием и вместе с ними подбивают несознательных крестьян не давать хлеб по развертке, организоваться и помочь взять власть им в руки и даже онаглед до того, что были случаи нападения на мирных жителей на зимках, убийство их и разграбление имущества.

Победоносная Красная Армия бьет польских панов на право и на лево и уже приближается к Варшаве. Но вспомните, товарищи, когда мы боролись с Колчаком здесь в Минусинском уезде, разве мы могли бы разбить белогвардейские банды без поддержки крестьян, без продовольствия, без фуража? Нет не могли бы. Точно также и Красная Армия без поддержки тыла, без продовольствия, без фуража обречена на гибель. Товарищи, партизаны! Вы жертвовали всем сражаясь за Советскую власть с Колчаком. Помогите же и теперь Советской власти и в лице ее Красной Армии. Убеждайте Ваших односельчан давать хлеб по развертке, который так необходим для окончательной победы Красной Армии.

Очнитесь товарищи! Всех честных товарищей партизан тружеников крестьян призываю принять самое деятельное участие в строительстве новой жизни и всякие контрреволюционные выступления пресекать в корне, действуя в этих случаях не самостоятельно, а прибегая к содействию Советской власти на местах.

Помните, товарищи, что только Советская власть, есть наша власть и только она одна выведет вас и всю Российскую Республику из темноты и разорения к свету, знанию и свободе!

Да здравствует Советская власть!

Но имея возможности лично побывать во всех волостях уезда я обращаюсь с настоятельным воззванием.

ЩЕТИНКИН.

г. Минусинск

26 июля 1920 г.

Обращение уполномоченного Центральной комиссии по восстановлению хозяйства Енисейской губернии П.Е. Щетинкина к крестьянам и партизанам Минусинского уезда с просьбой пресекать контрреволюционные выступления совместно с органами Советской власти. 1920 г., г. Минусинск

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

Суд над членами правительства А.В. Колчака. Май 1920 г., г. Омск

Политический отдел 35-й Сибирской дивизии 5-й Красной армии в период организации добровольческого полка для отправки на фронт против войск генерала Врангеля. Крайний слева в 3-м ряду – П.Е. Щетинкин. [1920 г.], г. Ачинск

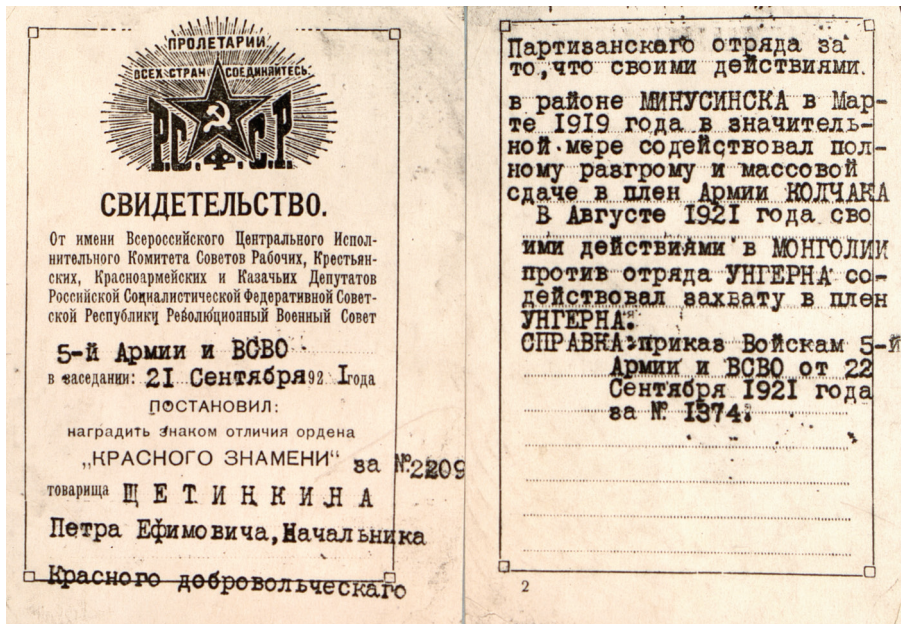

Делегаты VIII Всероссийского съезда Советов. Крайний слева (сидит) П.Е. Щетинкин – делегат от Енисейской губернии. Декабрь 1920 г.[г. Москва].

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

Члены Сибревкома и реввоенсовета 5-й Красной Армии. В первом ряду (слева направо сидят): 1-й П.Е. Щетинкин, 2-й Р.И. Эйхе – председатель Сибирского продовольственного комитета, 6-й М.М. Лашевич – председатель Сибревкома. 1922 г. г. Новониколаевск.

Свидетельство, выданное П.Е. Щетинкину о награждении его орденом «Красного Знамени». 1921 г.

ПЁТР ЕФИМОВИЧ ЩЕТИНКИН

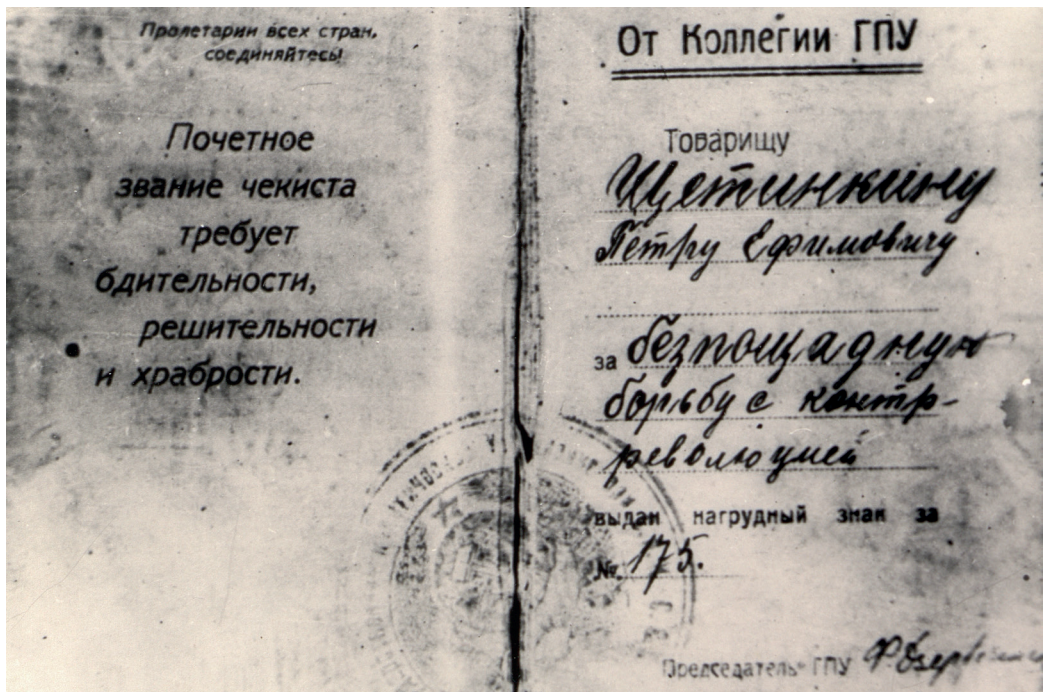

Петр Ефимович Щетинкин (портрет). [Начало 1920-х гг.]

ПЁТР ЕФИМОВИЧ ЩЕТИНКИН

Участники конференции военкомов частей ОГПУ Сибири. Третий справа во 2-м ряду (сидит) – П.Е. Щетинкин. Март 1923 г., г. Новониколаевск.

Удостоверение Коллегии ОГПУ, выданное П.Е. Щетинкину как почётному чекисту.

ЧАСТЬ 2.
Документы

№ 10

**Донесение начальника Ачинской уездной милиции
управляющему Енисейской губернией о неудачном розыске
П.Е. Щетинкина и его отряда**

22 января 1919 г.
[г. Ачинск]

В дополнение рапорта моего от 16 сего января за № 11 доношу, что производимися подведомственными мне участковыми начальниками милиции 1-го и 8-го участков дознания и розысками, скрывавшегося бывшего штабс-капитана Щетинкина и его шайки из нескольких человек новобранцев-дезертиров пока обнаружить не представляется возможным, а также еще не разыскан и увиденный ими ст[арший] милиционер Захаров. Дальнейшее по сему дознание и розыски производятся самыми решительными и энергичными мерами, о результатах которых мною будет донесено дополнительно по получении каких бы то ни было по сему сведений. При этом докладываю, что поименованные в указанном донесении моем за № 11 крестьяне дер. Лапшихи Архип и Никита Тимошенко, Павел Красницкий и другие участники Щетинкина в аресте Хабарова, за исключением Павла Ростовцева, который задержан и содержится в ачинской тюрьме до окончания дознания, скрылись, розыски которых также производятся.

П[одлинный] п[одписал] и[сполняющий]
д[олжность] начальника милиции (подпись)
Вр[еменно] и[сполняющий должность] секретарь (подпись)

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1552. Л. 5. Копия заверенная. Машинописный текст.

№ 11

**Указание политического управляющего Енисейской
губернией управляющему Ачинским уездом
о принятии мер в связи с формированием
отряда П.Е. Щетинкина**

23 января 1919 г.
[г. Красноярск]

Находя, что деятельность штабс-капитана Щетинкина представляется чрезвычайно опасной, могущей вызвать движение в уезде, предлагаю:

1. Войти в соглашение с начальником военного района об охране линии железной дороги.

2. Сделать распоряжения милиции по уезду о надзоре за появлением Щетинкина или его участников.
3. Принять все меры для розыска и поимки Щетинкина.

Управляющий губернией чиновник особых поручений (подпись)

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1552. Л. 8. Копия заверенная. Машинописный текст.

№ 12

Донесение начальника Ачинской уездной милиции управляющему Енисейской губернией с просьбой о направлении регулярных воинских частей для задержания отряда П.Е. Щетинкина

24 января 1919 г.

[г. Ачинск]

Секретно

Сегодня, 24 января, в 4 часа пополудни младший милиционер 8 уч[астка] нарочным донес мне, что банда большевиков под предводительством какого-то офицера, численностью до сорока вооруженных человек, в восьмом часу вечера 23 сего января неизвестно откуда прибыла в село Больше-Улуйское, именуя себя правительственным отрядом, отобрала винтовку у трех милиционеров и офицера Богданенко, находящегося в отпуску и проживающего в с. Б[ольше]-Улуйском. На вопросы последнего предводителю банды в офицерских погонах: «Вы кто будете? На Вас офицерские погоны, я также офицер правительственных войск». На что предводитель банды ответил: «Не разговаривать» – и приказал немедленно выехать из села. Производя расследование, установлено, что банда та самая, под предводительством шт[абс-]кап[итана] Щетинкина, которая оперировала в районе Покровской и Новоеловской волостей, совершая ряд преступлений, в настоящее время перебросилась в Больше-Улуйскую волость, где под видом правительственного отряда отбирает у населения оружие и обмундирование. По сведениям, банда из Б[ольше]-Улуя отбыла в тот же вечер на шестнадцать обывательских подводах по направлению к с. Ново-Еловскому.

С начала обнаружения банды во главе с тем же Щетинкиным я доводил до сведения начальника военного района с просьбой дать воинскую силу для подавления ее, одними милицейскими силами справиться невозможно, так как известно, что вначале она насчитывала 25–30 вооруженных лиц, теперь же, несомненно, больше, причем при столкновении с таковой, к ней, безусловно, присоединятся большевики, живущие в деревнях до момента выступления.

Когда же упомянутая банда обнаружила свое местопребывание в дер. Лодочной Н[ово]-Еловской вол[ости], где неизвестно куда увезла как контрреволюционера священника Н[ово]-Еловского прихода Фокина, я настоятельно просил дать воинскую

силу в числе хотя бы 30 человек, которых полагал разбить на два отряда совместно с милицейской силой, таким образом, каждый в отдельности отряд был бы численностью 20–22 чел[овек], послать их по двум направлениям, и банда могла бы быть задержана и разбита, начальник военного района по неизвестным мне соображениям послать отряд не нашел возможным. Мне оставалось одно – иметь наблюдение за бандой в смысле ее передвижения, организации и ждать воинской силы.

Последнее известие подтверждает, что банда Щетинкина усиливается, распространяя свои действия на север в пределы Ново-Новоселовской вол[ости], населенной латышами, где будет иметь благодатную почву для более широкой организации.

Докладывая о вышеизложенном и во избежание крестьянского восстания, на подавление коего потребуются значительные воинские силы, прошу если нет к тому препятствий, теперь же командировать два отряда численностью хотя 30–50 человек, каждый в район Б[ольше]-Улуйской, Ново-Еловской и Покровской волостей для задержания бандитов и установления законного порядка.

Дополнительно получены сведения, что банда задерживает проезжающих по дороге в Больше-Улуй.

П[одлинный] п[одписал] начальник милиции (подпись)

ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1552. Л. 1–3. Копия заверенная. Машинописный текст.

№ 13

Представление мирового судьи 2-го участка Ачинского уезда в Красноярский окружной суд об опасности разъездной работы в связи с появлением отряда П.Е. Щетинкина

29 января 1919 г.

20 января с[его] г[ода] я выехал в с. Б[ольше]-Улуйское для разбора дел, назначенных на 21 января.

Окончив заседание 21 января, я 22 выехал дальше в Бирилюссы для разбора дел с тем расчетом, чтобы вернуться 23 января в Б[ольше]-Улуй и 24 выехать вместе с мировым судьей 5-го участка, который был в [Больше-]Улуе, в Ачинск.

Не доезжая 10 верст до Б[ольше]-Улуя, я встретил мирового судью 5-го участка Ачинского уезда Монастырского, от которого и узнал следующее, что в Улуе ожидается набег банды капитана Щетинкина и Чемрова и поэтому он выехал мне навстречу чтобы предупредить меня и мы с ним вернулись обратно в с. Новоселовское, где и ночевали.

По приезде на другой день утром в Б[ольше]-Улуй мы узнали, что действительно на Б[ольше]-Улуй был сделан набег банды Щетинкина, которая по приезде в Б[ольше]-Улуй сейчас же оцепила земскую квартиру, разоружила всю милицию и проживающего в отпуску там одного офицера и, побыв немного в Б[ольше]-Улуе, уехала в Турецкую как раз по пути следования нашего в город.

Опасаясь попасть в руки этой банды и чтобы не подвергнуться участи взятого ими накануне в качестве заложника священника с. Новоселовского о[тца] Владимира Фокина (труп которого теперь обнаружен), мы были вынуждены нанять за 50 рублей лошадей и уехать в Ачинск другим путем.

По приезде в Ачинск мною об этом было сейчас же сообщено управляющему уездом, которым и приняты соответствующие меры.

До тех пор, пока банда Щетинкина не будет ликвидирована, поездку на север Ачинского уезда для отправления правосудия является в высшей степени опасной, так как ввиду совершенного отсутствия какой-либо защиты в селах рискуем всегда попасть в качестве заложника в руки этих господ и подвергнуться участи священника.

Докладывая о изложенном, имею честь просить окружной суд не отказать сообщить мне как поступить с очередными выездами для отправления правосудия до ликвидации банды Щетинкина.

Подпис[ал] мировой судья Гродницкий

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1552. Л. 6–7. Копия заверенная с копии заверенной. Машинописный текст.

№ 14

Телеграмма Енисейского губернатора начальнику и управляющему Ачинского района об оказании содействия в задержании отряда П.Е. Щетинкина

29 января 1919 г.
[г. Красноярск]

Благоволите оказать содействие милиции отрядами [по] поимке банды Щетинкина № 145.

Начальник губернии

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1552. Л. 10. Копия заверенная с отпуска. Машинописный текст.

№ 15

Телеграмма Енисейского губернатора командующему армией генералу В.И. Волкову об оказании содействия в задержании отряда П.Е. Щетинкина

[29 января 1919 г.]
[г. Красноярск]

Ачинский уезд[ный] управляющий доносит [об] отказе начальника района выслать отряд против банды [штабс-]капитана Щетинкина[.] Просим генерала Афанасьева³⁴ [-] вторые сутки нет ответа. Благоволите распоряжениями уведомить меня[.]

Управляющий губернией

ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1552. Л. 10. Копия заверенная с отпуску. Машинописный текст. Датируется по сопутствующим документам.

№ 16

Протокол опроса свидетелей об отряде П.Е. Щетинкина, составленный помощником начальника милиции ачинского городского участка

27 февраля 1919 г.
г. Ачинск

1919 года февраля 27 дня, сего числа явился в ачинский городской участок казак станицы Белоярской Андрей Димитриевич Гундин, проживающий в селе Преображенском Покровской волости, доставил с собой пять человек, взятых им на ачинском базаре, доложил мне, помощнику начальника милиции ачинского городского участка Клыкову, что доставленные крестьяне села дер. Курбатовой из Новоселов и что они могут дать кой-какие сведения о банде Щетинкина. Постановил: Записать в настоящий протокол Гундин заявил себя неграмотным. Помощник начальника милиции Клыков.

Спрошенные: крестьянин Енисейской губернии Ачинского уезда Покровской волости деревни Курбатовой, Моисей Данилов Седенов, 57 лет от роду, православный, не судился, показал: две недели тому назад Щетинкин приехал с бандой вечером, остановился на сборне³⁵, где собрался сход, Щетинкин опрашивал на сходе, кто из собравшихся Красной Армии или белой, и предлагал записываться в его банду, но охотников не было, сын показателя Федот Ведунов ответил Щетинкину, что «мы будем [в] той гвардии, которая возьмет [верх]». Три дня тому назад из деревни банда Щетинкина увезла однодеревенца Семена Щитникова, которого до сего времени нет. Более ничего не знает. Неграмотный.

2. Крестьянин той же губернии, уезда, волости и села Марк Алексеев Дегтерев, 15 лет от роду, православный, показал, что две или три недели тому назад Щетинкин с бандой приблизительно в 50 чел[овек] приехал в с. Курбатово, где всем предлагал записаться к нему в банду, но никто не записался: почти через каждые сутки ездят от банды по деревне два человека, зачем они ездят, он не знает. Щетинкин с бандой стоит в дер. Нагорновой, это он потому знает, что ездил по дрова через Нагорново и видел у дер[евни] до 20 чел[овек] также вооруженных, когда он, показатель, возил дрова, то его через деревню пропускали без всяких остановок, а с неделю тому назад не стали пропускать. Заявил себя неграмотным.

3. Крестьянка дер. Курбатовой – Мария Наумова Тихонова, 44 лет от роду, православная, вдова, показала, что она о Щетинкине ничего не знает, слышала, что банда Щетинкина стоит в Нагорновой, третьего дня банда Щетинкина увезла Семена Щитникова, а вчерашнего числа он, Щитников, послал письмо из Нагорновой о том, что он жив и здоров, почти каждую ночь по дер. Курбатовой ездят два верховых. Посланное Щитниковым письмо попало в руки его матери. Неграмотная.

4. Крестьянин дер. Курбатовой Григорий Яковлев Чеславев, 17 лет от роду, православный, показал, что две-три недели тому назад Щетинкин с бандой в 100 человек ночью приехал в Курбатово и требовал на сельской сборне, чтобы мужчины перешли на его сторону, но многие так наполовину отказались, а остальные колебались, все-таки говорили за сторону Щетинкина, помнит некоторых: Ялтухов Иван, Степан Сумеев, Степан Бабенко, Андрей Бабенко, Федор Лелеко, Спиридон Коротин, Дмитрий Коротин, Макар Коротин и другие, которых не помнит. Больше Щетинкина до сегодняшнего дня не было, каждый вечер по Курбатовой ездят по двое верховых. Он, показатель, слышал, что три дня тому назад банда Щетинкина увезла Щитникова. Щетинкин с бандой стоит у Нагорновой, в той же деревни имеет склад оружия у кр[естьянина] Устина Спирина, даже сын Спирина Роман принимает и выдает оружие банде, более показать ничего не имеет. Неграмотный.

5. Крестьянка дер. Курбатовой Мария Андреевна Тыщенко, 38 лет от роду, православная, показала, что Щетинкин с бандой приезжал в дер. Курбатово, ночью две недели тому назад или три собирался сход, о чем судили – она не знает, муж ее не был на сходе, больше того, Щетинкин не был, по деревне ездят по два человека ночью, видимо, из банды Щетинкина, слышала, что банда Щетинкина увезла Щитникова, более ничего не знает. Заявительница неграмотна.

6. Крестьянка дер. Курбатовой, Анна Ильинишна Лелепина, 20 лет от роду, православная, показала, что она слышала от однодеревенцев, две-три недели тому назад Щетинкин был в дер. Курбатовой, собирался сход, но о чем судили на сходе не слышала. Слышала, что три дня тому назад банда Щетинкина увезла Щитникова, более ничего не знает. Заявляет себя неграмотной.

Помощник начальника милиции ачинского городского участка

Клыков

Настоящий протокол представляю г[осподину] начальнику ачинской уездной милиции на распоряжение, февраля 27 дня 1919 г. № ...*

Начальник милиции ачинского гор[одского] участка

Шнейдер

ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1552. Л. 14–16. Копия заверенная. Машинописный текст.

* Так в документе, номер не указан.

№ 17

**Рапорт начальнику штаба Омского военного округа
о численности и дислокации отряда П.Е. Щетинкина**

10 марта 1919 г.
г. Мариинск

Доношу, что большевистские вооруженные выступления в Ачинском уезде действительно есть. Выступление происходит под командой именующего себя штабс-капитаном Щетинкиным; кто он действительно – неизвестно. Отряд Щетинкина перекинулся уже в Мариинский уезд, в Боготольскую волость, в поселки Воровской и другие, лежащие недалеко от границы Ачинского уезда. Численность отряда, оперирующих* сил до 400 человек, весь же отряд более тысячи.

Капитан (подпись)

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1460. Л. 1. Копия. Машинописный текст.

№ 18

**Телеграмма управляющего Мариинским уездом
управляющему Томской губернией
о прибытии 46-го стрелкового полка
для ликвидации
отряда П.Е. Щетинкина**

5 апреля 1919 г.
г. Мариинск

Доношу сего числа. Прибыл 46-й стрелковый полк [в] полном составе. Отправился на Щетинкина. Капитан Латманисов телеграфирует о ликвидации части шайки Лубкова, оперировавшей под командой Жукова.

Управляющий уездом

Осинский

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1489. Л. 6. Копия. Машинописный текст.

* Так в документе.

№ 19

**Из донесения управляющего Томской губернией
[Омскому департаменту милиции]
о событиях в Ачинском и Мариинском уездах
в связи с действиями отряда П.Е. Щетинкина**

16 апреля 1919 г.

Доношу, что... * шайка Щетинкина, будучи между 8 и 12 числами минувшего марта теснима правительственными военными отрядами, высланными из Ачинского уезда, отошла в северо-западную часть Ачинского уезда и расположилась отдельными отрядами по хуторам этого уезда, охватывая районы Тюхтетской, Ново-Петровской и Поваренкинской волостей Мариинского уезда.

Таких отрядов у Щетинкина насчитывалось четыре, из них: первый в 60, второй в 90, третий в 120 и четвертый в 250 человек.

В районах расположения красноармейских отрядов были установлены советские комитеты и управления...

...10 марта отряду правительственных войск удалось напасть на заставу красноармейцев в селе Верхне-Кондатском Мариинского уезда и разбить таковую, после чего шайка отступила в Ачинский уезд, оставив три человека убитыми и двух ранеными, со стороны же правительственных войск потерь не было...

...После чего Щетинкин... направился в южную часть Ачинского уезда..., где, разбившись на три отряда, причем из них один направился из дер[евни] Белошейкиной Ачинского уезда на село Итат Мариинского уезда, другой через село Шарыпово в Унжур Ачинского уезда на село Тисуль и третий в Рудники, на юг Ачинского уезда.

13 марта были получены сведения, что на село Итат продвигается отряд большевиков в количестве 1 000 человек из деревни Белошейкиной Енисейской губернии, находящейся в 60 верстах от села Итат, и что в селе Итате... происходило собрание большевиков, после которого часть крестьян села Итат скрылась и, как надо полагать, уехала к большевистскому комиссару.

14 марта было замечено появление в районе деревни Ивановки Ачинского уезда шайки приблизительно в 200 человек, имеющей направление на село Тисуль, и одновременно с этим были получены сведения, что в селе Шарыпове Ачинского уезда шайкой красноармейцев убит шарыповский лесничий (Ачинского уезда), унжурский мировой судья, офицер и другие...

По получении из села Тисуля и Итата этих тревожных сведений немедленно были командированы из города Мариинска два отряда по 30 человек с большим количеством патронов и гранат. Отряды эти по прибытии в названные селения выслали в сторону Ачинского уезда разведку.

Начальником отряда, расположенного у Тисуля, поручиком Горожаниным 18 марта было донесено, что его разведчики дошли до села Шарыпо-

* Здесь и далее сокращения сделаны при изготовлении копии.

ва Ачинского уезда, но, будучи встречены красноармейцами, принуждены были отойти...

...23 марта согласно настоятельной просьбе начальника гарнизона города Ачинска дать ему в помощь все наличные силы, из города Мариинска через ст. Кротово в село Коробейниково был отправлен сводный отряд солдат и милиционеров в числе 60 человек под командой капитана Соколова и поручика Болотникова. Этот отряд ночью 25 марта, будучи обстрелян при наступлении его на деревню Слубцевку Ачинского уезда сильным ружейным огнем красных, во время какой-то перестрелки ранены два милиционера Николай Дузенко – тяжело и Иван Карпиенко – легко, отступил на село Коробейниково, где во время отдыха двумя выстрелами подпоручика Болотникова...

...После этого правительственный отряд отступил на ст. Кротово. В тот же день, 25 марта, на помощь этому отряду отправлен из Мариинска пулемет.

В этом районе красноармейцы периодически делали набеги на отдельные села и деревни Мариинского уезда. Так, в 2 часа дня 20 марта они в числе 120 человек явились в поселок Ново-Петровский и, зайдя в волостную земскую управу, потребовали от казначея ключи от денежного ящика, из которого забрали 1 751 руб[ль] деньгами, документы, книги, канцелярские принадлежности, печать волостной земской управы, паспортные бланки и другие документы и, кроме того, две берданки и 10 штук патронов к ним, затем зашли к местному торговцу – крестьянину с[ела] Ново-Петровского Ивану Кардымову, у коего забрали весь хлеб, одежду и имущество, а из мануфактуры*, отобранной у него, часть раздали населению, а остальную увезли с собой.

Делавшая набеги банда красных, по собранным сведениям, вооружена винтовками, револьверами и дробовым оружием и имеет ручные бомбы, одеты же красные в разнородное платье.

29 марта красные под командой Щетинкина, направляясь из леса со стороны Мало-Дмитриевки, силою свыше двухсот человек сделали нападение на правительственный отряд, расположившийся в вышеназначенном селе Коробейниково.

Правительственный отряд, состоящий всего из шестидесяти человек, был охвачен с трех сторон и во избежание гибели всего людского состава отступил на жел[елезно-]дор[ожную] ст. Кротово. В результате боя при с[еле] Коробейниково правительственный отряд потерял тридцать пленных солдат, одного убитым и одного раненым, в плен попали все, бывшие в объездах и караулах...

За управляющего губернией Дорогов

Управляющий делами подпись

Зав[едующий] администр[ативным] отделом подпись

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1489. Л. 12–13. Копия. Машинописный текст.

* Имеются в виду ткани, текстильные изделия (устар.).

№ 20

Из письма заведующего Ново-Кусковским переселенческим пунктом заведующему переселенческим делом Томского района о работе в условиях «большевистского восстания» и его последствий

27 мая 1919 г.

[с. Ново-Кусково]

Большевистское восстание, вспыхнувшее в Причулымском районе с двадцатых чисел апреля месяца с[его] г[ода], в настоящее время можно считать почти оконченным.

Выяснилось, что подготовительная работа начата Томской большевистской организацией: из Томска доставлялось оружие на поселки, из Томска даны указания об организации по селениям тайных большевистских комитетов, которые и подготавливали общественное мнение в пользу большевизма.

Хотя установить точно, когда началась подготовительная работа не удалось, но есть данные предполагать, что она велась несколько месяцев перед восстанием.

В марте месяце в указанный район было выслано из Томска ядро восстания – группа в 14–20 человек. Эта группа разместилась в малозаметном поселке Ново-Покровском, Ново-Кусковск[ом] и оттуда вела свою работу далеко по окрестным поселкам через агентов и тайные комитеты. Есть теперь данные думать, что эта шайка распространяла среди населения, что она, как и Щетинкин, работают «для народа» от всероссийского красного штаба. И, конечно, она внушала населению уверенность в их силы и силе большевизма повсеместно.

По-видимому, весенняя распутица шайкою была избрана для активного выступления и таковое началось ограблением в селе Вороно-Пашинском волостной земской управы и одного зажиточного купца Ключева с убийством последнего 23/IV с[его] г[ода].

Ново-Кусковская милиция, получив сведения о местонахождении этой шайки в Ново-Покровском, соединилась с милицией Александровской волости всего в числе около 35 чел[овек] и решила забрать эту шайку, для чего отправилась в пос[елок] Ново-Покровский. Однако здесь она встретила вооруженное сопротивление и сама едва не попала в засаду, благодаря участию [в сопротивлении совместно] с шайкой населения, почему и вернулась в с[ело] Ново-Кусково. Гнавшаяся за милицией шайка, ночью прибыла в указанное село и разгромила волостную земскую управу и милицию. После этого сразу же началось открытое насаждение по всем селениям «военных красных комитетов» с образованием «главного штаба» в поселке Ксеньевка³⁶. Красноармейский же отряд сразу сформировался из добровольцев в числе 150–200 человек, вооруженных винтовками разных систем. Для отряда были реквизированы лошади, а для усиления отряда объявлена мобилизация населения в три очереди. По всем селениям установлены были караулы и связи.

Возникшие «военные комитеты», равно как и главный штаб, занялись преследованием убежавших милиционеров и местных деятелей, признаваемых этими комитетами вредными для красных. Главный отряд направился к Томску.

В ночь нападения на Ново-Кусково пункт остался в неприкосновенности. Утром был доставлен раненый милиционер, которому пришлось тут же произвести ампутацию руки. Но, сделав это, я с семьей и фельдшером Ратковским выехали на заимку, ибо банда стояла около Ново-Кусково. Днем она вновь заняла село и появилась в больнице добывать раненого, причем кем-то было сказано, что нужно пристрелить не только милиционера, но и лечащих его. Но мы были на заимке, где и ночевали. Затем я и Ратковский бежали на остров между Чулымом, едва переправившись по тающему льду. Жили мы на острове неделю, в это время акушерка Кундзинь отбыла в «отряд красных». Поиски меня с Ратковским были безуспешны: главари шайки уверяли вместе с Кундзинь, что пункту ничего не угрожает. Вернулись мы с Ратковским на пункте вследствие невозможности куда-либо пробраться мимо караулов и с надеждой на помощь правительственных войск. Ратковского, однако, арестовали и лишь случайно выпустили. Тем временем стал подвигаться к нам правительственный отряд, и мы очутились на фронте, а теперь «на осадном положении», по объявлению командира отряда.

Красные, получив бой под Мало-Жировой, избрали себе позицию в восьми верстах за Ново-Кусковским, где около пос[елка] Человковского* был второй бой.

Во всех боях красные, неся потери, расплылись по округу, в таежках и лесах, и, по слухам, оперируют в районе села Зыряновского.

Несомненно, большевистское восстание будет ликвидировано правительственными отрядами. Но возникает вопрос, что будет здесь по ликвидации восстания. Распыленные шайки могут делать набеги с целью грабежа и мести. Конечно, в категории подлежащих всякому насилию причислены прежде всего служащие административного аппарата и люди зажиточные. Поэтому для очень многих местных деятелей стоит вопрос: «Можно ли здесь остаться работать и при каких условиях?»

Мне известно, что милиция согласна остаться здесь лишь в том случае, если в Н[ово]-Кускове будет организован достаточный вооруженный отряд.

Почтовое ведомство уведомило начальника ново-кусковского почтового отделения, что если здесь не будет вооруженного отряда, то он должен немедленно прибыть в Томск. Духовенство [и] служащие волостных земских управ считают, что отсюда нужно убираться, если не будет организован для успокоения отряд.

Основательны ли эти опасения? Я полагаю, да. И также думают руководители правительственного отряда, по мнению коих, Ново-Кусковский район весьма удобен для таких проявлений.

Ввиду всего вышеизложенного, прошу Вашего личного ходатайства перед начальником губернии и начальником гарнизона об обеспечении здешнего района достаточной вооруженной силой впредь до успокоения в виде военного отряда или

* Так в документе.

отряда особого назначения. В противном случае пребывание на пункте и работа невозможны. Прошу вас не отказать уведомить о дальнейшем.

Подлинный подписали:
заведывающий Ново-Кусковским
переселенческим пунктом
врач Н. Ламисаков

ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1489. Л. 14–15. Копия. Машинописный текст.

№ 21

Из распоряжения главного штаба крестьянской армии об аресте самозванных представителей крестьянской армии, занимающихся поборами с населения на нужды армии

19 декабря 1919 г.

[...]*

II. По сведениям, имеющимся в главном штабе, по селениям разъезжают какие-то люди, именующие себя солдатами Крестьянско-рабочей армии, которые производят вымогательство у населения разных материалов и продуктов, якобы на нужды щетинкинской армии, [таких] как, например, золота или овчин на шубу тов[арищу] Щетинкину. Главный штаб постановил предложить всем волостным и сельским советам, самоохранам и войсковым частям всех таковых лиц арестовывать и предоставлять в главный штаб для предания суду и наказания.

При сем присовокупляем [информацию], что ни Щетинкин, ни Кравченко, ни прочие члены главного штаба и армейского совета ни в чем не нуждаются и выступили не для наживы путем попрошайничества или соблюдения личных интересов, а по долгу своей гражданской совести. И потому лица, позорящие имена избранных Армии, будут преданы суду, как провокаторы, подрывающие доверие солдат и граждан к своему выборному начальству.

Главнокомандующий армии
Начальник главного штаба
Секретарь

ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 947. Л. 86–87. Копия. Машинописный текст.

* Опущен п. I о реформировании Никольского и Сыдынского отрядов в 3-й батальон Тальского полка.

№ 22

**Из записной книжки члена Чрезвычайного
ревтрибунала Сибири³⁷ П.Е. Щетникина
о процессе над членами правительства А.В. Колчака³⁸**

[Май 1920 г.]

[г. Омск]

ЧЕРВЕН-ВОДАЛИ³⁹ – юрист и физик, бывш[ий] член Гос[ударственной] думы. В Москве получил распоряжение составить проект оборонизации комитета (национального), затем уехал на юг к Деникину, откуда пробрался к Колчаку, имея при себе секретные документы. В Сибири вступил в должность тов[арища] мин[истра] внутр[енних] дел. Сказаны условия о сдаче власти, т.е. считать все правительство свободными, так как дали честное слово не брать никогда оружия против существующей в настоящее время власти, т.е. советской.

ШУМИЛОВСКИЙ⁴⁰ – педагог, был выборщиком в Госуд[арственную] думу два раза и сам был выбран туда же. Был выбран в Барнауле в городскую думу. Я к власти не стремился, а даже отказывался, но все-таки мне было предложено, как человеку, любящему труд. Издал законопроект, в котором указана борьба с безработицей, о больничных кассах, из которых было унесено около 4 млн. (Пермская, Уральская и еще). О всех самочинных зверствах возмущается.

КРАСНОВ⁴¹ – Государств[енный] контр[олер]. То, что показано в его материале о подсудности, – признал все справедливым. Своею должностью был доволен, т.е. якобы желал указанной должности. Доказывает, что никакой политикой не занимался. Заявляет, что нигде не председательствовал и ничем не был осведомлен о всех действиях министров. Всякие награды и другие пособия как за энергичное преследование большевиков и за подавление всяких восстания сам лично никому не отпускал.

МОРОЗОВ⁴² – тов[арищ] мин[истра] юстиции, свои действия считает правильными, не принимал никакого участия в заседаниях о введении закона о смертной казни, в назначении наград за подавление и всякие восстания никакого участия не принимал, за монархию тоже не стоял. За все подписи протоколов и постановлений ответственным я не был. Вся моя работа прежняя протекла в судебных делах в рязанском суде, а затем в гор[оде] Омске. Кроме положенного мне содержания никаких других денежных пособий и наград не получал.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ⁴³ – упр[авляющий] отд[елом] мин[истерства] нар[одного] просвещения. Охотно принял предложение о командировании меня в Петроград по должности или вернее профессии по народному образованию, но этого выполнить не удалось ввиду того, что через фронт невозможно было пройти. Тогда я решил остаться в Сибирском правительстве в Омске, где и получил должность тов[арища] мин[истерства] нар[одного] просвещения. Во всех заседаниях сов[ета] мин[истров] участвовал. Вся деятельность по делу Мин[истерства] нар[одного] просв[ещения]

я принимаю на себя, бежать из Иркутска я не решился, в заседаниях о введении закона о смертной казни не участвовал и против таковых не возражал. Во всех своих действиях считаю себя правым.

ЛАРИОНОВ⁴⁴ – тов[арищ] мин[истра] путей сообщения. [В] Август[е] 1918 г. вступил в должность указанную. Получил предложение отправиться в Петроград, по этому делу по случаю Октябрьского переворота пробраться не мог. В заседаниях участвовал и подписывал таковые, но кто еще подписывал, личности таковых я не знал. В политических делах никакого участия не принимал, не считает себя в вине всех протоколов, которые были им подписаны, так как признает, что все, находящиеся в здании суда, есть лица второстепенные. Не признает отдачу всех жел[езных] дор[ог] в руки иностранных держав. Опровергает постановление в отношении приглашения японских военных и командного состава. В постановлении говорится, что все министры принимали такое постановление, считая необходимым. Никакими преимуществами кроме содержания я не пользовался и сам себя считаю в действиях правым и ни из каких сумм ничем не пользовался, в политической жизни ни в какой не участвовал.

СТЕПАНЕНКО⁴⁵ – тов[арищ] мин[истра] путей сообщения, политическим деятелем не был, а только занимался порученным мне делом. Ввел на жел[езной] дор[оге] жандармерию, и я же ее устранил. Смертной казни я был противником. Относительно наград за подавления восстаний, дело нас не касалось, как для гражданских, это относилось к военным. В дела профсоюзов не вмешивался, то есть не упразднял, ни с какими контрразведками никакой связи и сведений я не имел.

ЖУКОВСКИЙ⁴⁶ – тов[арищ] мин[истра] иностр[анных] дел. С иностранными державами никаких сношений не имел, а более всего занимался расшифровкой и шифровкой телеграмм у Колчака. Награды были выданы только тем, которые пострадали от восстания. Относительно стихов скажу, что писал таковые только на досуге и значения им никакого не придаю.

ПИСАРЕВ⁴⁷ – не имел права решающего голоса, так как я был пассивным, но не признаю за собой вины в тех делах, которые имеются у обвинителя. Деньги я, кроме положенного содержания, не получал, в политике ни в какой не был и вины за собой не нахожу.

КЛАФТОН^{*48} – Все обвинения, которые имеются в делах, считаю неправильными. Согласился быть председателем партии нар[одной] свободы только на время, то есть до подыскания местного (сибиряка), так как я человек совершенно новый и ничего по местности не знаю. Признал, что колчаковская власть была действительно слабая. Ни в каких восстаниях и организациях не состоял. Признаю за собой вину только в том, что был журналистом, в которых выходили по моему адресу некоторые статьи, я это допускаю, но не как преступления, а как ошибку. Никакими казенными или народными деньгами я не пользовался. Я был противником большевизма, смотря на все плакаты.

ЦЕСЛИНСКИЙ⁴⁹ – не имел права участвовать в заседаниях. Протестую [на] все мои обвинения. В образовании союзов не участвовал и в этом виновным себя не признал.

* В тексте – Клавтон.

ЯЧЕВСКИЙ⁵⁰ – тов[арищ] мин[истра] внут[ренних] дел – вину за собой в работе признаю, вознаграждение жел[езно]дор[ожным] рабочим в сумме трех миллионов признаю, только не как расхищение народного достояния, а [как] законное.

ПАЛЕЧЕК⁵¹ – тов[арищ] мин[истра] нар[одного] просвещения. Вины за собой не нахожу в моих действиях. Никаких выступлений нигде не делал.

ГРАЦИАНОВ⁵² – тов[арищ] мин[истра] внут[ренних] дел – с партиями ни в чем не соглашался (с политическими), сказал только о своих действиях, в свою защиту ничего не сказал.

МОЛОДЫХ⁵³ – тов[арищ] мин[истра] снабжения. Растерялся и ничего не мог ответить кроме путаницы. В Сибирь попал только из-за Октябрьского переворота, с центром связей никаких не имел и более ничего не сказал.

ДМИТРИЕВ⁵⁴ – тов[арищ] мин[истра] продовольствия. Продовольственными делами ведал 12 л[ет]. По поводу убийства председателя в Монголии Горбунова не виновен и более ничего не сказал, а также и в защиту.

КАРЛИКОВ⁵⁵ – пом[ощник] воен[ного] мин[истерства], против обвинительных материалов ничего не сказал, кроме исторической своей деятельности. Вся моя работа состояла в приеме посетителей и назначении пенсии некоторым. Политической деятельностью не занимался. В обвинение и защиту ничего не сказал.

ВВЕДЕНСКИЙ⁵⁶ – тов[арищ] мин[истра] торг[овли] и пром[ышленности], в защиту и обвинение о себе ничего не сказал, кроме исторической деятельности.

ВАСИЛЕВСКИЙ⁵⁷ – тов[арищ] мин[истра] труда. Повторил документы обвинения своих действий и более ничего не сказал.

НОВОМБЕРГСКИЙ⁵⁸ – хороший ученый, тов[арищ] мин[истра] внут[ренних] дел. В правительстве Колчака прослужил только два с половиной месяца и обвиняюсь только за участие в избрании Колчака верховным правителем, но я в этом участие не принимал. Был казачьим информатором добровольно, в совещаниях не участвовал даже когда мне и предлагалось, но я всегда отвергал. Конструкцию сов[етской] власти я вполне признаю, но не признаю коммунизм. Я с правительством Колчака имею упорную борьбу. Несколько было случаев, которые указывают на освобождение от полевого суда большевиков, как Рожкова, Воронова, Бажеева и трех рабочих, виновность свою не отвергаю. Сказано то, что было им сделано.

ХРОНОВСКИЙ⁵⁹ – тов[арищ] мин[истра] финан[сов]. Сказал только свою историю, то есть где и как служил, что же касается материалов обвинения, то против таковых ничего не сказал.

МАЛИНОВСКИЙ⁶⁰ – тов[арищ] мин[истра] юстиции. Участия в заседаниях сов[етского] мин[истерств]а я не принимал. Принимаю на себя только дела судебного характера, остальное сказал только историческое.

ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1010. Л. 44–48. Копия заверенная. Машинописный текст.

* В тексте – Паличек.

№ 23**Мандат, выданный военным комиссаром
Восточно-Сибирского военного округа П.Е. Щетинкину,
для формирования воинских частей из добровольцев**

26 августа 1920 г.
г. Красноярск

Настоящим тов[арищ] Щетинкин уполномочивается на запись добровольцев для формирования при окрвоенкомате Восточной Сибири пехотного и кавалерийского полков, дивизиона легкой артиллерии и коннопулеметного завода из числа бывших красных партизан, рабочих, коммунистов и сочувствующих и преданных рабоче-крестьянской власти.

Всем военным и гражданским властям и учреждениям предлагается оказывать всяческое содействие.

Окрвоенком Вост[очной] Сибири
Секретарь

А. Окулов
(подпись)

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1010. Л. 3. Копия заверенная. Машинописный текст.

№ 24**Телефонограмма командиру 1-го Енисейского
партизанского полка**

П.Е. Щетинкину о выделении батальона в распоряжение 3-го Западно-Сибирского добровольческого полка
25 сентября 1920 г.
[Южный фронт]

По приказанию окружного военкома вам надлежит выделить из состава вверенного вам полка один батальон 750 чел[овек] с комсоставом для пополнения 3-го добр[овольческого] полка[,] командира батальона прошу командировать [в] управление 26 сентября к 3-м часам дня для получения дополнительных указаний.

Начальник войск
Пер[едал] Татаренце[в?] – кр[асноармеец]

Хува
подпись

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1010. Л. 4. Копия заверенная. Машинописный текст.

№ 25

**Предписание командира 67-й Сибирской
стрелковой бригады П.Е. Щетинкину
о назначении командиром
3-го Сибирского стрелкового полка**

27 октября 1920 г.

21 час.

р. Жеребец

Предписываю Вам с получением сего немедленно принять третий Сиб[ирский] Стр[елковый] полк от тов[арища] Родосского. О принятии такового мне донести.

Командир 67-й Сиб[ирской] ст[релковой] бригады
быв[шей] 2[-й] Сиб[ирской] бригады] (подпись)

Военком (подпись)

ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1010. Л. 2. Копия заверенная. Машинописный текст.

№ 26

**Донесение командира 3-го Западно-Сибирского
добровольческого стрелкового полка П.Е. Щетинкина
командиру и военкому 67-й стрелковой бригады
о вступлении в командование полком**

29 октября 1920 г.

с. Н[ово]-Андреевка

Доношу, что в командование 3-м Западно-Сиб[ирским] добровольческим полком вступил, о приеме состава полка и хозяйственной части его будет донесено дополнительно с представлением ведомости.

Ком[андир] полка 3-го ЗападноСиб[ирского]
добров[ольческого] стр[елкового]

Щетинкин

ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1011. Л. 2. Копия заверенная. Машинописный текст.

№ 27

**Доклад командира 3-го Западно-Сибирского
добровольческого стрелкового полка П.Е. Щетинкина
комбригу и военкому 67-й стрелковой добровольческой
стрелковой бригады о диспозиции полка**

30 октября 1920 г.

8 час. 00 мин.

д. Гейдельберг

Доношу, что 3-й полк прибыл в деревню Гейдельберг в 5 часов 30/Х сего года. Ввиду сильного холода и неимущества обмундирования и продовольствия по дороге отстало около пятисот человек. Дальнейшее движение не представляется возможным ввиду того, что полк отказывается выступать из д[еревни] Гейдельберг до получения продовольствия. Конный взвод разведки, направленный Вами на Фридрихсфельд, никаких донесений не присылал и где находится в настоящее время – неизвестно. С 3-м батальоном и командой пеших разведчиков выступаю в Розенталь, остальные части полка остаются в д[еревне] Гейдельберг до получения продуктов, я остаюсь в Гейдельберге.

Ком[андир] полка 3-го
Пом[ощник] военкома

Щетинкин
Козлов

ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1011. Л. 3. Копия заверенная. Машинописный текст.

№ 28

**Мандат, выданный командиру
21-го Сибирского стрелкового полка П.Е. Щетинкину
для участия на VIII Всероссийском съезде Советов**

28 ноября 1920 г.

с. Капсихор⁶¹

Дан сей от полкового бюро РКП[(б)] 21-го Сибирского стрелкового добровольческого полка командиру его товарищу ПЕТРУ ЕФИМОВИЧУ ЩЕТИНКИНУ на право всестороннего освещения на Всероссийском съезде Советов истинного состояния органов снабжения и политических органов Южного фронта, с которыми 21-му полку приходилось иметь общение в период времени от 15 сентября с[его] года по настоящее время.

Военком полка (подпись)

Пред[седатель] бюро Р.К.П. [(б)]
Секретарь

(подпись)
Филиппов

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1010. Л. 1. Копия заверенная. Машинописный текст.

№ 29

Донесение командира 21-го Сибирского стрелкового полка П.Е. Щетинкина комбригу 7-й бригады 3-й стрелковой дивизии о передаче командования полком

28 ноября 1920 г.
д. Капсихор

Доношу, что сего числа временное командование полком сдал командиру 1-го батальона тов[арищу] Киселеву.

Командир 21-го стрелкового полка

Щетинкин

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1011. Л. 7. Копия заверенная. Машинописный текст.

№ 30

Доклад командира экспедиционного отряда П.Е. Щетинкина в Реввоенсовет 5-й Красной Армии о ликвидации отряда барона Унгерна

1 сентября 1921 г.,

Распоряжением РВС* 5-й [армии Восточного фронта РККА] от 20 марта сего года за № 2576 я был назначен начальником красного добровольческого партизанского отряда, состоявшего из ос[обых] отрядов 9-го и 11-го, одного взвода лёгартдива** итальянских пушек и части выделенных из 104-й и 105-й бригад (всего около четырёхсот человек). Означенный отряд целью своего формирования имел ликвидацию бел[ых] банд в пределах Монголии, из Иркутска должен был вступить 30 марта с тем, чтобы двинуться через станцию Мысовск – дацан*** Гусиноозерский, Селенгинская дума⁶² в пос[елке] Модонкульский и пройти в пределах Монголии занять Ван-Курень. В Иркутске пришлось задержаться до 6 апреля ввиду задержки в отпуске огнеприпасов, фуража, продовольствия колобоза****, обмундирования и канц[елярских] принадлежностей. Получив все необходимое, отряд вместо с. Мысовая сосредото-

* В тексте – РСФ.

** Лёгкий артиллерийский дивизион.

*** В тексте – дацанск.

**** Так в документе. Возможно: колесного обоза.

чился на ст. Татауровой из соображений получить необходимое количество перевозочных средств в районе ст. Татауровой как пункте, имеющем больше населения, где и продолжал стоять от 7 до 23 апреля вследствие невозможности получить тотчас же получить подвод и [з]-за начинающей разливаться реки Селенги. Несмотря на самые энергичные меры в отношении сбора подвод все же только 23 апреля было получено 70 подвод, позволивших погрузить самую незначительную и необходимую часть груза, остальной груз был оставлен на ст. Татаурово впредь до открытия навигации по реке Селенге. Двигаясь самым быстрым темпом, отряд 1–2 мая достиг пос[елка] Хамней, где вследствие разлития реки Хамней и отсутствия переправы отряду пришлось задержаться до моего возвращения из Маймачена, куда я еще отправился из Селенгинской думы для переговоров с монгол[ским] правительством, для выяснения вопроса о снабжении кон[ным] составом, то таковым я был снабжен, позднее первоначально получив 470 лошадей, из отряда Иванова-Римского пришлось собрать разными путями до 60 штук. Все лошади, как полученные от монголоправительства*, [так] и [из отряда] Иванова-Римского, из-за своего плохого состояния (побитности** спин и истощенности) не удовлетворяли элементарным требованиям. 4–5 мая я возвратился из Маймачена в с. Тарей и сделал распоряжение отряду перейти в поселок Харацайское и Нарынское, штаб и база отряда остановились в селении Тарей. Сосредоточение отряда в этом районе было решено мною на основании личных переговоров с могол[ским] правительством, откуда и должен был бы получить от 400 и 500 лошадей, так как активные действия отряда не могли бы иметь значительно[го] успеха без снабжения отряда кон[ным] составом, на что особенно было указание Наштарма*** 5-й [Красной армии] и ВСВО и военкома тов[арища] Косич. В момент моего сосредоточения в указанных пунктах район Джидинской долины был спокоен, но слухи о появлении мелких партий противников циркулировали. Пятнадцатого мая я выехал из Тарей вторично для выяснения с монголоправительством**** в гор[оде] Маймачен вопросов о задержке снабжения отряда кон[ным] составом, что лишало меня возможности выполнить предписание РВС 5-й [Красной Армии] о срочном выступлении в Монголию. В гор[оде] Маймачен я в разговоре по прямому проводу с тов[арищем] Гринштейном узнал о приказе РВС 5-й [Красной Армии], требующем немедленно[го] выступления отряда для выполнения поставленной задачи в том положении отряда, как его застанет приказ. Не дожидаясь удовлетворительных результатов от монгол[ского] правительства, я немедленно возвратился в с. Тарей, откуда 25 мая, разделив отряд на две части, направил таковые: первую в составе 120 человек при орудии и четырех пулеметах по УбурХулдатской пади через Желтуринскую долину на хурэ⁶³ Барун-Дзасака и вторую часть в составе 150 человек при пулеметах трех по Модонкульской пади на перевоз, что в 20 верстах восточнее г. Богадула. Разделение отряда на две части и посылка их по двум указанным направлениям диктовались общей задачей, решенной с монголоправительством****, как необходимость ос-

* Так в документе.

** Так в документе.

*** начальника штаба армии

**** Так в документе.

***** Так в документе.

ветить разведкой левый берег реки Селенги, уничтожение белых банд пока в этом районе с одной стороны и соображениями, как возможность снабжения отряда кон[ным] составом при посредстве местных жителей-монголов через представителя монголоправительства* и с другой стороны отряду, двинутому на перевоз, было задание по занятии последнего присоединиться к отряду, направленному на хурэ Барун-Джасака, который путем конной связи должен был соединиться с отрядом монголоправительства**, одновременно высылаемым из Маймачена к устью реки Оржен (Орхон?), где таковой и должен был переправиться на левый берег реки Селенги и присоединиться, [из] всех трех отрядов группа должна была двинуться на Ван-Курен. Отряд, высланный на хурэ Барун-Джасака утром 26 мая, пройдя по Убур-Хулдатской пади, встретился на реке Желтуре с дивизией Резухина⁶⁴ численностью 1 500–2 000 сабель, с которой вступил в бой, в результате 9 час[ов] боя отряд потерял до 35 человек убитыми, ранеными и попавшими в плен[, а также] 1 орудие, 4 пулемета и 10 двуколок, вынужден был отойти в исходное положение, т.е. в пос[елок] Хулдатский, [от]куда затем был переведен в с. Тарей, где и был приведен в должный порядок, после чего выступил в пос[елок] Модонкульский на присоединение ко 2-му отряду, который был задержан вследствие неудачи первого. В пос[елке] Модонкульском отряд был сосредоточен 3 июня и 4 июня в полном составе выступил за границу в направлении на Ван-Курен. Следуя по падам (Иерен) Сальме и через реку Эгийн-Гол, в середине пади Торкин имел бой с бандой Ка[з]агранди⁶⁵ не выясненной численности, в результате которого пр[отивни]к поспешно отступил за реку Селенгу, преследуемый нашей разведкой. По переправе через Селенгу отряд имел второй бой с той же бандой в полном составе численностью до четырехсот человек, закончившийся неудачей для нас ввиду несвоевременной поддержки главных сил отряда, следующих пешим порядком из-за недостатка лошадей и усталости при преследовании. После упорного боя передовому отряду при потерях двадцати человек (и оставив в руках пр[отивника] два пулемета) пришлось отойти в исходное положение, так как к правому берегу реки Селенги на следующий день высланной разведкой был установлен отход пр[отивника] в южном направлении, а позднее направлявшийся обоз в группу Казагранди в количестве 190 верблюдов был нами перехвачен. Телеграммой начдива 35 за № 9/с от 18 июня на основании директивы командарма*** 5-й [Красной Армией] отряду было приказано выйти из пределов Монголии в район Чемуртаевский и Ичитуйский с тем, чтобы, приведя себя в порядок, присоединиться к 5-й кав[алерийской] дивизии. Во исполнение означенного приказа я отошел в указанный район. К 10 июля отряд расположился в дер. Чемуртаевский, Щекине и Читуйске и дацан Гэгэ-туйский, на основании телеграммы наштакора**** экспедиционного от 2 июля за № 603 [отряд] выступил 3го июля в ст. Желтуринское, откуда повел разведку вверх по Желтуринской долине и разведкой связался с комбригом 105-й [бригады]. ...***** Цаган-Нор в таком положении находился до 15 июля, являясь правым боковым отрядом

* Так в документе.

** Так в документе.

*** командующего армией

**** начальника штаба корпуса

***** Пропуск текста сделан при изготовлении копии документа.

войск экспед[иционного] корпуса. Приказом корпуса от 17 июля за № 19 а/сек[ретно] мне было предписано форсированным маршем двинуться для выполнения поставленной ранее задачи по средоточию отряда в ДхасакУртчжин, приказом войскам экспеди[ционного] корпуса от 14 июля за № 14 а/сек[ретно] [было предписано] отку-да 18 июня продолжать сближение с главными силами пр[отивни]ка по завязке боя на участке 105-й бриг[ады]. Я должен был атаковать пр[отивни]ка во фланг и тыл, дабы сбросить его в реку. При отступлении пр[отивни]ка в западном направлении [следо-вало] вести параллельное преследование, преграждая пути пр[отивни]ку назад. На основании этого приказа 20 июля по восстановлению боевой связи с частями 105-й бриг[ады] [я] вошел в опер[ативное] подчинение комбрига 105-й [бригады]. Задачу, данную отряду приказом экспед[иционного] корпуса за № 47 а/сек[ретно], пол[но-стью] выполнить не удалось вследствие непроходимости от выпавших дождей в Це-жейской пади, и отряд вынужден был вернуться от границы, пройти через поселки Цежейский, Харацаский, Желтуринскую долину и по реке Шелен на фанзу⁶⁶ Манха-дай и далее к месту расположения 105-й бриг[ады]. К К-куре Ахай-Гун приказом 105-й [бригады] от 21 июня за № 095/пел/сек[ретно] в мое подчинение предан кав[алерийский] полк 35 и красномонгольский отряд тов[арища] Давыдова для выполне-ния задач по обходу левого фланга пр[отивни]ка с целью не дать ему продвинуться на север. Задача эта также выполнена не была ввиду быстрого отхода пр[отивни]ка. в северном направлении по падам: Хараце, Куцен на Желтуринскую долину и в посе-лок Цежейский. Вместо обхода противника пришлось преследовать его вплоть до Желтуринской долины, но приказом 105-й бригады от 24 июля за № 191/пел вверен-ной мне кав[алерийской] группе приказано присоединиться к бригаде, что и было мною выполнено того же числа в пади Хараце. Приказом 105-й бригады от 26/7* за № 0101/пел. кав[алерийской] группе по приказанию к вечеру 26/7 выдвинуться на один переход в направлении реки Оленти и Дешен и ввести глубокую боевую развед-ку на пост Хамней Цежейский, а также выделить одну резерв[ную] партию с задачей двигаться по реке Ромур на станцию Желтуринская и того же числа выяснить путь движения бел[ых] банд, а также их силы. Во исполнение этого приказа все кав[але-рийские] группы, за исключением красномонгольского отряда, двинулись на фанзу Манхадай через Желтуринскую долину до поселка Харацай, где и выяснили, что пр[отивни]к всеми силами вышел из Харацай в поселок Торей и Чемуртаевский. красномонгольский отряд распоряжением комбрига 105-й [бригады] был оставлен в пади Харацай с задачей охранять выход вперед до подхода 104-й бриг[ады], которой войти в опер[ативное] подчинение. В предположении движения пр[отивни]ка на ст. Желтуринская и далее на восток через тракт Кяхта-Урга. Приказом комбрига 105-й [бригады] от 20 июля за № 0105/пел/сек[ретно] мне было приказано двигаться и за-нять поселок Тохонский, ведя дальнейшее преследование, но, установив по следам пр[отивни]ка и сведениям от местных жителей, что отход его на пос. Чемуртаевский и Четуйский и Селенгинскую думу и сложившаяся обстановка противоречили дан-ной мне директиве № 0105/пел/сек[ретно], я [по] собственной инициативе продол-жал преследование пр[отивни]ка по его следам. Полученный в пути приказ экспед[и-

* Здесь и далее даты указаны арабскими цифрами число/месяц.

ционного] корпуса от 29 июля за № 53/оп был аналогичен с принятыми мною действиями. В дацане Дырестуйском получен приказ комкора* от 30/7 за № 1007 – остановить движение и, связавшись со штаком** ожидать дальнейших распоряжений. 31/7 – был вызван [в] штакор в дер[евню] Штар-Енхеры к прямому проводу, где и получил назначение нач[альника] лев[о]бережным боевым участком и приказ резерв группы экспеди[ционным] корпусом от 31/7 и за № 12/оп/сек[ретно], в котором мне предписывалось главными кав[алерийскими] силами, направиться через УбурБиллутай на Селенгинскую думу, одним разъездом осветить дорогу на Биллутай к прилегающей к ней местности по левому берегу реки Селенги. Другому разъезду – осветить район от дацана Дырестуйского Наул А-рик, что в тридцати верстах сев[еро-]зап[аднее] дац[ана] Ичетуйского и далее через УлВерхний и Чатуйские на Покровку. Самому же немедленно выехать в Сосновку и вступить в командование левобережным боевым участком, по обстановке действовать самостоятельно, имея целью энергичное преследование пр[отивни]ка на Удинск, и решительно удариться в тыл в случае попытки пр[отивни]ка переправиться на правый берег реки Селенги. Во исполнение этого приказа того же числа я выдвинулся из дац[ана] Дырестуйского на Сосновку, выделив разведгруппы согласно приказу. 1 августа прибыл в Сосновку и тот же день самостоятельно перешел Селенгинскую думу, где издал приказ на левобережной группе от 1/VIII за № 1/оп/сек с задачами: кав[алерийскому] полку 35 осветить все дороги, ведущие из Селенгинской думы на Новоселенгинск, войти в огненную связь [с] пр[отивни]ком и, не выпуская последнего из виду, не дать ему переправиться на правый берег реки Селенги. Контрразведке одновременно выступить с кав[алерийским] полком 35, держа с ним и двумя дивизионами тесную связь, двигаться на дац[ан] Гусиноозерский, произвести в последнем разведку. При обнаружении мелких частей банд, разбить и преследовать. Даул-Загустай достигнув, [если] таковых даже в случае пр[отивни]ка в ГусиноОзерском и не окажется, в случае движения пр[отивни]ка на восток с кав[алерийскими] частями через реку Темник двигаться по левому берегу ее до Ново-Дмитриевки, где и связаться с разведгруппами, высланными на Покровку и Удунгу. Произведя разведку в указанном районе, присоединиться к кав[алерийской] группе первому резерв[ном] полку, выдвинуть один батальон по средней дороге на Ново-Селенгинск и остановить его у подошвы горы, что в 15/1 верстах западнее Ново-Селенгинска, оставаться так до выяснения Ново-Селенгинского района. Второй батальон оставить в поселке Халей, что в 8–10 верстах восточнее Селенгинской думы, считая его резервным. Батальону 232-го полка охранять переправу через реку Темник, избрав удобную позицию, по обоим его берегам произвести оборонительную линию, [начать] постройку окопов, которую закончить к 12 часам второго августа, и ждать дальнейших распоряжений. Командиру батарее легартдива, подчинив себе одно орудие вверенного мне отряда, выбрать удобную позицию на правом берегу реки Темника и быть готовым переправиться на левый берег в случае надобности. 2 августа, ввиду полученного мною донесения о нахождении пр[отивни]ка не в НовоСеленгинске, а в дац[ацане] Гусиноозерском, того же числа отдано приказание от 2/8 за № 1 о перегруппировке отряда, который предусматривал закрыть пр[отивни]

* командира корпуса

** штабом корпуса

ку выход на Селенгинскую думу. Того же числа предписанием штабкора командование левобережной группы принял тов[арищ] Погребок, согласно приказу которого от 2/8 за № 2/оп/сек[ретно] я с кав[алерийским] дивизионом своего отряда двинулся на ул[ус] Загустай, приказом левобережной группы от 3/8 за № 3/оп выступил из ул[уса] [Загустай] 3 августа в обратном направлении и, двинув 4/8 [по] южному берегу Гусиного озера, соединился с остальными частями своего отряда, с которыми двинулся к переправе через реку Темник, что у Селенгинской думы. Здесь я получил личное приказание тов[арища] Погребка двинуться всем отрядам с приданным мне в опер[ативное] подчинение кав[алерийским] полком 29 вверх по реке Темник до переправы, что у Мысовского тракта. В 23 часа того же числа, занимая позицию на правом берегу реки Темник, обнаружили присутствие пр[отивни]ка, и 5/8 утром завязался бой. С целью выполнить задачи, т.е. достигнуть Ново-Дмитриевки, таковой [бой] продолжался до 21 часа, в результате чего пр[отивни]к отступил в падь севернее 6–8 верст Ново-Дмитриевки на дац[ан] Иройский под давлением 105й бригады и других частей корпуса на главные силы пр[отивни]ка. Вследствие темноты ночи отход по правой пади пр[отивни]ка на дац[ан] Иройский был установлен присоединением отряда с резерв[ной] группой, находящейся в Ново-Дмитриевке, где по личному разрешению нач[альника] лев[обережной] группы тов[арища] Погребка отряд остановился на ночлег в Ново-Дмитриевке. Утром 6/8 по приказу № 5 выступил на дац[ан] Иройский и далее на Покровку, который достиг к 12 часам. В улусах иройских разведка отряда вошла в огневую связь с арьергардными частями пр[отивни]ка, в результате копей пр[отивни]к понес потерю убитыми и пленными, всеми силами отступил в падь Барун. Продолжая движение вслед за пр[отивни]ком по пади Барун, разведка к 15 часам завязала бой с частями 5-й кав[алерийской] дивизии, принятыми за части пр[отивни]ка. Огонь был открыт со стороны предполагаемого пр[отивни]ка, бой продолжался до 18 часов 30 минут и закончился с потерями из отряда 5 человек ранеными, прекращение боя последовало после взятия мною пленного, оказавшегося красноармейцем 26го кав[алерийского] полка. О присутствии вблизи меня частей 5-й кав[алерийской] дивизии и вообще своих частей не из приказов, не из сводок мне известно не было. Кроме того, двигаясь по пятам пр[отивни]ка, я не мог допустить мысли о возможности встречи с какими-либо частями кроме пр[отивни]ка. После окончания боя продолжал движение по следам пр[отивни]ка. Ночью я с 6 на 7 августа, выйдя из пади Борук в падь Ичитуйскую, наткнулся разведкой на пост пр[отивни]ка из двух человек. В перестрелке один из которых был убит. Утром 7–8 преследование пр[отивни]ка продолжалось до пади, что между станком Нарынским и пос. Капьеранским*, где отряд завязал бой, результатом которого по подходе кав[алерийского] полка 29-го пр[отивни]к был сбит с занимаемой им позиции и отступил в направлении пос. Нарынский. Утром 8/8 [наступление] продолжалось по следам пр[отивни]ка до поселка Харацай (АтаманоНиколаевского), где в ночь на 9/8 имел перестрелку с разведчастями пр[отивни]ка, каковая возобновлялась четыре раза. Во время перестрелки в отряде один ранен. Утром 9/8 преследование продолжалось, и в 4–5 верст[ах] от Атамано-Николаевского отряд вступил в бой со всеми силами пр[о]-

* Так в документе.

тивни]ка, продолжавшийся с 6 до 8 часов. Потеря в отряде 5 чел[овек] раненых, пр[отивни]к, понеся потери, отошел на поселок Цехейский. Дойдя до пади Улегчин, что в 13 верстах западнее Харацая, на высотах укрепился. 9/8 на основании приказа за № 071/оп. вверенный мне отряд перешел в подчинение комбрига 104-й [бригады]. Утром 10/8 – совместно с 310-м полком вступил в бой всем отрядом с пр[отивни]ком силой до 1 000 чел., который укрепился на западных высотах частях пади Улекчин, нанес большие потери 310-му полку. На лихой атаке в конном строю пр[отивни]к был опрокинут и в панике бежал на Децк, что в пяти верстах западнее поселка Цехи, понеся значительные потери убитыми, ранеными и пленными. В указанном пункте пр[отивни]к пытался было укрепиться, но был тотчас же сбит с занимаемых высот и отступил в поселок Хамней. Утром 10/8 отрядом продолжалось [наступление] на пос. Хамней, который был занят без боев. Разведка в пяти верстах западнее поселка Хамнея наткнулась на засаду пр[отивни]ка, который после значительной перестрелки был с занимаемых позиций сбит и поспешно отступил за реку Хамней. После переправы пр[отивни]ка, на противоположных высотах вся прикрывающая группа отходящих главных сил банды укрепилась на таковых. Попытка отряда из 310-го полка переправиться через реку Хамней вследствие интенсивного орудийного пулеметного и ружейного огня пр[отивни]ка не удалась. С целью избежать потерь при переправе мною был предпринят обход. Переправившись в семи верстах севернее тракта реки Хамней, к 12 часам 12/8 достиг пос. Цакирский, который был уже занят к этому времени 310-м полком. Очевидно, пр[отивни]к, имея сведения об обходе, ночью отступил, что и дало возможность 310-му полку переправиться и занять пос. Цакирский. В 23 часа 12/8 достиг пос. Модонкульский, пр[отивни]к отступил до пади Нурта Аминик и далее в южно-западном направлении при пади Ирин на перевоз реки Оган-Гелла, что в устье реки Ури[к] и горы Богадула. В дальнейшем непрерывно преследовал пр[отивни]ка, с которым 14/8 имел перестрелку в 15–10 верстах южнее верховья реки Ай-Ник, здесь противник пытался совершить обход, который мною был предупрежден выдвинутыми и вправо и влево частями. После перестрелки пр[отивни]к отступил в южном направлении, оставив сильный арьергард. Ввиду малочисленности отряда, недостатка огнеприпасов, в отсутствии продовольствия и крайней усталости лошадей, не говоря уже о людях, я вынужден был отряд остановить, донеся об этом комбригу 104-й [бригады]. Последний подтвердил приказом от 14/8 за № 20/5 мое решение, но также требовал выяснить точнее направление движения отступающего противника. 16/8 в мое опер[ативное] подчинение прибыло 124 всадника, состоящих из пешей и конной разведки добровольцев к[расноармей]цев, посаженных на коней части 104-й бригады и кав[алерийский] полк 35 приказ [комбрига?] 104-й бригады от 13/8 – № 073/ того же числа. Согласно полученному мною приказанию комбрига от 15/8 за № 25/5, [я] выступил для дальнейшего преследования пр[отивни]ка по пади р[еки] Иерен у устья реки Уры и реки Богадула на перевозе реки Агин-Гела, которого и достиг [в] 19 часов 17/8. Переправившись на правый берег реки Аген-Гела, принял двух перебежчиков из казаков путем опроса коих выяснено, что генерал Резухин расстрелян своими и труп его зарыт на берегу. По принятым мерам к розыску трупа последний был найден на указанном месте и после его извле-

чения таковой был опознан лицом, знающим его. Кроме того, на нем оказались погоны генерала. Банда, расправившись со своим вождем Резухиным, поспешно отступила в направлении Куре-Тулгин-Суме. 18/8 отряд продолжал движение вслед за бандой. В связи с отсутствием продовольствия на почве голодовки, численность отряда систематически усилилась заболевшими* и к 18/8 выражалась в следующем числе: вверенный мне отряд – 130 сабель, кав[алерийский] полк – 35–45 сабель, сводный эскадрон 104-й брига[ады] – 124 сабли и прислуги при пулеметах 33 чел[овека], оставленные [для] прикрытия одной из падей, в коей обнаружены следы пр[отивни]ка, – 44 чел[овека], а всего 476 сабель. По сведениям, полученным от захваченного разведкой пленного [из] банд[ы] Унгерна, всеми силами, кроме банды Разухина, количество 1 000 сабель имеет дневку в 10–15 верст[ах] юго-западнее перекрестка Хещунной границе с трактом перевоз у горы Богадулла на Куре-Чулгым-Суме. Как видно из признаний** Унгерна Резухину, захваченных у пленного ординарца, Унгерн об участии Разухина не знал, а также и связи с его бандой не имел. В приказах говорилось следующее: генералу Резухину с получением сего немедленно со всеми войсками присоединяйтесь ко мне, полагаю, что завтра буду стоять в пади, что в 1–2 верстах юго-западнее Кумирни⁶⁷ Буруладжи (на карте нет), скота больше не берите. Я поймел связь с Батербахом. Генерал-лейтенант, барон Унгерн. Ввиду неясности обстановки, незнания точности места расположения банды Резухина я вынужден был остановиться в 10–15 верстах от расположения банды Унгерна и ограничиться высылкой усиленной разведки во всех направлениях. С рассветом 19/8 пр[отивни]к повел усиленную разведку в направлении моего движения. При столкновении разведки пр[отивни]ка с моим старожилым хранением*** был взят в плен офицер (завхоз одного из полков Унгерна). Второй ехал навстречу отряду, вероятно, будучи посланным из группы Унгерна к Резухину, оставленной Унгерном на реке Агин-Гел, не зная, что последняя после расправы с Резухиным преследовала другой падь. Из подробного опроса пленного выяснилось, что в ночь на 19/8 в лагере Унгерна было совершенно нападение с целью его уничтожения, но вследствие темноты почти**** обстреляли палатку его личного адъютанта, которого и убили, и с ним трех бандитов. В этом деле пленный участия не принимал, так как во время обстрела он двигался в группу Резухина. О недовольстве среди банды Унгерна он знал и даже состоял участником организации по уничтожению Унгерна и Резухина. Подробности покушения на Унгерна, а также о результатах его он также не знал, как и не знал об убийстве Резухина. Повод недовольства среди бандитов к своим вождям вырос на почве неосуществившихся обещаний Унгерна. Как он говорил, что по выходе на совет[скую] территорию население и войско красных будут переходить на его сторону, и что они пойдут занимать Иркутск и соединяться с японцами, наступающими якобы на Верхне-Удинск. Выяснив вопрос и точное расположение Унгерна, я всем отрядом двинулся к месту его дневки, имея целью воспользоваться в его банде разложением, захватить его. Двигаясь по дороге к месту его расположения, были захвачены 12 бандитов-монголов, от

* Так в документе.

** Вероятно, следует читать: приказаний.

*** Так в документе.

**** Так в документе. Очевидно, имеется в виду: ночи.

которых новых сведений получить не удалось. Двинувшись далее, захватили еще одного пленного унтер-офицера бурята, который показал, что Унгерн связан и отправлен с его монгол[ьским] дивизионом в штаб резухинской банды. Тем временем разведгруппа отряда в числе 17 человек, двигающаяся вперед, заметила беспорядочную группу конных человек до восьмидесяти, которые, стоя на месте, были чем-то заняты. Разведчики лихим налетом атаковали группу и, захватив таковых, обезоружили. В числе захваченных пленных в этой группе оказался сам барон Унгерн. При подходе наших разведчиков последний, будучи связан и узнав красных, подавал команду рассыпаться в цепь и отражать в атаку, крича во весь голос: «Красные идут, в цепь!» Растерявшиеся монголы от неожиданности парализовались, что и способствовало захвату всех без потерь. К этому моменту подоспел я со своим отрядом, кратко спросил Унгерна, тотчас же снарядил конвой в числе 20 человек и отправил с ними пленных и Унгерна [в] шта[б] бриг[ады] 104-й с наказом для конвойных в случае попытки со стороны бандитов произвести нападение, отбить Унгерна, расстрелять последнего, и голову его во что бы то ни стало доставить в шта[б] бриг[ады] 104-й. Сам же продолжал движение за группой Унгерна на расстоянии десяти верст, где еще были захвачены 14 человек, при коих были две двуколки, несколько десятков винтовок, пулеметные ленты и около двух тысяч патронов. Пройдя затем немного далее, остановился на кормежку лошадей, здесь принял решение пойти вслед за резухинской группой, которая, как выяснилось разведкой, не пошла вслед за Унгерном, а взяла направление по другой пади на перевоз Чмуна и Кумарный Монты. Допуская возможность движения банды по следам Унгерна, в случае удара на не имевшего подойти и к тому времени Курни-Монты 312-го полка и красномонгольского* отряда тов[арища] Давыдова и учитывая опасность своего движения за группой Унгерна, возможность быть окруженным своими группами и учитывая малочисленность своего отряда, я решил изменить направление, т.е. преследовать банду Унгерна, сосредоточив внимание банды Резухина. Пройдя в новом направлении до тридцати верст, в ночь на 20/8 обнаружил разведку засаду пр[отивни]ка на высотах у реки Селенги. Обстрелянная залповым огнем разведка без выстрела отошла на пять верст назад, оставив пр[отивни]ка в полном неведении о значении своего появления. В 8 часов 20/8 я всем отрядом повел наступление на занятые пр[отивни]ком высоты. По занятии части высот выяснил, что обоз пр[отивни]ка, гурт скота, табун лошадей с тремя орудиями переправились на Селенгу на правый ее берег. Высланный мною к распоряжению пр[отивни]ка сводный эскадрон 104-й бриг[ады] был допущен до десяти шагов пр[отивни]ка, очевидно, принят их за своих. Как конвоирующие Унгерна на слова со стороны кр[асноармей]цев и вынутый мною красный флаг как подтверждение слов товарищей предложение прекратить войну, перейдя на сторону советской власти, бандиты ответили сильным пулеметным и оружейным огнем, последствиями которого оказался один раненый красноармеец и убиты две лошади. В силу такой встречи свод[ный] эскадрон вынужден был отступить и занять другую высоту. Пр[отивни]к занимал господствующие высоты и, видя нашу малочисленность и, с другой, стороны отсутствие у ней резервов, ввез на гору одно орудие и начал обстреливать из

* Так в документе.

него прямой наводкой. Продержавшись таким образом 5 часов, я вынужден был отвести отряд в обратном направлении, так как во время следования от реки Емин-Гало до Селенги, не зная места нахождения своих частей, я отвел отряд на левый берег реки Агни-Гола, которого достиг 21/8 – вчера. Отход мой к р[еке] Егин-Гол явился следствием очевидной невозможности для себя продолжать преследование противника в том состоянии, в каком находился мой отряд: 1) отсутствие связи и полная неизвестность места нахождения наших частей: 5-й ка[валерийской] дивизии, 35-й дивизии, 312-й полка и отряда красномонгол*; 2) малочисленность своего отряда, отсутствие поддержки в связи со значительным превосходством сил противника; 3) отсутствие возможности за недостатком людей и дальнейшим удалением от 104-й бриг[ады] быть с ней связанным, посылать к ней донесения; 4) отсутствие продовольствия и крайнее затруднение доставки его к отряду и 5) крайняя утомленность людей и лошадей. Все это вместе взятое заставило меня оставить мысль о дальнейшем преследовании и отойти к Егин-Гол, где и ожидать дальнейших распоряжений. Днем 22/8 – двинулся, далее сделав переход до 35 верст до Кумирни, что на реке Барен, где оставил отряд на ночлег, а сам отправился в поселок Модонкульский выяснить вопрос о расположении частей, а также вопрос об исполнении директивы штарма** 5-й [Красной Армии] и приказа дивизии 35-й о расформировании вверенного мне отряда. [В] Модонкуле получил приказ немедленно реформировать отряд, влить таковой целиком в кав[алерийский] полк 35-й, самому же немедленно отправиться в штакор экспедиционный. Вернувшись 24/8 к отряду, отдал таковой согласно приказу комкавполка*** 35-го, а сам 26/8 отправился... к месту нахождения базы и штабрига**** 104-й и далее согласно предписанию шта[ба] брига[ды] 104-й – в Троицко-Савск в распоряжение комкора***** экспедиционного.

Нач[альник] отряда, он же военком

Щетинкин

ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1010. Л. 6–21. Копия. Машинописный текст.

№ 31

Приложение к докладу П.Е. Щетинкина о «ликвидации бел[ых] банд Унгерна»*****

Не ранее сентября 1921 г.

С начала своего формирования отряд имел лошадей: обозных 47 голов, артиллерийских 35 штук, что же касается верховых, то таковых совершенно не было. По вы-

* Так в документе.

** Штаба армии.

*** Командира кавалерийского полка.

**** Штаба бригады.

***** Командира корпуса.

***** Используется фрагмент самоназвания документа.

яснении этого вопроса с монголоправительством* в гор[оде] Маймачене, мне удалось получить в первой половине мая 47 лошадей, которые за усталостью и побитностью** спин были выделены монголоправительством*** как негодные им для кавалерии своих отрядов и, кроме того, без седел. Из отряда Иванова-Римского удалось всякими путями собрать до 60 лошадей. Таким образом, к 25 мая я смог посадить на коней около 120 человек, седла не были получены из частей 35-й стр[елковой] дивизии и 37 штук были собраны в подарок отряду нарымским сельским обществом. С этим составом лошадей отряд вступил в первый бой с резухинской дивизией на р[еке] Желтуре 26 мая, из боя удалось вынести в целости не более 30 лошадей, остальные же, раненые и присталые****, остались в руках пр[отивни]ка с находящимся на них седлами. В силу приказа РВС 5-й [Красной Армии], который трактовал выступить отряду в том положении, в каком застанет его приказ для выполнения поставленной задачи. Отряд 4 июля выступил с тем незначительным наличием коней, кои остались после боя. Таким образом, отряд почти полностью в пешем порядке перешел реку Селенгу, вследствие своей присталости****, не имел возможности и оказать своевременную необходимую поддержку красномонгольскому отряду и конной разведке отряда во втором бою с бандой Казагранди 11 июля, после которого отряд не имел никаких стычек с бандами и, простояв на правом берегу реки Селенги до 18 июля, использовав это время, при помощи монголов, [чтобы] собрать все мелкие табуны, разбросанные противником во время своего спешного отступления. К 18 июня отряд был весь посажен на коней, хотя с неудовлетворительными качествами, кроме того, излишество было около 500 лошадей, преимущественно не бывшие под седлом кобылицы и жеребята, которые при выходе из пределов Монголии были сданы монгол[ьскому] правительству в г[ороде] Маймаче[не]. Рогатого скота было захвачено до 1 000 голов и верблюдов 153 шт[уки]. Скот и верблюды, согласно существующим законам ветеринарной части, утвержденным РВС 5-й [Красной Армии], были оставлены по выходе из Монголии в пади Улечки, что в 13 верстах западнее поселка Хородей, для отбывания карантина. В карантине скот был подвергнут освидетельствованию вет[еринарной] комиссии, [у]становившей появление чумы. Развивавшаяся чума свирепствовала до 20 июля, так как средства борьбы против этого [заболевания] проявлялись очень незначительно и выражались в рытье [могильника] на падающего ежедневно скота от 30–70 голов. Двадцатого июля осталось в целости около 200 голов. Эти жалкие остатки во время перехода банды Унгерна были последние захвачены. Возможно было часть скота заколоть и перевести на солонину, но несмотря на возбужденное ходатайство [о] присылке тары и соли от прод[овольственных] органов не выполнялось.

Продовольствие

Из армейских прод[овольственных] органов было получено в марте месяце продфуража***** на два месяца в Иркутске. По прибытии на ст. Татаурово за исклю-

* Так в документе.

** Так в документе.

*** Так в документе.

**** Пристальный (обл., простореч.) – усталый.

***** Так в документе. Имеется в виду: “усталости”.

***** Продовольствия и фуража.

чением очень малого количества, которое было вывезено на имеющихся перевозных средствах, совместно с передвижением отряда остальное же было отправлено по месту стоянки базы отряда в селе Тарай до Селенгинской думы и на пароходе и даже на подводах. Последнее продовольствие было доставлено только в конце мая. Полученного фуража, безусловно, было недостаточно для продолжительного питания отряда, но отзывчивость крестьян района Джидинской долины устраняла кризис питания. Частью получали взаимобразно от от[дела] сна[бжения] брига[ды] 105-й, каковой по доставке из Татаурово было возвращаемо. В мае месяце монгол[ьским] правительством было отпущено на приобретение кон[ного] состава, седел, пяти возов мануфактуры, каковой созданной комиссией для проверки количества установлено 17 000 аршин (семнадцать тысяч), акты проверки для сведения были посланы монгол[ьскому] правительству и уполкоминтерну Д[альне-го] В[остока] тов[арищу] Шумяцкому⁶⁸. На мой запрос в г. Иркутск губвластям о разрешении производить обмен мануфактуры на кон[ный] состав среди граждан Джейдинской долины остался без малейшего результата, и даже не последовало того или иного ответа. В бытность мою в г. Маймачене на совещании монгол[ьско-го] правительства мне дано разрешение в устной форме по изложению перед ними катастрофичности продовольственного вопроса производить обмен с гражданами местного населения мануфактуры на предметы продфуража в контакте с местными властями через кооперативы производился товарообмен. Эта обстановка позволила отряду существовать в области питания без рациональных снабжений со стороны продорганов* дивизии до влития отряда в кав[алерийский] полк 35-й после расформирования такого куда также сданы остатки от полученной мануфактуры в количестве более 4 000 аршин (четыре тысячи). Для довольствия отряда в пределах Монголии, секретариатом коминтерна ДВР было отпущено серебра в слитках 18 пудов 07 золотников, каковое в должной степени из-за неимения в нем крайней необходимости использовано не было и отдано обратно в соответствующее учреждение. Вследствие особых условий экспедиции отрядов в пределах Монголии планомерное снабжение довольствием людей отряда особенно в последнее время было невозможно и даже на этой почве люди в течение семи дней августа месяца находились без всякого продовольствия, пользуясь кониной, негодной к еде, и в большинстве с больными спинами и грибами**. Таковое питание привело красноармейцев к полному истощению и массовым заболеваниям, что и было установлено комиссией врачей 104-й бригады при пос[елке] Модонкуле, куда отправлялись с фронта красноармейцы. На мои донесения комбригу 104-й [бригады] тов[арищу] Никитину с просьбой отвести отряд хотя бы для малого отдыха или сделать распоряжение о скорейшей доставке продуктов к месту нахождения отряда получались ответы, мотивирующие мое ходатайство абсурдным, и дальше сообщений приказов о высылке продуктов дело продовольствия не шло. По отношению [к] больным красноармейцам принимались меры, чуждые пролетарской стране, [такие] как обзывание их симулянтами и поэтому недопускание их в пределы поселка Модонкуля, выставляя для этой цели специально караул (предоставляя возможность

* Органы, ведавшие учетом, заготовкой и распределением продовольствия.

** Очевидно, имеются в виду грибковые заболевания.

расквартироваться красноармейцам под открытым небом, в то время как уже ночи были довольно холодные).

Обмундирование

По созданию парт[изанского] отряда и по прибытии для этого неукomплектования красноармейцев из полков 104-й и 105-й бригады, обмундирование на коих было в самом отрицательном виде, и полученного из отдела снабжения армии далеко не доставало для удовлетворения всех нуждающихся в этом. Только после получения дополнительно от монголоправительства* до трехсот комплектов обмундирования нужды отряда в этом отношении были ликвидированы. С этого времени нахождения отряда в боевой обстановке, естественно, состоящее на людях обмундирование пришло в негодность. Дабы снабдить в достаточной мере нуждающихся, пришлось воспользоваться разрешением представителя монголоправительства** на пошивку верхнего обмундирования из имеющейся мануфактуры. Таким образом, отряд значительно удовлетворил совершенно нуждающихся [в] белье и обмундировании. Пользоваться такими мерами, как пошивка белья собственными средствами вызвана отказом от снабдива*** 35-й снабжать обмундированием парт[изанский] отряд в целом, мотивируя [это] необходимостью затребовать предметы обмундирования персонально, с отрядами 9/11 прибывшее на укомплектование отряда пополнение из числа присланных из полков должны снабжаться полками. Таковой способ при отсутствии самостоятельных хозяйственных аппаратов ос[обых] отрядов 9 и 11 был для отряда не выполним, и это ставило отряд в очень трудные рамки в отношении обмундирования.

Нач[альник] отряда, он же военком
Нач[альник] штаба

Щетинкин

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1010. Л. 22–26. Копия заверенная. Машинописный текст.

№ 32

Обращение П.Е. Щетинкина к жителям Ачинского уезда с призывом оказания помощи голодающим Поволжья

2 января 1922 г.
г. Москва

Товарищи ачинцы!

Не могу забыть той работы, которую вместе с вами мне пришлось провести в 1919 году. Не буду отвлекать дорогого вашего внимания слушанием прошлого, ибо оно всем вам известно. Разрешите приветствовать ваш настоящий съезд и поздравить вас с новым годом.

* Так в документе.

** Так в документе.

*** Отдела снабжения дивизией.

Желаю, чтобы 1922 год укрепил ваши силы в деле развития сельского хозяйства, ибо только сельское хозяйство является той промышленностью, которая может вывести страну из тяжелого положения. Тот враг, который стремился задушить молодую революцию в 1919 году, он с вашей помощью уничтожен, несмотря на все его техническое вооружение. Но теперь, товарищи, перед нами вооружился более сильный, более свирепый враг. Этот враг – голод, против которого должна быть самая беспощадная борьба, но для этой борьбы центральная рабоче-крестьянская власть не имеет таких фабрик или заводов, которые могли бы изготовить оружие, чтобы побороть этого врага. Такое оружие можете дать только вы, товарищи! Это хлеб. Целые миллионы изнывающих стонов голодающих просят вас протянуть им руку помощи.

Откликнитесь, товарищи, помощью своим братьям Поволжья, ибо они в долгу у вас не останутся. Не один, а четыре миллиона жертв этот страшный враг вырвал из наших рядов.

Так спешите же, товарищи, на помощь этим страдальцам, так как помощь голодающим – это есть наш святой долг.

Все на борьбу против врага – голода!

Да здравствует съезд представителей трудовых масс уезда!

Долой свирепого врага – голод!

Да здравствует полная победа над ним!

Да здравствуют т[оварищи] крестьяне и рабочие родного мне Ачинского уезда!

П[одлинный] п[одписал] слушатель высших
военно-академических курсов

Петр Щетинкин

гор. Москва, Остоженка,
2-й Ушаковский пер., д. № 3,
военно-академ[ические] курсы

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1010. Л. 27–28. Копия заверенная. Машинописный текст.

№ 33

Удостоверение Сиббюро ЦК РКП(б), выданное П.Е. Щетинкину как направленному в распоряжение Енисейского губкома РКП(б)

17 августа 1922 г.

Предъявитель настоящего тов[арищ] ЩЕТИНКИН Петр Ефимович прибыл в распоряжение Сиббюро ЦК РКП[(б)] 17 августа 1922 года.

СИББЮРО ЦК РКП[(б)] направляет т[оварища] ЩЕТИНКИНА обратно в распоряжение Енисейского губкома [РКП(б)], где он должен ждать назначения его на работу.

Действительно по 15 сентября 1922 года.

П[одлинный] п[одписал] секретарь Сиббюро ЦК РКП[б]
управделами

(подпись)
(подпись)

ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1010. Л. 30. Копия заверенная. Машинописный текст.

№ 34

Памятный адрес Новониколаевского губкома РКП(б), губисполкома и губпрофсовета П.Е. Щетинкину в честь пятой годовщины РККА

23 февраля 1923 г.
г. Новониколаевск

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Герою революционной классовой войны
товарищу Щетинкину П.Е.

Пять лет прошло с тех пор, как была создана российским пролетариатом первая в мире регулярная Красная Армия для борьбы с капиталистами всех стран. На ее знамени были выжжены слова: «Мир хижинам, война дворцам!» – слова, перед которыми дрожали все эксплуататоры и угнетатели рабочего класса и трудового крестьянства.

Никогда, нигде, ни в какой мере, Красная Армия не выступала на защиту интересов паразитических классов. Всегда, везде, с момента своего зарождения до последней минуты – она выступала как армия пролетариата и трудового крестьянства, восставшего на смертный бой со своим классовым врагом.

Ее заслуги незабываемы. Ее победы неисчислимы. Ее храбрость и беззаветная преданность идеям пролетарской революции – неизмеримы.

Сегодня, в день пятилетней годовщины жизни, героической борьбы и блестящих побед нашей Красной Армии, мы приветствуем вас как одного из многих тысяч скромных героев Красной Армии, отдавших свои силы служению классовым интересам пролетариата.

От имени пролетариата, от имени трудового крестьянства наше пролетарское спасибо вам, товарищ!

Новониколаевский губком РКП(б)
Новониколаевский губисполком
Новониколаевский губпрофсовет

ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1011. Л. 39. Копия заверенная. Машинописный текст.

№ 35

**Автобиография П.Е. Щетинкина, начальника штаба
Сибирского пограничного округа войск ГПУ**

2 марта 1923 г.

[г. Новониколаевск]

Я сын бедняка-крестьянина, родился в 1884 году 21 декабря [(ст[арый стиль])⁶⁹ в селе Чуфилово Неверовской волости Касимовского уезда Рязанской губернии.

Без матери остался [с] трех лет, отец работал у деревенского кулака в кузнице, получая 10 рублей в месяц. Такой скудный заработок, конечно, не мог удовлетворять семьи, состоящей из трех детей, старшему из коих было девять лет. Крестьянское хозяйство даже не оправдывало труда, так как всей земли в то время приходилось на душу около 1 десятины*. В таком положении я прожил 8 лет.

В 1895 году я пошел в школу, в которой пробыл всего лишь 2 года, а затем был взят в Москву на работу по плотничной части. На этой работе я провел время до октября м[еся]ца 1906 года. 25 октября т[екущего] г[ода] был призван по жребию на военную службу, в декабре месяце 1909 года был уволен в запас армии старшим унтер-офицером, как окончивший учебную команду. До 11 августа 1911 года занимался столярной работой в Ачинском уезде, а затем опять поступил на военную службу сверхсрочным. В 1913 году окончил школу подпрапорщиков, а в 1914 году вместе с 29-м Сибирским стрелковым полком ушел на фронт в качестве фельдфебеля** 5-й роты. До апреля м[еся]ца 1915 года за отличие в боях я получил все четыре степени Георгиевского креста, две георгиевских медали и медаль Французской республики. 15 августа того же года за боевые отличия был произведен прапорщиком армейской пехоты с назначением командиром 7-й роты 29-го полка. В строю я пробыл до декабря м[еся]ца 1916 года, а затем был назначен начальником учебной команды 59-го Сибирского стрелкового полка, куда был откомандирован с ротой.

Производство до штабс-капитана включительно я получил по выслуге установленного тогдашним законом срока. Получил 3 периодических офицерских награды: [орден Святого] Станислава 3-й степени, [орден Святой] Анны 3-й степени и [орден Святого] Станислава 2-й степени. По расформированию учебной роты-команды (в конце декабря 1917 г.) получил отпуск в гор[од] Ачинск, откуда на фронт более не возвращался, хотя и был избран общим собранием на должность начхоза полка.

В Февральскую и Октябрьскую революции никаких активных участия не принимал. 1-го марта 1918 года поступил на советскую службу в гор[оде] Ачинске начальником уголовного розыска, где и вступил в ряды партии С-Д. Большеви-

* Здесь и далее подчеркнуто синими чернилами.

** В тексте – фетфебеля.

ков*. При наступлении чехословаков на гор[од] Ачинск, я был избран членом военно-революционной тройки и командиром военнопленных интернационалистов, но ввиду отказа их бороться за Советскую власть, в боях участвовать не пришлось. После свержения Советской власти в Енисейской губернии я скрылся в тайге, до ноября месяца [19]18 г. ведя подпольную работу среди недовольных колчаковской властью крестьян, из которых и сформировал красный добровольческий партизанский отряд в количестве 80-ти человек. Активные действия указанного отряда начались в декабре м[еся]це [19]18 г. и продолжались до 1 января 1920 г., то есть до прихода регулярных войск Красной Армии. К приходу Красной Армии отряд насчитывал в своих рядах 22 тысячи бойцов при 153 пулеметах и шести орудиях. После роспуска отряда (март месяц) распоряжением Сибревкома я был назначен членом Чрезвычайного Ревтрибунала, коим судились бывшие колчаковские министры. 4-го июля распоряжением же Сибревкома я был назначен уполномоченным центральной комиссии по восстановлению разрушенных хозяйств Сибири по Енисейской губернии. Первым Ачинским уездным съездом Советов в июле м[еся]це [19]20 г. был избран тов[арищем] председателем уезд[ного] исполкома, а затем и членом укома.

Губернским съездом Советов был избран членом Губисполкома и делегатом на 8-й Всероссийский съезд Советов. В сентябре м[еся]це собрал добровольцев из бывших партизан и выехал на Врангельский фронт в качестве командира батальона 21-го стр[елкового] полка, а 27-го октября принял 21-й полк, которым и командовал до полной ликвидации армии Врангеля. 20 декабря [19]20 г. участвовал на 8-м Всероссийском съезде Советов. По приезде в Красноярск (как делегат) Губкомом через РВСР был отозван из рядов армии для работ в губернии. По предложению дальневосточного секретариата коминтерна был назначен начальником экспедиционного отряда для похода на Монголию против банды Унгерна, которого захватили в плен 19 августа, за что РВС 5-й [Красной] Армии был награжден орденом Красного Знамени. В октябре м[еся]це [19]21 года был командирован в Москву для доклада главкому о ликвидации банды. После чего изъявил желание остаться на военно-академических курсах высшего состава в качестве слушателя, но благодаря сложившимся тяжелым материальным условиям семьи вынужден был оставить на 4-е месяца раньше их окончания. С 15-го апреля [19]22 года по 1-е октября находился в распоряжении Губкома [РКП(б)] Енисейского. [С] 3-го октября по настоящее время нахожусь в Сибирском пограничном округе войск ГПУ на должности начальника штаба и на должности начальника 3-го отделения КРО ППГПУ по Сибири.

Петр Щетинкин

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1011. Л. 61–62. Копия. Машинописный текст.

* Имеется в виду Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков).

№ 36

**Удостоверение полномочного представительства ОГПУ
по Сибири, выданное П.Е. Щетинкину
как командированному на съезд начальников частей
пограничной охраны и инспекторов войск ОГПУ**

13 апреля 1925 г.

[г. Новониколаевск]

Действительно по 13 мая 1925 г.

Дано сие вр[еменно] старшему инспектору войск ОГПУ Сибири тов[арищу] ЩЕТИНКИНУ Петру Ефимовичу в том, что он действительно командирруется в гор[од] Москву на съезд нач[альников] ЧПО и старших инспекторов войск ОГПУ.

Что подписями с приложением печати и удостоверяется.

На проезд по ж[елезной] д[ороге] в Москву и обратно тов[арищу] Щетинкину выданы требования формы № 1 с инициалом «Войска ГПУ» за № 220744 и 220743.

П[одлинный] п[одписал] зам[еститель]

ПП ОГПУ Сибири

нач[альник] общ[ей] админ[истративной] части

Б.А. Бак⁷⁰

Пупков

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1010. Л. 32. Копия заверенная. Машинописный текст.

№ 37

**Удостоверение полномочного представительства ОГПУ
по Сибири, выданное П.Е. Щетинкину
как командированному в Иркутскую губернию
для ликвидации бандитизма**

29 августа 1925 г.

Действ[ительно] по 30 сентября 1925 года.

Настоящее дано начальнику части погранохраны ПП ОГПУ по Сибири тов[арищу] ЩЕТИНКИНУ Петру Ефимовичу в том, что он действительно командирруется в Зиминский район Иркутской губернии для проведения мероприятий по ликвидации бандитизма.

Всем учреждениям, организациям, должностным и частным лицам предлагается оказывать тов[оварищу] ЩЕТИНКИНУ всемерное содействие при исполнении им служебных обязанностей.

Изложенное подписями и приложением печати удостоверяется.

Тов[арищу] ЩЕТИНКИНУ на проезд по ж[елезной] д[ороге] в оба конца пути

выданы требования ф[ормы] № 1 с инициалом «Войска ГПУ» за № 221863 и 221864.

Зам[аместитель] ПП ОГПУ по Сибири
Нач[альник] общадмчасти

Б.А. Бак
Некрас

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1010. Л. 31. Копия заверенная. Машинописный текст.

№ 38

Краткие сведения о прохождении службы в Красной Армии слушателя курсов усовершенствования высшего начальствующего состава РККА при Военной академии РККА имени М.В. Фрунзе Щетинкина Петра Ефимовича*

Не ранее 9 сентября 1925 г.
г. Москва

В Красной Армии из партизанских частей с января 1920 года.

Командир бригады с февраля 1920 года – 5 мес[яцев].

В распоряжении Енисейского губисполкома с 4/VII – [19]20 г. – 2 м[есяца]
24 дн[я].

Командир батальона с 28 сентября 1920 года – 1 мес[яц].

Командир полка с 27 октября 1920 года – 2 мес[яца].

В распоряжении Енисейского губкома ВКП(б) с 1/1921 г. – 2 мес[яца].

Начальник экспед[иционного] отряда с 15 марта 1921 года – 7 м[есяцев]
13 дн[ей].

Слушатель военно-академических курсов с 28/X – 1921 г. по 25/III – 1922 го-
да – 5 мес[яцев].

Командир полка с 11 апреля 1922 года – 1 ? мес[яца].

В распоряжении Енисейского губкома ВКП(б) с VI – 1922 г. – 1922 г. 4 ? [меся-
ца].

Начальник штаба Сибирского погран[ичного] округа, с 22/X – [19]22 г. 4 м[еся-
ца] 10 дн[ей].

Начальник погран[ичного] отдела с 1/III – 1923 г. по 18/VI – [19]23 г. – 3 м[есяца]
17 дн[ей].

В то же время: пом[ощник] начальника штаба войск ГПУ – Сибири – 6 м[еся-
цев] 26 д[ней].

В то же время врид начальника штаба войск ТУ Сибири – 22 дня.

Пом[ощник] ст[аршего] инспектора по стр[оевой] части инспекции войск ГПУ
Сибири с 16 октября 1923 года – 1 г[од] 1 м[есяц] 12 дн[ей].

В то же время – 1) начальника военно-окружных повторных курсов младшего

* Используется самоназвание документа.

комсостава войск ГПУ с ...* – 3 месяца 6 дней.

2) Начальник военной школы подготовки погран[ичных] войск ГПУ Сибири – 2 м[есяца] 8 дней.

3) Врид ст[аршего] инспектора – 1 м[есяц] 22 дня.

Ст[арший] инспектор войск ОГПУ Сибири с 28/X – [19]24 г. – 5 м[есяцев] 18 дн[ей].

Начальник части погран[ичной] охраны.

Полномоч[ный] представ[итель] ОГПУ по Сибири с 16/V – [19]25 г. – 3 м[есяца] 24 дн[я].

В то же время комвоенком** полка войск ОГПУ – 9 м[есяцев] 26 дн[ей].

Слушатель военного отделения курсов усовершенствования высшего начальствующего состава РККА при Военной академии РККА имени М.В. Фрунзе с 9 сентября 1925 года.

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1010. Л. 49–50. Копия заверенная. Машинописный текст.

№ 39

Предписание полномочного представительства по Сибири ОГПУ СССР начальнику части пограничной охраны ПП ОГПУ по Сибири и командиру 9-го Сибирского стрелкового полка ВОГПУ П.Е. Щетинкину о направлении его на курсы усовершенствования при Военной академии РККА

31 октября 1925 г.

С получением сего предписывается вам отправиться в распоряжение зам[естителя] начальника курсов усовершенствования начсостава при Военной академии РККА для прохождения курса подготовки.

Об исполнении сего донести.

П[длинный] п[одписал] зам[еститель]
ПП ОГПУ Сибири

Б.А. Бак

нач[альник] об[щего] админуправления

Пупков

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1010. Л. 4. Копия заверенная. Машинописный текст.

* Пропуск текста сделан при изготовлении копии.

** Командир и военный комиссар.

№ 40

**Удостоверение, выданное П.Е. Щетинкину как слушателю
курсов Военной академии РККА**

19 ноября 1925 г.
г. Москва

Предъявитель сего ЩЕТИНКИН Петр Ефимович состоит на действительной военной службе, срочно-служащ[ий].

Наименование части – Военная академия РККА.

Занимаемая штатная должность – слушатель КУВНАС (начальник части пограничной охраны войск ОГПУ – Сибири).

Родился – 1884 г. 21 декабря.

Какой местности уроженец – Рязанской губернии Касимовского уезда, Рязанской губернии.

Холост или женат: жена Васса Андреевна.

Дочери: Клавдия – род[илась] в 1914 г., Надежда – 1913 г., сыновья – Александр – 1918 г. и Алексей – 1920 г.

Пом[ощник] нач[альника] АХО (подпись)
В[ысшая] академия РККА
Начальник отделения перем[енного] сост[ава] (подпись)

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1010. Л. 40. Копия заверенная. Машинописный текст.

№ 41

**Краткая записка о службе П.Е. Щетинкина, выпускника
курсов усовершенствования высшего начальствующего
состава РККА при Военной академии РККА
имени М.В. Фрунзе**

26 июня 1926 г.
[г. Москва]

1. Родился в 19...году (месяц и число)	21 декабря 1884 г.
2. Какой местности уроженец (город или губерния, уезд, волость и т.д.)	Рязанской губернии, Касимовского уезда, села Чуфилово

3. 1) Какой национальности, 2) какой язык считает родным и 3) какими другими языками владеет	1) Русский. 2) Русский
4. Социальное происхождение: 1) профессия до поступления на военную службу	Из крестьян. 1) Столяр
5. Профессия родителей: а) до Октябрьск[ой] революции б) в настоящее время	Хлебопашество
V. Образование:	
1) Общее, специальное и партийное: сколько классов (курсов), какого учебного заведения, когда и где окончил. а) низшее, б) среднее, в) высшее	Народная школа [18]95–[18]96 гг. с. Чуфилово
2) Военное: а) какое военное или военно-политическое учебное заведение (училище, курсы или школу, где и когда окончил)	Школу подпрапорщиков мирного времени в 1912 г.
3) Высшее военное: б) какую академию или равное ей высшее военно-учебное заведение (сколько курсов) высш[ие] воен[но-]ак[адемические] курсы или какую выс[шую] воен[ную] школу (2 ст.) и когда окончил	Окончил курсы усовершенствования высшего начальствующего состава РККА при Военной академии имени М.В. Фрунзе (по военному отделению) в 1926 г.
VI. Партийное положение:	
1) С какого времени состоит членом и кандидатом РКП	Член ВКП(б) с 1 марта 1918 г.
2) Какой организации и № партийного билета или кандидатской карточки	Московской организации. Хамовнического района, партбилет № 123182
3) Принадлежал ли к другим партиям, к каким именно и с какого времени и по какое	Нет

4) Какую партийную и политическую работу вел с Февральской революции	Нет
5) Какую партийную и политическую работу вел с Февральской и до Октябрьской революции	Нет
6) Подвергался ли наказаниям за политическую работу, когда и кем именно	В 1918 г. в Ачинском уезде Енисейской губернии преследовался со стороны власти Колчака
7) Какое принимал участие в Октябрьском перевороте и где	Не принимал
8) Подвергался ли партийным взысканиям, когда, кем и за что	Нет
VII. Холост или женат, имя, отчество, фамилия и возраст жены, имена и время рождения детей, имя, отчество, фамилия и возраст лиц, находящихся на иждивении	Женат: жена Васса Андреевна ЩЕТИНКИНА – 38 лет. Дочь – Клавдия, род[илась] 6/1 – 1912 г. г. Н[ово]-Николаевск. Дочь Надежда, род[илась] 23/IX – 1913 г. Сын Александр, род[ился] 3/III – 1918 г. Сын Алексей, род[ился] 2/II – 1920 г.
VIII. Состояние здоровья и к какому роду службы пригоден	Не свидетельствовался
IX. Награды и поощрения в Красной Армии, объявление в приказе по части (учреждению) и выше	Орден Красного знамени № 2209 – 22 сентября 1921 г. (пр[авительственными] войсками 5-й [Красной] Армии и ВСВО № 1374)
X. Взыскания по суду и дисциплинарные, объявленные в приказе по части и выше	Нет
XI. Краткие сведения о прохождении службы в Красной Армии	(см. приложение)*

* Приложение отсутствует.

<p>XII. Бытность в походах и делах против неприятеля в составе Красной Армии (красногвардейских частей, красных партизанских отрядов и Красной Армии) с указанием должности и части, а также перечисление боевых действий таковой, в коих военнослужащий участвовал, с объяснением, где именно, с какого и по какое время, полученные в сражениях раны и контузии, а также увечья</p>	<p>В должности командира партизан[ского] отряда против армии Колчака – с 15/XI – [19]18 г. по 1/I – 1920 года.</p> <p>В должности комполка 21-го [Сибирского стрелкового полка] против армии Врангеля с 15/X – 1920 г. по 29/XI – [19]20 г.</p> <p>В должности нач[альника] экспед[иционного] отряда против Унгерна с 23/IV по 24/IX – 1921 г.</p>
<p>XIII. Участие в политических занятиях и степень политической подготовки</p>	
<p>XIV. Когда вступил в службу в старой армии (рядовым или юнкером) последний чин и должность</p>	<p>Принят по жребию и зачислен рядовым 29-го Сиб[ирского] стр[елкового] полка – 12/XII – 1906 г.</p> <p>За боевые отличия произведен в чин прапорщика – 15/VIII – 1915 г. Пос[ледний] чин – поручик – ноябрь 1917 г.</p>
<p>XV. Пребывание в белых или иностранных армиях, а также антисоветских партизанских частях. По какой причине остался на службе в Красной Армии</p>	<p>Нет</p>
<p>XVI. Краткие сведения о служебной деятельности (советской, партийной, профессиональной)</p>	<p>Занимал должность товарища председателя Ачинского уисполкома – с V по VIII – 1920 г.</p> <p>Член Енисейского губисполкома с VIII – 1920 г. по III – 1921 г.</p>

П[одлинный] п[одписал] за нач[альника]
стр[елковой] части комиссар Военной академии РККА

Павлов

пом[ощник] нач[альника] стр[елковой] части

подпись

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1011. Л. 49–51. Копия заверенная. Машинописный текст.

№ 42

**Удостоверение государственной внутренней охраны
Монголии, выданное П.Е. Щетинкину как инструктору
военно-пограничного отдела, командированному
в пограничную полосу Монголии**

20 ноября 1926 г.

Дано инструктору ВПО ГВО тов[арищу] ЩЕТИНКИНУ Петру Ефимовичу в том, что он действительно командируется по делам службы в пограничную полосу Монголии.

Предлагается всем властям оказывать полное содействие в выполнении им служебных обязанностей, что подписями и приложением печати удостоверяется. Срок командировки до 1 месяца.

П[одлинный] п[одписал] начальник ГВО
Главн[ый] инструктор ГВО

Хаин Хирза
[Я.Г.] Блюмкин⁷¹

ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1010. Л. 38. Копия заверенная. Машинописный текст.

№ 43

**Телеграмма представителя ОГПУ Я.Г. Блюмкина
полномочному представителю ОГПУ по Сибири
Л.М. Заковскому⁷² об отправке тела
П.Е. Щетинкина в Новосибирск**

2 октября 1927 г.

11 час. 21 мин.*

г. Улан-Батор**

Тело [П.Е.] Щетинкина отправляем сегодня ночью [на] машине [в] сопровождении трех товарищей[.] Тело набальзамировано [и находится в] двух гробах[.] Блюмкин.

ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1008. Л. 11. Подлинник. На телеграфном бланке.

* Указана дата и время получения телеграммы.

** В документе указано устаревшее название Урга.

№ 44

**Телеграмма председателя улан-баторской похоронной
комиссии в комиссию при Сибкрайисполкоме
по похоронам П.Е. Щетинкина об отправке тела
П.Е. Щетинкина в Новосибирск**

2 октября 1927 г.

12 час. 35 мин.

г. Улан-Батор*

2 октября [в] 4 часа отправляем прах заслуженного стойкого борца за дело революции дедушку Щетинкина[,] сумевшего быть приводным ремнем между пролетарской революцией [и] национально[-]революционно[-]освободительным движением Монголии[,] умершего на посту революционной деятельности[.] Потеря есть большая[.] Общее собрание членов партии[,] комсомола[,] союзов граждан СССР выражает вам глубокое соболезнование[.] Заверяем, что дело Щетинкина[,] за которое он боролся [и] умер[,] будет нами [подхвачено с] удесятенной энергией и силой производимая жизнь[.]** Председатель комиссии [по] похоронам Шименков[.]

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1008. Л. 12. Подлинник. На телеграфном бланке.

№ 45

**Протокол № 1 заседания комиссии при Сибкрайисполкоме
по проведению похорон П.Е. Щетинкина**

3 октября 1927 г.

10 час.

г. Новосибирск

Присутствуют: т[оварищи] [М.] Ковалев, Вaleyко, [В.Д.] Вегман⁷³, Рещиков, [Б.А.] Бак, от Н[ово-]Сиб[ирского] окружкома [ВКП(б)] Палицкий
Председатель – т[оварищ] [М.] Ковалев

Слушали:	Постановили:
1. О вводе дополнительно в состав комиссии	В состав комиссии дополнительно ввести пред[седате]ля крайсовпрофа; партизана т[оварища] Лидина и поручить т[оварищу] [В.Д.] Вегману на совещании партизан 5/Х – выделить 2–3 чел[овека] партизан
2. О средствах для похорон	Похороны произвести за счет Сибкрайисполкома

* В документе указано устаревшее название: Улан-Батор-хото.

** Так в документе.

3. О составе делегации для посылки на встречу тела Щетинкина	<p>1) Послать т[оварищей] 1) Лидина, 2) Валеико, 3) Калинина (член СКИК), 4) и одного жел[езно]до-рожн[ого] рабочего.</p> <p>2) По получении телеграммы из В[ерхне]-Удинска, о выходе поезда с телом т[оварища] Щетинкина, поставить об этом в известность телеграммой окруж-комы, находящиеся по пути следования тела, для своевременной ими подготовки митингов</p>
4. О характере похорон и участии в них партизан	<p>1) Послать телеграмму округам, о посылке в Ново-сибирск для участия в похоронах делегаций парти-зан от трех до пяти ч[еловек] за счет окрисполкомов.</p> <p>2) В похоронах принимают участие партийные, про-фессиональные и военные организации.</p> <p>3) Гроб с телом т[оварища] Щетинкина по приезде до похорон установить в б[ольшом] зале Дворца Труда⁷⁴.</p> <p>4) Распорядок и церемониал – для похорон с орга-низацией почетного караула поручить разработать т[оварищам] Баку и Батенину.</p> <p>5) Поручить вытребовать из городов по пути следо-вания, где находятся партизанские знамена (т[ова-рищ] Валеико).</p> <p>6) Тело т[оварища] Щетинкина похоронить вблизи братской могилы в сквере возле Д[ома] Ленина⁷⁵</p>
5. Участие печати	<p>Поручить т[оварищу] Вегману поместить ряд ста-тей в [«]Сов[етской] Сибири[»] в память т[оварища] Щетинкина и организовать митинг в день похорон, в отношении выступления ораторов о памяти т[овари-ща] Щетинкина</p>
6. Обеспечение семьи т[о-варища] Щетинкина	<p>Просить СКИК принять меры к обеспечению семьи т[оварища] Щетинкина как единовременной помо-щью теперь, так и в будущем пенсионной</p>
7. О присвоении имени т[оварища] Щетинкина	<p>1. Присвоение имени т[оварища] Щетинкина произ-водить с разрешения комиссии.</p> <p>2. Просить Сибосоавиахим один из строящихся аэ-ропланов на средства, собранные в Сибири, назвать именем Щетинкина</p>

8. Хозяйственные вопросы	Организацию всех хозяйственных вопросов, как-то: встреча делегаций партизан, их размещение, питание, рытье могилы возложить на т[оварища] Решикова, с привлечением для технического выполнения т[оварища] Марченко
9. Пожертвования венка	1) Возложить венки от СКИК из живых цветов и металлических. 2) Пожертвования вместо венков передать в фонд беспризорных

Председатель

т[оварищ] [М.] Ковалев

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1008. Л. 1–3. Подлинник. Машинописный текст. Автограф М. Ковалева.

№ 46

Протокол заседания президиума Сибкрайисполкома об организации похорон П.Е. Щетинкина

3 октября 1927 г.

г. Новосибирск

Председательствовал тов[арищ] [Р.И.] Эйхе

[...]*

Слушали:

1. О похоронах вождя б[ывших] красных партизанских отрядов тов[арища] П.Е. Щетинкина (д[окладчик] т[оварищ] Решиков)**

Постановили:

1.*** Расходы по проведению похорон тов[арища] Щетинкина принять за счет Сибкрайисполкома.

2.**** Для встречи тела тов[арища] Щетинкина выслать в Иркутск специальную делегацию в составе т[оварищей] Лидина, Валеико, Калинина (члена СКИКа) и одного жел[езно]дор[ожного] рабочего.

3.***** Поручить делегации возложить на гроб тов[арища] Щетинкина от Крайисполкома венки.

4.***** Возбудить ходатайство перед наркомсобесом о назначении семье тов[арища] Щетинкина персональной пенсии.

* Опущен состав присутствующих.

** Дописано от руки.

*** Исправлено на 4.

**** Исправлено на 1.

***** Исправлено на 2.

***** Исправлено на 3.

Председатель Сибирского краевого исполнительного комитета (Р.И.] Эйхе)
 Секретарь Сибкрайисполкома (Решиков)

ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 438. Л. 141. Подлинник. Машинописный текст. Автографы Р.И. Эйхе, Решикова, десяти членов президиума Сибкрайисполкома.

№ 47

Телеграмма председателя комиссии при Сибкрайисполкоме по похоронам П.Е. Щетинкина в окрисполкомы Иркутска, Тулона, Красноярска, Ачинска, Томска, Канска об организации встречи поезда с телом П.Е. Щетинкина

3 октября 1927 г.
 г. Новосибирск

[Во] время прохода поезда [с] телом товарища [П.Е.] Щетинкина организуйте встречу[.] [За] всеми справками обращаться [к] представителю [Сиб]крайисполкома, следующему [с] телом* товарищу Валейко.

Предкомиссии [по] похоронам [М.] Ковалев

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1008. Л. 13. Отпуск. Машинописный текст.

№ 48

Радиограмма председателя комиссии при Сибкрайисполкоме по похоронам П.Е. Щетинкина о формировании делегации партизан для участия в похоронах П.Е. Щетинкина

3 октября 1927 г.
 г. Новосибирск

Тулуна – телеграфом, Новосибирск – почтой

Десятого октября предполагаются похороны товарища [П.Е.] Щетинкина[.] [Для] участия [в] похоронах [к] девятому [октября] вышлите делегацию партизан не более пяти человек [от] округа[.] Проезд обеспечьте средствами [за] счет Окрисполкома[.]

Пред[седатель] комиссии [по] похоронам ([М.] Ковалев)

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1008. Л. 14. Отпуск. Машинописный текст.

* Рукописная вставка.

№ личного дела 365.

Форма № 1.

АНКЕТА

Для членов и кандидатов Р. К. П. (б-ов) Красной Армии и Флота.

Общие сведения.

1. Наименование части или учреждения	Штаб Сиб. пограничного округа войск Т.Ф.У.
2. Занимаемая ныне (к моменту учета) должность и время вступления в нее.	Начальник штаба - военком
3. Фамилия <i>Щетинкин</i> имя <i>Петр</i> отчество <i>Ефимович</i>	
4. Год рождения	1884
5. Место рождения (губерния и уезд)	Рязанской г. Касимовского у.
6. Семейное положение, кто из членов семьи состоит на иждивении	Женат, жена и четверо детей
7. Национальность	Русский
8. Родной язык	Русский
9. Какими еще языками владеет	Нет
10. Социальное положение (рабочий, крестьянин, служащий).	Крестьянин
11. Образование: а) общее б) военное в) специальное г) партийное	Низшее Военно-Академический курс Нет. Нет.
12. Основная профессия и чем занимался до революции	Артиллер

Партийно политическая работа.

13. С какого времени состоит членом или кандидатом Р.К.П.	Членом с 1 ^{го} марта 1918г. Кандидатом
14. Какой организации и № партбилета или кандидатеиной карточки	Московской орг. Рабочий-Красноармейский рай 123182
15. Принадлежал ли к другим партиям, к каким именно и с какого времени и по какому	Нет.
16. Какую партийную и политическую работу вел до Февральской революции	Нет
17. Какую партийную и политическую работу вел с Февральской до Октябрьской революции	Нет
18. Подвергался ли наказаниям за политическую работу, когда, где, каким именно	1918 году в Мичуринском уезде председательским Союзом в. Кошканы
19. Квоту принимал участие в Октябрьском перевороте и где	Не принимал
20. Какую партийную работу вел, начиная от Октябрьской революции и до сего времени	Вспомогательный Коммунист до Исполнительный организационный
21. Подвергался ли партийным взысканиям, когда, каким и за что	Нет.

Анкета П.Е. Щетинкина, начальника штаба Сибирского пограничного округа войск ОГПУ. 14 декабря 1922 г., Новониколаевск.

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

22. СОВЕТСКАЯ РАБОТА		
Какие занимал должности	В каких учреждениях	С какого времени и по какое
Председатель Амурского уездного и Коменданта Амурского уезда	В уездном и губернском	с 1-го августа 1920 с 1-го августа 1920 г. по августу 21 г.
23. РАБОТА В ПРОФСОЮЗАХ		
В каких профсоюзах состоял и состоит	Какие исполнял и исполняет обязанности	С какого времени и по какое
Не состоял	нет	нет
Служба в старой армии.		
24. Военное звание или чин в старой армии и род оружия	Штабс-Капитан Кавалер	
25. Был ли на фронте в империалистическую войну, на каком и как долго	На Западном фронте три с половиной года	
Строевая и административно-хозяйственная работа в Красной Армии.		
26. Когда и по какой мобилизации или добровольно вступил в Красную Гвардию или Красную Армию	Добровольно с октября 1918 г.	
27. ПРОДВИЖЕНИЕ ПО СЛУЖБЕ		
Какие занимал должности	В каких частях, управлениях и учреждениях состоял	С какого времени и по какое
Командира полка и командира бригады	в 21 стр. полку и в 1-й бригаде Крем. дивизии Амурского фронт	с 27 октября по 31-е декабря 1920 г. с 15 января по 31 марта 1920 г.

Анкета П.Е. Щетинкина (продолжение)

7

28. Участвовал ли в боях в рядах Красной Армии, Гвардии, где и когда
 1) По отставке армии Врангеля в Крым 1920 г.
 2) По отставке в Уссурске в Н. Сибирском в 1921 году.

29. Был ли ранен, где, когда, сколько раз и куда
 Нет.

30. Имеет ли знаки отличия (орден Красного Знамени, часы и т. д.)
 Орден Красного Знамени № 2209

31. Какую политическую работу вел и ведет в Красной Армии
 По партийности военкомом.

32. Какую работу может выполнять (организационную, агитпропагандистскую, культурно-просветительную и пр. ч.)
 Организационную.

Разные сведения.

33. Находился ли под судом, арестом, следствием после революции и проч.
 Нет

34. Состояние здоровья
 Удовлетворительное

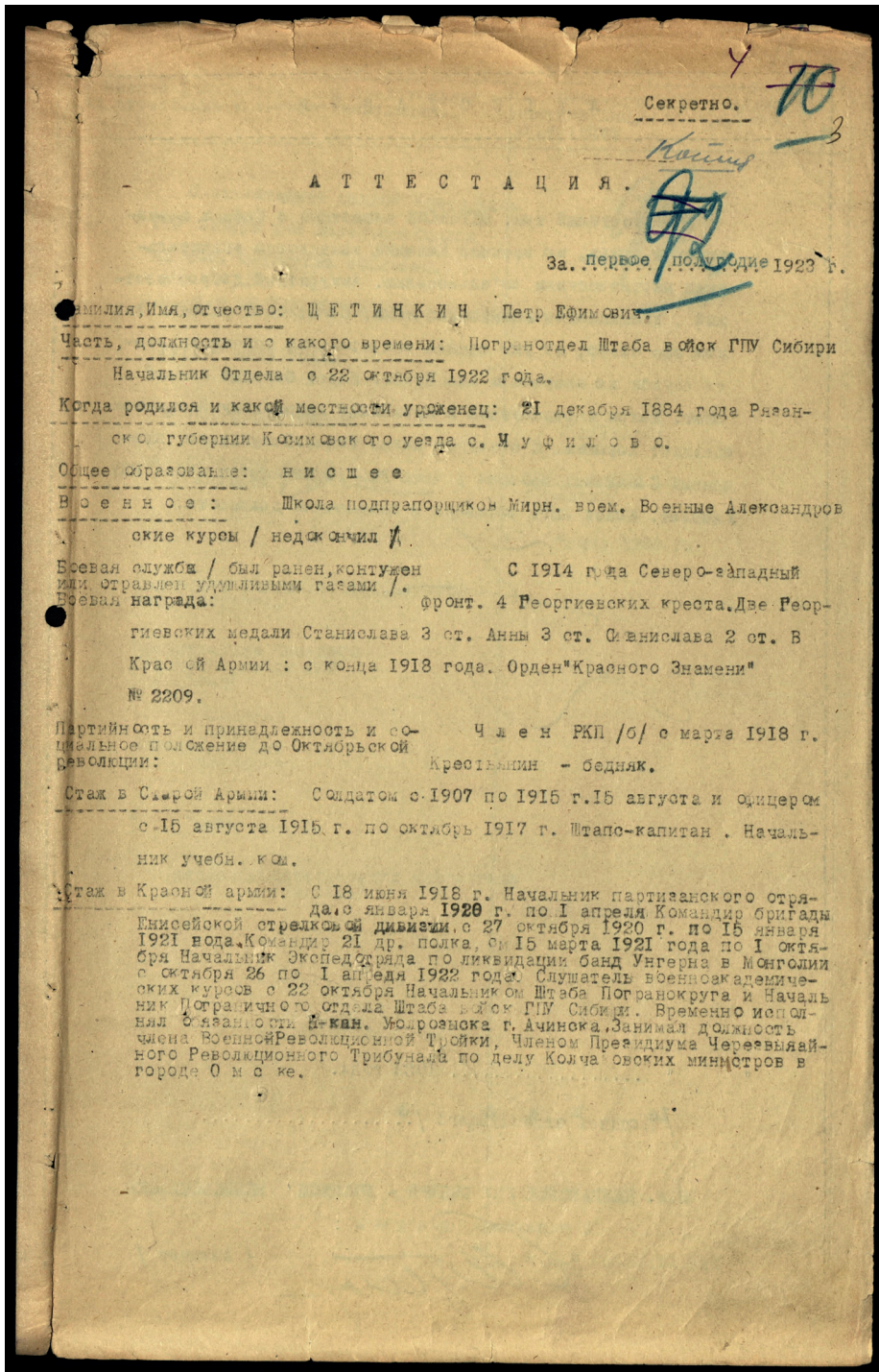
35. Адрес семьи и личный
 Ново-Кирдеевская ул. Максима Горького д. № 54

Подпись лица, дающего сведения
 Петр Ефимович Щетинкин
 14. Декабря 1921 года.

Отметки о перемещениях по службе.

В какую часть	На какую должность	Время перемещения, год, месяц и число	Основание	ПРИМЕЧАНИЕ.
Красноармейский госпиталь в Омске	ком. ст. санитарной роты	10/12-23 г.	Лич. св. № 3665	То же, что и в Омске
Особый взвод им. Калашова в 10-й Сибирской	Назначен в состав санитарной роты	1/1-24 г.	Лич. св. № 357	Лич. св. № 357

Анкета П.Е. Щетинкина (окончание). Архив УФСБ России по Новосибирской области. Ф.3. Личные дела. Д. 1151. Л.6-7.

Секретно.

А Т Т Е С Т А Ц И Я .

За первое полугодие 1923 г.

Фамилия, Имя, Отчество: ЩЕТИНКИН Петр Ефимович
 Часть, должность и с какого времени: Пограничный Штаб войск ГПУ Сибири
Начальник Отдела с 22 октября 1922 года.

Когда родился и какой местности уроженец: 21 декабря 1884 года Рязан-
ского губернии Косимовского уезда с. Муфилово.

Общее образование: ни с ш е е

Военное: Школа подпрапорщиков Мирн. воем. Военные Александров-
ские курсы / недокончил /

Всеобщая служба / был ранен, контужен С 1914 года Северо-западный
 или отравлен удивительными газами / фронт. 4 Георгиевских креста. Две Георг-
 Всеобщая награда: иевских медали Станислава 3 ст. Анны 3 ст. Станислава 2 ст. В
Красной Армии: с конца 1918 года. Орден "Красного Знамени"
№ 2209.

Партийность и принадлежность и социальное положение до Октябрьской революции: Член РКП / с / с марта 1918 г.
Крестьянин - бедняк.

Стаж в Старой Армии: Солдатом с 1907 по 1915 г. 15 августа и офицером
с 15 августа 1915 г. по октябрь 1917 г. Штабс-капитан. Началь-
ник учебн. ком.

Стаж в Красной армии: С 18 июня 1918 г. Начальник партизанского отря-
да с января 1920 г. по 1 апреля Командир бригады
Енисейской стрелковой дивизии с 27 октября 1920 г. по 15 января
1921 года. Командир 21 др. полка с 15 марта 1921 года по 1 октя-
бря Начальник Экспедиционного отряда по ликвидации банд Унгерна в Монголии
с октября 26 по 1 апреля 1922 года. Слушатель военно-академиче-
ских курсов с 22 октября Начальником Штаба Погранокруга и Началь-
ник Пограничного отдела Штаба войск ГПУ Сибири. Временно испол-
нял обязанности й-кан. Услонская г. Ачинска. Занимал должность
члена Военной Революционной Тройки, Членом Президиума Черевыяй-
ного Революционного Трибунала по делу Кольчатовских министров в
городе Омске.

Аттестационные листы начальника штаба Сибирского пограничного округа войск ОГПУ П.Е. Щетинкина. 16 мая – 26 июня 1923 г., г. Ново-николаевск.

А Т Т Е С Т А Ц И Я

Аттестуемый тов. ЩЕТИНКИН известный в Сибири партизанский воевода, во времена Колчака командовал значительными партизанскими соединениями. Аккуратный, добросовестный, дисциплинированный работник. Со штабной работой знаком еще слабо, но уже сделал значительные успехи за время службы во вверенном мне Штабе. Имеет богатый боевой опыт. Делом интересуется и проявляет инициативу. Здоровьем обладает хорошим. К последней жизни годен. Безусловно преданный Советской власти человек / член РКП /. Назначено войска ГПУ Удонец. Может быть оставлен в занимаемой должности.

1923 года.

16 / Один из аттестующего / 3

Н.п. НАЙТОВОЙСК ГПУ СИБИРИ - ВОЕНКОМ / ВЕЛИКОСЕЛЫЦЕВ

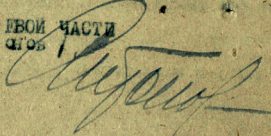

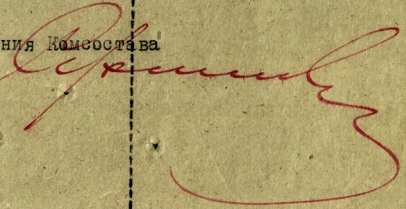
С подлинным верно:

НАЧ. ШТАБНОЙ ЧАСТИ

/ Антонов /

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

5 #

Мнение должностных лиц представляющих аттестацию в высшую инстанцию.	Окончательное решение должностных лиц, утверждающих аттестацию
С аттестацией данной Настава ГПУ Сибири тов. Великосоелцевым на тов. Щетинкина согласен.	
Н.п. ЗАМ ПИ ГПУ ПО СИБИРИ ОФМАРИН	
19/4 - 1923 года.	
С подлинным верно:	УТВЕРЖДАЮ:
НАЧ. СТРОИТЕЛЬНОЙ ЧАСТИ Ант. Соловьев 	Зам. Пред. ПИ Уиндихт/ 30 июня 1923 г.
Должности соответствует. Аттестацию утвердить.	
 Председатель Комиссии П. Е. Щетинкин	
Члены: Косматов Гольц Троицкий Медведев	
26 июня 1923 г.	
верно: Пом. начальника Комсостава Суханов/ 	

Аттестационные листы П.Е. Щетинкина (окончание). Архив УФСБ России по Новосибирской области. Ф.3. Личные дела. Д. 1151. Л. 4-5

Форма № 2.

К о п и я.

Совершенно секретно. 132

Характеристика

На Пом. ст. инспектора войск ОГПУ Сиб. по стр. части
(Наименование должности, Отделения и органа)

Тов. Ще т и н к и н П. Е. Петра Ефимовича.
(Фамилия, имя и отчество)

За время с 1-го апреля 1924 г. по 1-го октября 1924 г.

А. Оценка результатов выполненной работы.

Характеристика должна охватывать следующие стороны работника за отчетный период времени.	ИЗЛОЖЕНИЕ
1. Являлся ли фактическим руководителем (проявлял ли инициативу) или только выполнял задания (формально выполнял работу).	Проявляет инициативу и является фактическим руководителем.
2. Проявлял ли умение подбирать работников и руководить ими.	Подбирать работников и руководить ими может.
3. Организаторские и административные способности.	Организаторские и административные способности имеет.
4. Способности в секр. оперативн. отрасли работы.	Чекистской-Секретно-Оперативной работы не вел.
5. Работоспособность	Весьма работоспособен.
6. Особые заслуги в секр. операт. отрасли работы.	См. п- 4.
7. Следует ли оставить на работе в той же области или целесообразнее использовать на новой работе в органах ОГПУ (мотивировать).	Следует оставить на той-же работе.
8. Есть ли возможность использовать на более ответственной работе (масштаб, отрасль и должность) и каковы данные к использованию.	Дока н е т.

Характеристика начальника штаба Сибирского пограничного округа войск ОГПУ П.Е. Щетинкина. 1 октября 1924 г., г. Новониколаевск.

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

Б. Личные качества.

1. Энергия и дисциплинированность	Дисциплинирован, энергичен.
2. Настойчивость в проведении принятых решений.	В проведении принятых решений настойчив.
3. Умение владеть собой (выдержанность).	Собой владеет хорошо.
4. Умение признавать свою ошибку и сделать из нее соответствующий вывод.	В ошибках осознается и спешит их исправить.
5. Отношение к товарищам по службе и к подчиненным по работе.	Нормальные.
6. Взаимоотношения с высшими инстанциями органов ОГПУ.	Те же.
7. Политическая подготовка.	Для занимаемой должности несколько слабая.
8. Особые достоинства и недостатки.	

Особые отметки

Ст. Инспектор войск ОГПУ Сиб. /Великоземельцев./
Подпись давших характеристику

„ 16 “ Октября 1924 г.

Берн: Зав. Учетом Личности
/Вичужин/ *Вичужин*

Характеристика П.Е. Щетинкина (окончание). Архив УФСБ России по Новосибирской области. Ф.3. Личные дела. Д. 1151. Л.2-2об.

Петр Ефимович Щетинкин (портрет). 1925 г., г. Новониколаевск.

№ 15588

Форма № 1. 4

Категория _____ Группа _____ № _____

ПРИМЕЧАНИЕ. _____

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК
для лиц состоящих на службе в органах
Г. П. У.

Отметка о снятии
с учета
Копия

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ (общие сведения).

1. Фамилия, клчка (указ. в скоб.).	ЩЕТИНКИН Петр Ефимович
2. Имя и отчество	
3. Место службы:	Штаб войск РИУ Сибири
а) наим. органа.	
б) часть и отделение	Помощник Нач. Штаба
в) занимаемая должность.	
г) с какого врем. в дан. орг.	с « 3 » Октября 1922 г.
в послед. долж. дан. орг.	с « 22 » Октября 1922 г.
д) откуда приб.	Из Енисейского Губкома (указ. наим. органа).
4. Время и место рождения (приписки)	В 1884 г. 30/ХII Рязанской губ. Касимовского уез. Неверовской вол. с. Чубилова сел. (дер.)
5. Национальность	Великоросс, белорусс, украинец, еврей, грузин, армянин, банкир, киргиз, татарин, туркмен, чуваш, или
6. Социальное положение:	Из семьи рабоч., крестьян-беляка, средняка, служашего, ремесленника, мещанина, дворянина, личн. и почетн. гражд., купца, духовн. зван., офицера, чиновника, помещика или
а) по происхождению.	
б) по личному положению	Промышл. рабоч., землепашец, батрак, ремесленник, торговец, приказчик, служащ. в торг.-предпр. банках, заводах, сов. учр., предпр. учитель, б. офицер, учащийся или
7. Профессия (основная специальность)	
8. Партийность	Беспартийный, кандидат или член РКП (б), РКСМ. Личинской организ. с « 1 » марта 1923 г. чл. бил. № 123132
б) если ранее состоял в РКП, указать причину выхода	
9. Состоял-ли ранее в других парторганизациях:	Не состоял
а) на каких именно.	
б) где	
в) когда и сколько времени	
г) причины выхода	

Послужной список П.Е. Щетинкина. 1926 г. Архив УФСБ России по Новосибирской области. Ф.3. Личные дела. Д. 1151. Л.4-6об.

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

10. Образовательный ценз:	а) Неграмотен, плохо грамотен, читаю, пишу по-русски.
	б) Учился в приходской школе, городском училище, реальных, агрономической, технической, железнодорожном, гимназии, военном или
	в) Окончил средн. школу [указать какую]
	Окончил высш. учебн. завед. [указать какое]
	Студент [указать учебное заведение]
	Курса
11. На каких языках, кроме русского говорите читаете пишете	н е т
12. Семейное положение	Женат, холост, вдов
13. Члены семьи, живущие на иждивении: Всего	5 чевов. из них: отец, мать, братья, сестры, ча, дети и
14. Кем и когда принят на учет как военнообязанный	Штабом ВРЧУ Республики [Наименование учреждения] С. 1, Апреля 1925 г. Учетн. карт. №
15. Если освобожден от призыва в Красную Армию и Флот, то: кем по какой причине по каким документам	Числюсь военнообязанным согласно приказа РВСР

16. Прохождение службы до и после Февральской Революции [кроме органов ГПУ (ВЧК)] — в хронологическом порядке:

а) в гражданских, общественных и военных учреждениях, организациях и предприятиях.

Наименование учреждений, организаций и предприятий	Занимаемые должности	ДАТА	
		с	по
Ачинск Уголов. Ровенск Отганиз. крестьянск. восстан.	Начальником Нач. отряда	5/III-18г.	1/IV-18г.
В Комис. по восстановл. разрушенных хозяйства в Сиб.	Уполном. Чекхоזה по Енисейской губ.	1/VI-29г.	27/IV-30г.
Ач. Уисполком	Тов. Председателк	5/III-30г.	1/IV-31г.
Ачинский Уком	Член Президиума	15/III-31г.	1/IV-31г.
Вн. Губисполком	Член Губисполкома	15/III-30г.	15/III-30г.
Экспед. отр. в Монголии	Начальником	15/III-31г.	21/IV-31г.
Военно-Академич. курси	Слушателем	1/VI-31г.	1/IV-31г.

б) в частях старой и Красной Армии и Флота.

Наименование воинских частей	Чин в старой армии и флоте, должность и военн. специальн. в стар. и Кр. Арм. и Фл.	ДАТА	
		с	по
29 Сиб. стр. полк	прапорщик Кошоты	15/III-18г.	1/IV-18г.
59 сиб. стр. полк	Нач. Уч. К-дн	1/IV-18г.	1/IV-18г.
Партизанский отряд	Начальником	1/VI-18г.	1/IV-20г.
21 стр. полк Кр. Армии	Ком полка	27/IV-20г.	1/IV-20г.

Послужной список П.Е. Щетинкина (продолжение)

17. Чекистский стаж (по времени и специальности):

а) время поступления вообще в органы ГПУ (ВЧК) *« 1 » Апрель 1922 г.*

Откуда прибыл *Из командного штаба РККА*
[наименование учреждения и организации]

б) прохождение службы в органах ГПУ (ВЧК) в хронологическом порядке со времени поступления вообще и до момента состояния в последней должности:

НАИМЕНОВАНИЕ ОРГАНОВ Г. П. У. [В. Ч. К.]	Занимаемые должности, в каком Отделении и продолжительность пребывания в должности (указ после каждой должности в скобках число месяцев).	В каком году работал в данном органе
Штаб ВРМУ Сиб.	Нач. Штаба Погран. Округа /8м./	1922 3/4
КРО ЦТ ГПУ Сиб.	Нач. 3-го Отд. КРО /8/ Пом. Нач. Штаба /3 мес./	1923г. с марта

18. Проходил ли Аттестаци. Комис. в орган. ГПУ *не проходил* когда *не подвергался*
результат чистки *не подвергался* (наименов. органа)

19. Подвергался ли репрессиям за принадлежность к парт. (каким именно) или вообще по политическим делам:
а) до Феврал. Революц. *нет*
б) от Феврал. до Октябр. Революц. *нет*

20. Подвергался ли взысканиям или наказаниям по суду или к администр. порядку с ограничением преимуществ и прав по службе:
а) Когда *нет* б) за что именно *нет*
в) в каком порядке *нет*

За правильность данных мною сведений готов нести ответственность по закону. (Подпись) *ЩЕТИНКИН*

М. П. *п.п.* Нач. Общ. Части (подпись) */Волосянкин/*
192 г. Зав. Стол. Личн. Состава (подпись)

Примечание 1 — Из всего перечисленного в ответах по пунктам 5, 6, 8, а, 10-а, 6, 12 и 13 подчеркнуть соответствующие слова, показанные курсивом.
Примечание 2 — При представлении послужного списка в ГПУ и вышестоящей органе подлежит заполнению, указанное в начале списка, следующее: категория, группа, номер, примечание и отметка о снятии с учета.

В. В. РИ О ЗАВ. УСТ. Лич. СОСТАВА

Волосянкин

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

ВТОРАЯ ЧАСТЬ (ПРОХОЖДЕНИЕ СЛУЖБЫ)		ВРЕМЯ		3. Изменения в семейном положении. а) В чем выразилось изменение. б) Когда именно. в) По каким документам.
Зачисление на первую и какую именно должность, дальнейшее движение по службе, командировки, отпуска, болезни, награды, ранения, вызывания, наказания, особые заслуги в работе, аттестации о работе и проч.	Год	Месяц и число	Номер приказа	
				Освобождается от занимаемой должности и откомандирован в Штаб войск ПТУ Сибирь
Изюбначности Борисов Начадминотделения /подпись/ зав. От. лич. состава Иданова				
Верно:				
Назначен на должность Пом. ст. Инспектора ВОПТУ Сибирь	24	18/X	50/орг	
Донес рапортом о вступлении во временное исполнение должности Старшего Инспектора ВОПТУ по Сибирь	24	10/У	83-3	
Полагать в кратковременном отпуску с 13/VI по 16/VI	24	20/VI	102-2	
Обратиться к испол. прямым обязанностям по должности Пом. Старшего Инспектора ВОПТУ Сибирь	24	19/IX	209/инсп.	
Полагать в отпуску в гор. Семипалатинске сроком на один месяц	24	23/IX	212/орг	
Полагать на лицо	24	23/X	229/орг	
По совместительству должности п-старшего Инспектора ВОПТУ Сибирь назначен Командиром и Военкомом 9-го полка ВОПТУС	24	13/XI	249-	
Назначается на должность врид. старшего Инспектора ВОПТУ Сибирь округа	24	25/XI	169-2	
Вступил в Врид. Ст. Инспектора ВОПТУ Сиб. <i>26/11 17/21</i>				
По реорганиз. внутр. частей ВОПТУ Сибирь по приказу ВОПТУ № 14/6				
Назначен на должность Командира ВОПТУС 9-го полка с исполнением обязанностей Ст. Инспектора ВОПТУ Сиб. <i>1925 28/12 13/орг. ПТУС Сиб.</i>				
Полагать на лицо приквотире. с 22/II <i>1925 24/II 4033 приказ ПТУС</i>				
По выздоровлению полагать на лицо и приступившим к исполнению обязанностей Ст. Инспектора ВОПТУ Сиб. <i>1925 5/II 4433 приказ ПТУС</i>				

Послужной список П.Е. Щетинкина (продолжение)

16
6

ВТОРАЯ ЧАСТЬ (ПРОХОЖДЕНИЕ СЛУЖБЫ)			3. Изменения в семейном положении а) В чем выразилось изменение б) Когда именно в) По каким документам
Зачисление на первую и какую именно должность, дальнейшее движение по службе, командировки, отпуска, болезни, награды, ранения, взыскания, наказания, особые заслуги в работе, аттестации о работе и проч.	ВРЕМЯ		
	Год	Месяц и число	Номер приказа
Положить в Службедной Командировке по обследованию и инспектированию отрядов 3-й палки на территории от пригородных ОЗМУ Омск, Тюмень, Красноярск, Иркутск и Барнаул	1925	25/10	573.1
Из Службедной Командировки, из Омск, Тюмень, Красноярск, Иркутск и Барнаул. Возвратился	1925	13/11	693.2. 13/11
Положить в Службедной Командировке в г.р. Москву	1925	14/11	693.2. 13/11
Из Службедной Командировки прибыл и приступил к исполнению своих обязанностей	1925	5/12	803.1. 6/12
Назначен в.ч. Наркоцентра с совмещением должности вешающего делами 3-й палки Вост. У.	1925	16/1	87/пр. 23
Положить уволившись в Службедную Командировку по обследованию отрядов 3-й палки расквартированных при суботделах ОЗМУ	1925	10/1	883.1

Послужной список П.Е. Щетинкина (продолжение)

ПЁТР ЕФИМОВИЧ ЩЕТИНКИН

П.Е. Щетинкин (первый справа) на охоте. 1927 г., г. Улан-Батор (Монголия).

П.Е. Щетинкин (первый слева) на охоте. 1927 г., г. Улан-Батор (Монголия).

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

Группа слушателей Курсов усовершенствования высшего командного и начальствующего состава (КУВНАС) при Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе. Третий слева в 4-м ряду – П.Е. Щетинкин. 1926 г., г. Ленинград.

Группа слушателей КУВНАС на артиллерийском полигоне после стрельбы. В центре (стоит в светлом плаще) – П.Е. Щетинкин. 1926 г., г. Ленинград.

ПЁТР ЕФИМОВИЧ ЩЕТИНКИН

П.Е. Щетинкин (стоит слева в 3-м ряду), В.А. Щетинкина (сидит крайняя слева) с детьми и родственниками. 1920-е гг.

П.Е. Щетинкин (второй справа в 1-м ряду) с членами Монгольского правительства. 1927 г., г. Улан-Батор.

Встреча поезда с телом П.Е. Щетинкина. У вагона стоят Уланов Василий Алексеевич, Щетинкина Васса Андреевна (вдова П.Е. Щетинкина), дети П.Е. Щетинкина: Клавдия, Александр, Алексей. Октябрь 1927 г., г. Иркутск.

Похоронная процессия к месту захоронения П.Е. Щетинкина в Сквере Героев революции. 10 октября 1927 г., г. Новосибирск.

ПЁТР ЕФИМОВИЧ ЩЕТИНКИН

Семья Щетинкиных. Сидят: Васса Андреевна, сын Алексей; стоят: сын Александр, дочь Клавдия, дочь Надежда. [1927 г.]

Семья Щетинкиных. Сидят (слева направо): дочь Клавдия, Васса Андреевна, сын Александр; стоят: дочь Надежда, сын Алексей. 1936 г., г. Новосибирск.

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

Извещения организаций о смерти и похоронах П.Е. Шетинкина, опубликованные в газете «Советская Сибирь».

«Советская Сибирь» от 9 октября 1927 г. № 232. С. 5.

ТЕЛО ЩЕТИНКИНА ДО ПОХОРОН БУДЕТ ПОМЕЩЕНО ВО „ДВОРЦЕ ТРУДА“

Для участия в похоронах из городов Сибири сформированы делегации бывших партизан

ЩЕТИНКИНА ПОХОРОНЯТ У БРАТСКОЙ МОГИЛЫ

В Сибкрайкоме создана комиссия по организации похорон тов. Щетинкина. В комиссию вошли: М. Ковалев, В. Верман, Б. Бак, Решиков, Валейко, Громов, Лидин, Козлов и Ашахманов.

Как у нас сообщалось, Щетинкина решено похоронить в Новосибирске в сквере за «Домом Ленина», возле братской могилы.

Одновременно с Новосибирском, Красноярск, Ачинск и Минусинск — города, связанные с партизанской деятельностью Щетинкина — выразили желание, чтобы он был похоронен на одной из площадей этих городов. Если принять во внимание, что партизанская деятельность Щетинкина была направлена к тому, чтобы освободить от колчаковщины всю Сибирь, и носила поэтому не местный, а общесибирский характер, то надо признать, что тело должно быть похоронено именно в Новосибирске, как краево́м центре Сибири.

Набальзамированное тело Щетинкина, положенное в цинковый гроб, находится сейчас в пути к Верхнеудинску. Как только станет известным, когда тело прибывает в Новосибирск, будет объявлен день и час, а также церемониал похорон.

Для встречи тела и для возложения на гроб венков от имени Сибкрайисполкома, Сибкрайкома и партизан, вчера выехала в Иркутск делегация.

По пути следования тела на железнодорожных станциях будут организованы траурные митинги.

Для участия в похоронах в Новосибирск съедутся партизанские делегации из разных городов.

Гроб с телом Щетинкина будет выставлен в большом зале «Дворца Труда». У гроба будет дежурить почетный караул из партизан, участников гражданской войны, красноармейцев, отрядов ГПУ, членов Сибкрайкома и Сибкрайисполкома.

Несколько организаций выразили желание заменить венки на гроб Щетинкина отчислением в пользу беспризорных. Комиссия признала это желание вполне целесообразным. Со своей стороны рекомендует вместо расходов на венки делать пожертвования в фонд беспризорных.

Сибкрайисполком примет меры к полнейшему обеспечению семьи Щетинкина.

НА ПУТИ В ВЕРХНЕУДИНСК

Из Урги получена телеграмма о том, что 3-го октября, тело Щетинкина, в сопровождении делегации, в которую входит представитель от Монгольской республики, отправлено в Верхнеудинск.

Материалы, опубликованные с аншлагом «Тело Щетинкина до похорон будет помещено во «Дворце Труда»» в газете «Советская Сибирь».

МИНУСИНСК УВЕКОВЕЧИТ ПАМЯТЬ ТОВА ЩЕТИНКИНА

Окружной ипподром назван именем Щетинкина. — Начинается сбор средств на постройку памятника погибшим партизанам-щетинкинцам

МИНУСИНСКИЕ И ХАКАССКИЕ ПАРТИЗАНЫ ПРЕДЛАГАЮТ
В ЧЕСТЬ ЩЕТИНКИНА ПЕРЕИМЕНОВАТЬ УЛИЦЫ В МИНУСИНСКЕ,
КРАСНОЯРСКЕ, НОВОСИБИРСКЕ, АЧИНСКЕ И УСТЬ-АБАКАНСКЕ

МИНУСИНСК, 12. (Наш корр.). Вест о внезапной кончине красного партизана Петра Щетинкина, удручающе подействовала не только на бывших его соратников партизан, но и на все крестьянство Минусинско-Хакасского округов.

В деревне Уджей, крестьянки, мужья и сыновья которых побывали в рядах армии Щетинкина, буквально оплакивают его кончину.

Город Минусинск, освобожденный Щетинкиным в 1919 году от разгрома колчаковских карателей, решил увековечить память освободителя.

Президиум минусинского городского совета постановил переименовать центральную часть города — Советскую площадь — в площадь имени тов. Щетинкина.

Горькомхозу поручено устроить на этой площади сквер имени вождя партизан.

Строющийся на Тагарском острове (за протокой) окружной ипподром, также

решено назвать именем тов. Щетинкина.

Помимо этого, для увековечения памяти партизанского движения в нашем округе, решено построить на площади имени Щетинкина памятник павшим борцам революции — партизанам.

Горсовет предложил срочно создать специальную комиссию, которая будет занята сбором средств на памятник.

Место, где будет строиться памятник уже огорожено и первый камень заложен.

На страницах местной газеты начато обсуждение вопроса о переименовании Минусинска в город Щетинкинский.

Мнения на этот счет различны. Некоторые считают необходимым оставить прежнее название города, назвав Щетинкиным один из районов округа. Многие партизаны предлагают назвать именем Щетинкина улицы в Минусинске, Усть-Абаканске, Ачинске, Красноярске и Новосибирске. В. Маслов.

Материалы, опубликованные с аншлагом «Минусинск увековечит память тов[ари] Щетинкина» в газете «Советская Сибирь».

«Советская Сибирь» от 13 октября 1927 г. № 235. С. 3.

ПЁТР ЕФИМОВИЧ ЩЕТИНКИН

Бюст П.Е. Щетинкину, установленный в г. Новосибирске у ДК им. Дзержинского (ул. Серебренниковская) в 2020 г.

Фото Д.С. Карпова

№ 49

**Телеграмма председателя комиссии при Сибкрайисполкоме
по похоронам П.Е. Щетинкина в окрисполкомы Барнаула,
Камня⁷⁶, Минусинска о сборе партизанских знамен
на похороны П.Е. Щетинкина**

3 октября 1927 г.
г. Новосибирск

[В] связи [с] похоронами товарища [П.Е.] Щетинкина вышлите партизанские
знамена [в] Сибкрайисполком[.]^{*}

Предкомиссии [по] похоронам ([М.] Ковалев)

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1008. Л. 15. Копия заверенная. Машинописный текст.

№ 50

**Телеграмма председателя комиссии при Сибкрайисполкоме
по похоронам П.Е. Щетинкина в Иркутский окрисполком
о подготовке венков на гроб П.Е. Щетинкина**

Не позднее 3 октября 1927 г.
г. Новосибирск

Приготовьте два венка живых цветов [на] гроб [П.Е.] Щетинкина от крайкома
[ВКП(б)] [и] [Сиб]крайисполкома[,] вручите их выехавшей сегодня делегации [для]
встречи тела поездом № 4. [М.] Ковалев

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1008. Л. 22. Копия. Машинописный текст.

№ 51

**Телеграмма председателя комиссии при Сибкрайисполкоме
по похоронам П.Е. Щетинкина в Иркутский окрисполком
о возложении венка на гроб П.Е. Щетинкина**

3 октября 1927 г.
г. Новосибирск

* Рукописная вставка.

Возложите [на] гроб товарища [П.Е.] Щетинкина венки [от] имени Сибкрайпрофсовета тчк

Предкомиссии [по] похоронам

([М.] Ковалев)

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1008. Л. 17. Отпуск. Рукописный текст. Автограф М. Ковалева.

№ 52

Протокол № 2 заседания комиссии при Сибкрайисполкоме по проведению похорон П.Е. Щетинкина

6 октября 1927 г.

9 час.

г. Новосибирск

Присутствуют: [М.] Ковалев, Решиков, [Б.А.] Бак, [В.Д.] Вегман, Козлов, Ботенин, Редькин, пред[ставите]ль [«]Совсибири[»].

Председатель – т[оварищ] [М.] Ковалев.

Слушали:	Постановили:
1. Рассмотрение церемониала похорон (т[оварищ] Ботенин)	1. В общем плане церемониала утвердить, исключив лишь только намеченное траурное заседание, после похорон. 2. По приходе поезда с телом т[оварища] Щетинкина, гроб до момента похорон установить в Клубе транспортников ⁷⁷ . 3. В состав комиссии по похоронам, вместо отсутствующего тов[арища] Ашаханова ввести т[оварища] Ботенина. 4. Выбор и назначение докладчиков на митинг в день похорон возложить на т[оварищ] Козлова, Ботенина. 5. В сквере, в окружении братской могилы за Домом Ленина, ввиду того, что похороны должны будут состояться вечером, – установить временное электрическое освещение

Председатель

([М.] Ковалев)

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1008. Л. 4. Подлинник. Машинописный текст. Автограф М. Ковалева.

№ 53

**Материалы, опубликованные с аншлагом
«На похороны Щетинкина съедутся 150 партизан»
в газете «Советская Сибирь»**

8 октября 1927 г.
г. Новосибирск

По всем округам Сибири разосланы телеграммы с предложением командировать представителей на похороны т[оварища] Щетинкина.

На похороны прибудет 100–150 человек старых партизан.

КОГДА ПРИБУДЕТ ТЕЛО ЩЕТИНКИНА

Гроб с телом тов[арища] Щетинкина ожидается в воскресенье к 6-ти часам вечера.

ГДЕ БУДЕТ ВЫСТАВЛЕНО ТЕЛО ТОВ[АРИЩА] ЩЕТИНКИНА

По техническим соображениям, гроб с телом тов[арища] Щетинкина будет выставлен не в Рабочем Дворце, как у нас сообщалось, а в клубе транспортников.

ЦЕРЕМОНИАЛ

Церемониал похорон тов[арища] Щетинкина разрабатывается и будет опубликован в завтрашнем номере «Советской Сибири».

СКОЛЬКО ЧЕЛОВЕК ПОХОРОНЕНО ЗА «ДОМОМ ЛЕНИНА»

В братской могиле за «Домом Ленина»⁷⁸ похоронено 104 человека. Я живу здесь 22 года в 1919–[19]20 г., с прибытием Красной Армии я работал столяром в «Доме инвалидов» – сейчас штаб СибВО. Там же в подвале этих 104 человека отогревали и клали в гробы, так как они были сильно изуродованы и замерзшие. Оттуда я лично сопровождал и нес по очереди до могилы. В эту могилу положено было позже еще 3 человека – жертв колыванского восстания (июль – август 1920 г.)⁷⁹. Это точно. Если понадобится, могут подтвердить мои знакомые – участники похорон и работавшие вместе со мной и видевшие все вышесказанное.

И. Холкин

По вопросу о том, сколько человек и кто похоронен в братской могиле у «Дома Ленина» мне, как члену комиссии по похоронам жертв, известно следующее:

1. Все жертвы до похорон были свезены в похоронное бюро по Гуляевской ул.⁸⁰, 25 (это бюро существует и теперь), где им делались гробы и откуда они выносились без похорон.

2. Хозяин бюро руководил подготовкой, делал гробы и оттаивал убитых в бане и, несомненно, точное количество ему известно. В конце концов, у него остался

отпуск расписки, что за изготовление такого-то количества гробов им получена такая-то сумма. Эту расписку от него получал я, а она была из книги с корешком.

3. В делах комендантского управления города Новосибирска за январь 1926 года можно найти: акт комиссии по осмотру жертв, материал юридического отдела по выявлению личностей жертв за счет похоронного бюро.

Все эти документы были у меня на руках и сданы в архивное управление в конце января 1920 года. Копии с них вместе с фотографиями убитых были переданы – 1 экз. нач[альнику] милиции Центрального района тов[арищу] Быкову и 1 экз. в юридический отдел Новониколаевской губЧК.

Насколько мне не изменяет память – могила была приготовлена на 75 человек, но было похоронено там 74 человека.

А. Ивановский

«Советская Сибирь» от 8 октября 1927 г. № 231. С. 3.

№ 54

Статья В.Д. Вегмана «Щетинкинцы», опубликованная в газете «Советская Сибирь»

9 октября 1927 г.

г. Новосибирск

Много было партизанских фронтов, в борьбе с которыми изнемогала колчаковская армия. Один из таких фронтов организовал Щетинкин.

Щетинкин прошел хорошую военную школу. Он долго служил в царской армии и участвовал в империалистической войне, где за геройские подвиги дослужился даже до чина штабс-капитана. Как крестьянин по происхождению, Щетинкин, однако, тяготился этим царским чином. Когда же после Октябрьской революции власть взяли рабочие и крестьяне, Щетинкин решил целиком отдаться работе по укреплению рабоче-крестьянской власти, власти Советов. Он вступает в партию коммунистов и работает в Ачинском совете, занимая сравнительно скромную, но по тому времени весьма важную и ответственную должность, – начальника уголовного розыска. На этой должности и застал Щетинкин чехословацкий переворот.

Сибирские Советы свергнуты. Контрреволюция начинает распоясываться во всю. Чтобы избежать ареста или носильной мобилизации в ряды контрреволюционной армии, Щетинкин уходит в тайгу. С котомкой за плечами бродит Щетинкин из деревни в деревню, где ищет заработка в качестве плотника. Плотничье ремесло Щетинкин изучил еще в юношестве. Но Щетинкин не столько плотничает, сколько присматривается к крестьянам и прислушивается к их настроениям. Кое с кем из крестьян Щетинкин заводит разговоры, стараясь внушить каждому, что от эсеровской власти ждать хорошего нечего, что надо бороться за восстановление советской власти.

Переходя из села в село, Щетинкин решил на зиму осесть в дер[евни] Лапшиха, Ачинского уезда.

Власть в Сибири, между тем, перешла в руки диктатора Колчака.

Крестьяне стали искать выхода из создавшегося тяжелого положения.

Сибирь к тому времени была покрыта сетью подпольных коммунистических ячеек, которые собирали силы для свержения колчаковщины. Большая подпольная коммунистическая организация имела в Красноярске. Эта организация созвала 18 декабря 1918 года на подпольное совещание коммунистической ячейки Покровской, Ново-Еловской, Чертореченской и некоторых других волостей Ачинского уезда. Совещание, состоявшееся в дер[евне] Лапшиха, выбрало районный комитет, которому поручило организовать крестьян для борьбы с колчаковщиной. Пред районным комитетом встал вопрос, как же приняться за это дело. Тут они и вспомнили про живущего в их же деревне плотника из военных, который в беседах с крестьянами только и говорит, что о необходимости решительной борьбы с колчаковщиной. И от имени подпольной коммунистической организации Щетинкин приступил к формированию своего партизанского отряда. Связь с коммунистической партией придала партизанскому движению щетинкинского отряда вполне определенный характер. Щетинкинцы с первых же дней формировались не только для свержения колчаковщины, но и для борьбы за восстановление советской власти. И для этой борьбы Щетинкин мастерски использовал весь стратегический опыт, который он приобрел на фронте империалистической войны.

Не велик был первоначально отряд Щетинкина. В средних числах января 1919 г[ода] собрались в деревне Красная Семеновка первые военные силы Щетинкина – около 150 партизан, которые избрали Щетинкина «командующим вооруженными силами партизан». Но эти «вооруженные силы» были слишком малочисленны и очень слабо вооружены. Главная забота Щетинкина заключалась поэтому в том, чтобы как можно скорее увеличить свои партизанские силы и снабдить их оружием. Он выделил из своего отряда человек 60, которых разбил на группы и разослал по деревням для разоружения милиции, сбора оружия и вербовки партизан. К марту 1919 года отряд Щетинкина насчитывал уже 450 партизан. С этой группой смельчаков Щетинкин начал совершать свои героические подвиги. Особенно знаменателен бой под деревней Ольховкой. В этом бою 90 щетинкинцев, вооруженных только 18 винтовками, наголову разбили сильный отряд белых, который удрал, оставив партизанам свой обоз: 40 винтовок, 30 000 патронов и 50 лошадей.

Слава про Щетинкина быстро разнеслась по всем городам, селам и деревням Сибири. К Щетинкину начали стекаться не только крестьяне, но и рабочие с фабрик, заводов и шахт. Стекались все, кто решил собственными силами принять участие в свержении колчаковщины.

Колчаковцы встревожились. Они выслали против Щетинкина сильно вооруженный отряд численностью в 2 500 человек. Беляки окружили щетинкинцев и наступили на них одновременно со всех сторон. Храбро отбивались щетинкинцы. Лишь на седьмой день удалось им прорвать фронт беляков и отступить в Клюквенский район. Там они соединились с партизанским отрядом Кравченко. Образовалась единая партизанская армия численностью в 4 000 бойцов. Эта армия назвалась

«Крестьянской армией». Она представляла собой строго сформированную военную организацию. Она имела воинский устав, судную часть, армейский совет, главный штаб, хозяйственный отдел, мастерские, больницы, типографию и т.д.

Командующим Крестьянской армией был Кравченко, а Щетинкин – помощником командующего. В действительности же все командование находилось в руках Щетинкина, так как Кравченко был слаб здоровьем и, кроме того, он не был столь сведущ в ратном деле, как Щетинкин.

Жестоки были бои, которые партизаны вели с беляками в июне 1919 г. Плохо вооруженным партизанам приходилось туго. Было время, когда колчаковцам казалось, что они совершенно покончили с щетинкинцами.

Марченко, командиру одной части партизанского отряда Кравченко – Щетинкина, колчаковцы прислали письмо: «Настал момент, когда существование ваше окончено. Выдайте ваших главарей, в частности Кравченко и Щетинкина, тогда мы вам гарантируем свободу и неприкосновенность личности».

Посмеялись щетинкинцы над этим наглым предложением. Вот какой запиской ответили они белякам: «Выдайте нам верховного правителя Колчака и тогда мы вам гарантируем свободу и неприкосновенность личности».

Частые стычки с колчаковцами истомили партизан. Узнав, что Колчак двинул на них большую армию, с которой трудно теперь будет справиться, партизаны решили отступить к Монгольской границе, чтобы здесь передохнуть. Колчаковцы следовали за ними по пятам и под командой полковника Бологова ввязали партизан в бой под городом Белоцарском. Хотя бой был неравный – беляки превосходили партизан по численности и по своему вооружению, – тем же менее, щетинкинцы разбили беляков, захватив 1 000 винтовок, 12 пулеметов, 2 орудия, много шашек и револьверов и около 300 пленных. Убитых и утонувших в Енисее не сосчитывали. Из партизан пало в этом бою 36 человек. Их похоронили в братской могиле на высоком берегу Енисея.

Отдохнув, партизаны решили пойти на Минусинск, который они захватили 14 сентября. Колчак сидел еще в Омске и воображал, что его власть простирается над всей Сибирью, а над Минусинском и его районами развевалось, между тем, революционное красное знамя. В самом же Минусинске издавалась уже революционная газета «Соха и Молот», подбадривавшая партизан и все крестьянское население к борьбе за скорую и окончательную ликвидацию колчаковщины.

Кравченко-Щетинкинская армия тогда уже состояла из 15 000 партизан и достигла до 30 000 партизан, когда она вскоре вступила в Ачинск, где объединилась с Красной армией, шедшей ей навстречу.

Колчаковщина пала. Часть партизан разошлась по домам, чтобы заняться сельским хозяйством. Другая же часть не хотела расстаться со своим вождем. А когда в 1920 г. раздался призыв: «В бой на Врангеля», партизаны под командой Щетинкина отправились на юг, где гнали полки барона Врангеля в Черное море.

Вернувшись в Сибирь, партизаны во главе с Щетинкиным отражали бандитские налеты разных атаманов и генералов, нашедших приют в Монголии. Это Щетинкин со своими партизанами разбили унгерновские отряды и захватил в плен самого барона Унгерна.

И вот теперь Щетинкин умер. Но живы щетинкинцы. Они рассеяны по всей Сибири и хранят добрую память о своем герое-вожде, о своем друге-товарище.

Когда же раздастся призывный клич: «Враг наступает, выходи на защиту советской власти» – Щетинкицы, как один, соберутся, чтобы отстоять свое рабоче-крестьянское государство.

В. Вегман

«Советская Сибирь» от 9 октября 1927 г. № 232. С. 3.

№ 55

Протокол № 3 заседания комиссии при Сибкрайисполкоме по проведению похорон П.Е. Щетинкина

9 октября 1927 г.
г. Новосибирск

Присутствуют: т[оварищи] [Б.А.] Бак, [М.] Ковалев, Решиков, Козлов, Редкин, Петрушин, Кулагин, Новак и Турпин

Слушали:	Постановили:
1. Об организации оркестров для районов – Вокзального ⁸¹ и Закаменского ⁸²	1. Поручить тов[аришу] Редкину срочно выяснить возможности мобилизации оркестров по профсоюзам и предоставления их в распоряжение командующих районами.
2. Об охране процессии и площади – сквера за Домом Ленина у могилы	2. Возложить ответственность за охрану порядка и порядок шествия процессии от Клуба транспортников до сквера у Дома Ленина на милицию – персонально тов[арища] Кулагина. На сквере порядок поддерживают войска ГПУ – персонально возложить на тов[оварища] Новак.
3. О салюте	3. Установить салют: орудийный и паровозными свистками 5 мин.

Председатель

[М. Ковалев]

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1008. Л. 5. Подлинник. Рукописный текст. Автограф М. Ковалева.

№ 56

**Телеграмма председателя Верхнеусинского райисполкома
Евсеенко в комиссию при Сибкрайисполкоме
по проведению похорон П.Е. Щетинкина об инициативе
граждан Верхне-Усинска по сбору средств на постройку
самолета имени П.Е. Щетинкина**

10 октября 1927 г.
с. Верхнеусинское

Комиссии [по] похорон[ам] [П.Е.] Щетинкина

Граждане Верхне-Усинска жертвуют 250 руб.[,] собрано 120 [руб.] [на] постройку самолета имени [П.Е.] Щетинкина[,], вызывают [к сбору средств] все рай[оны] [и] села Сибири 3001 р. Пред[седатель] рика Евсеенко

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1008. Л. 20. Подлинник. На телеграфном бланке. Над текстом есть помета синим карандашом: «ред[акции] [«]С[оветской] Сибири[»]».

№ 57

**Подборка статей, опубликованных с аншлагом
«Тело т[оварища] Щетинкина привезено в Новосибирск»
в газете «Советская Сибирь»**

11 октября 1927 г.
г. Новосибирск

**НА ВСЕМ ПУТИ ОТ УРГИ ДО НОВОСИБИРСКА ТОЛПЫ НАРОДА
ВЫХОДИЛИ ВСТРЕЧАТЬ ТЕЛО ВОЖДЯ ПАРТИЗАН**

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ ВОЖДЯ СИБИРСКИХ ПАРТИЗАН

Гроб с телом Петра Ефимовича Щетинкина был в пути семь дней

Из Улан-Батор-Хото (Урга), где умер тов[арищ] Щетинкин, гроб в сопровождении комиссии был отправлен на двух автомобилях 2-го октября в 23 часа 5 минут. Всю дорогу от Улан-Батора до Новосибирска тело умершего сопровождали представители улан-баторской партийной организации, комсомола и государственной внутренней охраны. В комиссию вошел также один монгол.

В первый день дороги автомобили с траурной процессией и прахом т[оварища] Щетинкина не встречали на своем пути ни одного крупного селения. В мелких поселках население встречало их салютами и с музыкой.

4-го октября в 11 часов 20 минут тело тов[арища] Щетинкина прибыло в пограничный монгольский пункт – в Алтан-Булак. Здесь гроб встречали общественные организации. Был митинг. На митинге выступил сайт – глава Алтан-Булака.

От Алтан-Булака до русского пограничного пункта Троицко-Савска гроб сопровождали воинские части, партизаны со знаменами и оркестром, монгольское и русское население. Монголы называют тов[арища] Щетинкина «Железным богатырем». Они оставались на митинге и в русском селе.

В Троицко-Савске гроб встретила двухтысячная толпа народа. После митинга отсюда автомобили двинулись в путь на Верхнеудинск.

В Верхнеудинске, к вечеру 5-го октября на площади, куда должны были прибыть автомобили с гробом, собралась семитысячная толпа.

Траурную процессию встретила комиссия из городских представителей. Вечером под салюты гроб был поставлен в вагон. Ночью в вагоне, через каждые 15 минут, сменялся почетный караул.

6-го октября в 16 ч[асов] 15 минут поезд с телом тов[арища] Щетинкина отбыл из Верхнеудинска. Перед отходом поезда на вокзале был митинг. На митинге выступал представитель ЦИКа Бурятской республики и представители других центральных организаций.

В Иркутске вагон с процессией был рано утром – 7-го октября. На вокзале поезд встретили войска и представители окружных организаций. Здесь к процессии присоединилась комиссия Крайисполкома, выехавшая встречать гроб.

Через 5 часов вагон двинулся из Иркутска дальше. Перед отбытием войска отдали салют.

Дальше потянулись крупные станции: Иннокентьевская, Половина, Черемхово, Зима, Нижнеудинск, Еланская, Канск-Енисейский, Клюквенная, Красноярск, Ачинск, Тайга и т.д. Везде поезд встречали тысячные толпы людей, представители советских и партийных организаций. За дорогу траурная процессия пополнилась тремя десятками делегатов от партизан. Они будут участвовать в похоронах. На каждом вокзале представители главной комиссии говорили речи. На всех больших остановках поезда на гроб Щетинкина возлагались венки. Их набралось около 40.

Сослуживцы тов[арища] Щетинкина, не имевшие возможности сопровождать гроб, оставляли комиссии свои письменные воспоминания и даже стихи. Сослуживец Петра Ефимовича рабочий Анжерских копей – Попков оставил стихотворение, посвященное умершему. Вот несколько строф этого стиха:

*Рабочий класс Союза
От души тебя жалеет.
И воздаст тебе, орлу,
За смелую борьбу твою.*

*Ты ушел теперь навеки,
Оставляя белый свет,
Но твоё героическое дело
Переживает великий век.*

Бывший командир 3-го Тальского полка армии южно-канского партизанского фронта оставил большую рукопись, в которой он вспоминает работу под руководством тов[арища] Щетинкина. Вот один эпизод:

«Был случай, когда одна часть не выполнила боевой задачи, внезапно отступила из с[ела] Ермаковского. Тов[арищ] Щетинкин оставался в тылу у белых и был обречен на гибель. Опыт выручил его. Под умелым руководством маленький отряд во главе со Щетинкиным прошел тяжелый путь невредимым. Партизаны оставались двое суток без пищи. Во время эвакуации из Баджея Щетинкин первый начал строить носилки и укладывать раненых».

Оставили свои воспоминания Лидин, Темеров, Корняков, Тенечкин, Сухорукова и другие.

В воскресенье вечером ширококвещательная [радиостанция] передавала речь тов[арища] Вегмана, посвященную памяти Щетинкина.

По радио же передавался похоронный марш, исполненный хором ширококвещательной [станции].

В ВОСКРЕСЕНЬЕ В 18 ЧАС[ОВ] 50 МИН[УТ]

Партизаны приготовили к встрече гроба Щетинкина 8 венков. Все они стоят в линии на краю вокзального перрона вместе с войсками и делегациями. На другой стороне вокзала собралось много жителей города. Они забили все проходы и возвышенности. На виадуке высоко над полосой рельс виднеются темные фигуры людей. Толпа жмется плотно к перилам. Ждут, когда зажгут факелы. Тогда будет светло.

6 часов 50 минут.

Поезд показался около разводной линии. Красный открытый вагон, последний в поезде украшенный зеленью, можно узнать и в темноте. В дверях военный держит руку под козырек.

Оркестр начинает медленно играть похоронный марш.

Факелы высоко над головами освещают внутренность вагона. Здесь видны длинные гирлянды зелени и цветов, перевязанных лентами.

Первыми в вагон идут Сырцов⁸³, Эйхе⁸⁴, Петин⁸⁵ и несколько партизан. С гроба разбирают венки, чтобы нести их впереди процессии. Венками обложен весь гроб. За 7 дней дороги на горб поло[жены] по 40 венков. Среди них выделяется большой портрет Щетинкина в траурной рамке. Вот подают старое темное издырявленное пулями знамя. Оно положено сослуживцами Щетинкина на его гроб во время пути.

Медленно выносят из вагона усыпанный цветами и обшитый лентами гроб.

Впереди гроба двинулись факельщики. Далеко растянулся строй несущих венки.

Один старый партизан сзади не отходит от гроба. Но он устал. У него вместо ног два костыля. Ему предлагают автомобиль. Он не хочет уходить от гроба и идет до клуба пешком.

Гроб проносят мимо густо сбившихся в плотные ряды жителей города. Они ровной полосой над дорогой стоят вдоль всей улицы.

Клуб «Транспортник» иллюминирован. Оркестр играет похоронный марш. На крыльце гроб встречает почетный караул войск ГПУ. Фойе клуба задрапировано черными и красными полотнищами. Здесь на постаменте, обшитом красным бархатом, устанавливают гроб.

Первый почетный караул несут т[оварищи] Эйхе, Сырцов и Петин. У гроба же становится партизан с большой бородой и мальчик.

Оператор Совкино* снимает на пленку – как ставят гроб, процессию в клубе и семью Щетинкина.

В клубе вливается длинная, непрерывная вереница пришедших проститься с тов[арищем] Щетинкиным. Идут медленно.

Все время сменяется почетный караул.

«Советская Сибирь» от 11 октября 1927 г. № 233. С. 5.

№ 58

Телеграмма участника партизанского движения Баталова в Сибкрайком ВКП(б) с соболезнованиями по случаю смерти П.Е. Щетинкина

11 октября 1927 г.

г. Златоуст

Сожалее [о] безвременной утрате бойца[-]революционера Петра Щетинкина[.] уважаемого друга [по] совместной партизанской борьбе [в] Сибири[.] БЫВШИЙ ПАРТИЗАН БАТАЛОВ

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1008. Л. 19. Подлинник. На телеграфном бланке. В нижнем левом углу резолюция: «Тов. [Б.А.] Бак. 12/Х Озн[акомьтесь]».

* Сибирское отделение фото-кинемаграфического акционерного общества «Совкино».

№ 59

**Подборка статей, опубликованных с аншлагом
«Похороны тов[арища] Щетинкина»
в газете «Советская Сибирь»**

12 октября 1927 г.
г. Новосибирск

Гроб вождя партизан провожали десятки тысяч трудящихся

**ВПЕРЕДИ ТРАУРНОГО ШЕСТВИЯ ПАРТИЗАНЫ НЕСЛИ СВОЕ
СТАРОЕ БОЕВОЕ ЗНАМЯ**

К четырем часам около гроба тов. Щетинкина остались семья и близкие. Семья тов[арища] Щетинкина сидела у гроба почти весь день.

На Сибирской улице, против клуба транспортников, шпалерами выстроился отряд войск ГПУ. На Вокзальной – стали – отряд партизан и вокзальный райком.

По Михайловской и далее по Кузнецкой стояли городские коллективы со знаменами.

В 5 час. 40 мин. из клуба начали выносить венки и знамена. Венков было 31.

Т[оварищи] Эйхе, Сырцов, Заковский, Петин, Бак, Громов⁸⁶ и Зайцев вынесли гроб с телом тов[арища] Щетинкина. Гроб был установлен на лафет полевого орудия. Оркестр заиграл траурный марш. Траурная процессия двинулась по Сибирской, потом повернула по Михайловской. За гробом шла семья тов[арища] Щетинкина, члены Крайисполкома, Крайкома. Потом шел отряд партизан, почетный караул войск ГПУ и коллективы. Процессия растянулась на несколько верст. В похоронах приняли участие не менее 30 тысяч человек.

К Дому Ленина траурная процессия пришла к началу седьмого часа.

К этому времени два каменщика закончили кирпичную выкладку могилы.

Гроб с телом тов[арища] Щетинкина был поставлен на стол. На гроб положили шапку тов[арища] Щетинкина и подушечку, на которой был прикреплен орден.

Войска, партизаны и коллективы начали заполнять площадь.

Через полчаса открылся митинг. Одновременно в четырех пунктах заговорили ораторы.

На центральной трибуне появляется тов[арищ] Эйхе.

РЕЧЬ ТОВ[АРИЩА] ЭЙХЕ

– Товарищи! Сегодня, за несколько дней до десятилетия Октября, мы хороним одного из лучших борцов за советскую власть. В тяжелые годы гражданской войны, он, один из первых, встал в ряды борцов с золотопромышленниками.

Он твердо стоял на своем посту до того момента, пока Красная армия пришла в Сибирь. И здесь, совместными ударами Красной армии и Щетинкина Сибирь была очищена от интервентов.

Сейчас у нас нет вооруженной борьбы, не слышны выстрелы, но враг не уничтожен. Он только побежден.

Заграничные министерства с особым сладострастием подготавливают новый поход против трудящихся нашего Союза. Враги хотят поставить на колени трудящихся. Они хотят отнять у рабочих и крестьян их завоевания.

И я уверен, что по первому требованию советской власти партизаны Сибири, которыми руководил тов[арищ] Щетинкин, как один встанут на защиту наших границ. Сибирские партизаны снова займут тогда свои славные места.

Сегодня нет с нами тов[арища] Щетинкина, но живет дело, за которое он боролся.

Нет Щетинкина, но есть щетинкинцы. У нас есть кадр испытанных бойцов-щетинкинцев, которые в любой момент встанут на защиту тех идеалов, за которые боролся тов[арищ] Щетинкин.

Спи спокойно, дорогой товарищ. Вечная память стойкому борцу.

РЕЧЬ ТОВ[АРИЩА] СЫРЦОВА

С глубокой скорбью рабоче-крестьянская Сибирь хоронит сегодня тов[арища] Щетинкина. Нет Петра Ефимовича Щетинкина, бывшего в первых рядах борцов за дело трудящихся, за коммунизм.

Армия, партия, власть, трудящиеся отдают сегодня печальный долг товарищу. Со всех концов Сибири собрались у гроба Щетинкина красные орлы – сибирские партизаны.

Велики боевые заслуги Щетинкина перед революцией. Он не только умел быть храбрым и преданным борцом за рабочее дело. Он знал, что только союз рабочих и крестьян обеспечит победу над классовым врагом и закрепит ее. Он знал, что только под руководством ленинской коммунистической партии трудящиеся массы сумеют обеспечить себе победу общую, окончательную победу.

Щетинкин был верным сыном нашей коммунистической партии. Слово партии было для него законом. Он умел воодушевить бойцов на великое дело. Он показывал другим пример дисциплинированности. И это выдвинуло тов[арища] Щетинкина в ряды первых командиров нашей рабоче-крестьянской страны.

Он не дожил до десятилетия Октябрьской революции. Нашим лучшим памятником незабвенному бойцу будет, если мы расскажем каждому рабочему и крестьянину и подрастающему поколению о его жизни.

Вечная память незабвенному Петру Ефимовичу, отдавшему свою жизнь за коммунизм. Да живет то дело, за которое жил и боролся тов[арищ] Щетинкин.

РЕЧЬ ТОВ[АРИЩА] ПЕТИНА

Мы стоим перед открытой могилой одного из самых славных партизан, Петра Ефимовича Щетинкина. Мы знаем, как Красная армия гнала полчища белых. Своими успехами Красная армия, в значительной мере, обязана сибирским партизанам, среди которых одно из первых мест занимал тов[арищ] Щетинкин.

Я считаю, что рабочие и крестьяне Сибири, и тот молодежь, который приходит к нам в армию из сибирских деревень, должны быть широко ознакомлены с биографией тов[арища] Щетинкина.

Красная армия оплакивает смерть тов[арища] Щетинкина и в знак тяжелой скорби склоняет свои боевые знамена над его гробом. Вечная память тов[арищу] Щетинкину.

РЕЧЬ ТОВ[АРИЩА] ГРОМОВА

На трибуне вождь и организатор алтайских партизан тов[арищ] Громов.

– Щетинкин не только организатор партизан, но и мог повести в бой, и не только повести в бой, но и воодушевлять. Под его руководством партизаны с палками и вилами в руках разбивали вооруженных белогвардейцев. Тов[арищ] Петро был единственным, кто в тяжелые минуты не унывал и не хныкал.

Перед прахом тов[арища] Щетинкина мы, бывшие партизаны, клянемся встать в ряды Красной армии на защиту трудящихся СССР.

За Громовым, – председатель краевого совета профсоюзов, тов[арищ] Шарангович, с трибуны сообщил о той скорби, которую переживают сейчас рабочие Сибири, когда опускают в могилу лучшего борца революции.

Тов[арищ] Лубков-Шевелев⁸⁷ над могилой Щетинкина поклялся от имени томских партизан под руководством коммунистической партии встать на защиту СССР. Томские партизаны не забыли и не забудут тяжелые годы колчаковщины.

ПП ГПУ, тов[арищ] Заковский, сказал, что биография Щетинкина – это сплошной подвиг, это огромная революционная волна.

Память о делах тов[арища] Щетинкина всегда будет жить в наших сердцах...

Речи окончены.

Все как-то неожиданно смолкло. По площади далеко разносилось шипение вольтовой дуги в прожекторе оператора.

Прожектор на крыше дома Ленина потух. У могилы стало темнее... Площадь погрузалась в мрак.

Заиграла труба.

По телефону скомандовали. Огонь...

Оркестр заиграл похоронную мелодию... Где-то глухо прогремел орудийный залп, затем другой...

Гроб Щетинкина опустили в могилу.

ТРАУРНЫЙ ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ

В 10 час. в клубе 9 полка ГПУ⁸⁸, под председательством партизана отряда Кравченко, тов[арища] Лидина, состоялось траурное собрание сибирских партизан.

В президиум собрания были избраны: т[оварищи] – Щетинкина, Сырцов, Эйхе, Заковский, Захаров, Уланов, Лыткин, Громов, Логинов, Зайцев, Козлов, Марченко, Лубков-Шевелев, Ковалев, Виньке, Турков, Орликов, Бак, Вегман, Бобров, Загуменный, Ашахманов и Третьяков.

Собрание, почтив память тов[арища] Щетинкина вставанием, заслушало доклады председателя Крайисполкома тов[арища] Эйхе, секретаря окружкома т[оварища] Клокова и начпуокра* т[оварища] Кожевникова.

С воспоминаниями о Щетинкине и истории партизанского движения выступили т[оварищи] Логинов, Загуменный, Громов, Лидин, Петров, Лыткин, Солдатов и Лубков.

Собранием была принята следующая резолюция:

«Мы, бывшие партизаны, съехались со всех концов Сибири в Новосибирск, чтобы отдать последний долг герою, знаменитому руководителю партизанского движения, коммунисту – Петру Ефимовичу Щетинкину.

Заслушав на траурном заседании, посвященном памяти тов[арища] Щетинкина, доклад т[оварища] Эйхе о положении нашего социалистического отечества, мы – активные участники партизанского движения во всеуслышание заявляем, что стойко и непоколебимо стоим на страже нашего рабоче-крестьянского государства».

«По первому зову коммунистической партии и советской власти мы возьмем винтовки в руки, чтобы сокрушить коварный, кровавый мировой империализм».

П.Е. ЩЕТИНКИН НА СЛУЖБЕ В ОГПУ

С Петром Ефимовичем мне не приходилось быть в ратном деле, а лишь совместно служить с ним в 1925 году в полку войск ОГПУ, где он был командиром и военкомом полка. В своих отношениях с сослуживцами и подчиненными П.Е. [Щетинкин] всегда был хорошим и чутким товарищем. В разрешении тех или других вопросов он исходил лишь из интересов дела, – формализм не переносил. Будучи сам хорошим стрелком, он приложил много энергии, чтобы и в своих подчиненных развить любовь к стрелковому делу и сделать их хорошими стрелками. Его усилиями и стараниями с незначительными средствами был построен тир. В то время нельзя было в полку найти ни одной винтовки, которая не была бы пристреляна и проверена лично самим П.Е. [Щетинкиным]. В меткости стрельбы П.Е. [Щетинкин] показывал изумительные результаты. Как-то раз в тире он из 3-линейной винтовки на расстоянии 100 шагов 3-мя пулями пробил 5-коп[еечную] монету. Несмотря на такие хорошие успехи, П.Е. [Щетинкин] никогда не любил этим рисоваться и избегал принимать участие в состязаниях.

О своей работе по организации партизанских отрядов и беспримерной борьбе с колчаковщиной П.Е. [Щетинкин] не любил особенно распространяться. Только раз, по дороге в Иркутск, проезжая Канский округ, наблюдая знакомые места своей боевой деятельности, П.Е. [Щетинкин] разговорился и поделился воспоминаниями: как ему приходилось скрываться от колчаковских палачей, с какими усилиями он из маленькой группки своих знакомых, преданных революции людей, создал столь грозные для колчаковщины красные партизанские отряды.

[К.И.] Виньке⁸⁹

* Начальника политуправления округа.

ПОСТРОИМ ДОМ–КОЛОНИЮ ИМЕНИ ТОВ[АРИЩА] ЩЕТИНКИНА

Виньке вместо венка на гроб тов[арища] Щетинкина вносит 10 рублей и вызывает т[оварищей] Антонова, Сютягина, Кузнецова, Щекотова, Морозова, Некраш, Пупкова, Зубкова, Корнякова, Лернер, Щукина (ПП ОГПУ) и товарищей из №№ полка войск ОГПУ – Туркова, Сучкова, Уланова, Орлова, Сидоренко, Ступакова.

Коллектив Ленинградтабактреста вносит 17 рублей 30 коп. и вызывает сотрудников Машинотреста и Резинотреста.

НА САМОЛЕТ ИМЕНИ ТОВ[АРИЩА] ЩЕТИНКИНА

Коллектив сотрудников отдела ОГПУ, комсостав и красноармейцы №№ завода, №№ дивизиона ОГПУ вместо венка на гроб Щетинкина вносят 181 руб. на постройку самолета имени Щетинкина в эскадрилью «Наш ответ Чемберлену», и вызывают всех сотрудников органов ОГПУ Сибкрая и всех знавших тов[арища] Щетинкина.

«Советская Сибирь» от 12 октября 1927 г. № 234. С. 3.

№ 60

Протокол № 4 заседания комиссии при Сибкрайисполкоме по проведению похорон П.Е. Щетинкина

13 октября 1927 г.

г. Новосибирск

Присутствуют: [Б.А.] Бак, Громов, [М.] Ковалев, Решиков.

Слушали:	Постановили:
1. Отчет по похоронам тов[арища] Щетинкина /док[лад] т[оварища] Марченко/	1. Отчет в сумме 1 847 руб. 53 коп. принять и представить СКИК на утверждение
2. О заказе фотографических карточек для группы партизан /док[лад] т[оварища] Марченко/	2. По представленному списку заказать карточки и выслать через ОИК для вручения участникам в съемке т[оварищам] партизанам. Расход просить СКИК принять на себя
3. О временном пособии семье тов[арища] Щетинкина	3. Просить СКИК до оформления постоянной пенсии по линии НКСО оказывать временную помощь семье т[оварища] Щетинкина

Слушали:	Постановили:
4. О перевозке семьи тов[арища] Щетинкина на жительство из Красноярска в Новосибирск /д[оклад] т[оварища] Марченко/	4. Ввиду переезда семьи в Новосибирск просить СКИК предоставить квартиру и оказать содействие в помещении детей в школы
5. О поступающих пожертвованиях через редакции газет Сибири /д[оклад] т[оварища] Бака/	5. Считать желательным все поступающие пожертвования по Сибири концентрировать в фонд общества «Друг детей» – специальным назначением помощи беспризорным
6. О присвоении имени т[оварища] Щетинкина различным предприятиям улицам, местностям и т. п. / д[оклад] т[оварища] Ковалева/	6. Всякое присвоение имени Щетинкина производить только с разрешения СКИК. Конкретно просить Крайисполком отменить постановление Минусинского ОИК о присвоении ипподрому имени Щетинкина. Просить Крайисполком дать на места об этом соответствующие указания

Председатель

[М. Ковалев]

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1008. Л. 6–6об. Подлинник. Рукописный текст. Автограф М. Ковалева.

№ 61

Отчет заведующего хозяйственно-материальным подотделом Сибкрайисполкома в комиссию при Сибкрайисполкоме по организации похорон П.Е. Щетинкина о расходовании денежных средств на похороны П.Е. Щетинкина

Не позднее 13 октября 1927 г.
г. Новосибирск

1. Питание партизан 223 руб. 41 коп.
2. Организация общежития и политуголка 41 руб. 9 коп.
3. Покупка венков железных и живых 167 руб. –
4. Покупка материалов для декорирования зала 163[руб.] 69 коп.
5. Устройство пяти трибун на площади 10 руб. –
6. За привозку и отправки пушки 8 руб. –

7. За украшение зала и фойе клуба 118 руб. 25 коп.
8. За оборудование могилы и ограды 140 руб. 35 коп.
9. За оборудование электричества возле могилы 54 руб. 28 коп.
10. Дежурным кучерам 6 руб. 30 коп.

Итого: 982 руб. 37 коп.*

На непредвиденные расходы

1. За питание семьи тов[арища] Щетинкина и его родственников в количестве 15 человек и караула около гроба 105 руб. 46 коп.
2. По распоряжению тов[арища] Эйхе выдано партизанам. 10 [руб.]
3. Израсходовано т[оварищу] Вaleyко на поездку на встречу гроба 130 руб. 80 коп.
4. Уплачено за три номера в коммун[альном] отделе, где помещалась семья т[оварища] Щетинкина 53 руб. 60 коп.
5. Выдано на билеты партизанам 37 человек и семье т[оварища] Щетинкина 7 человек 465 руб. 30 коп.
6. За портреты т[оварища] Щетинкина 100 руб.

Итого: 865 руб. 16 коп.**

А всего: 1 847 руб. 53 коп.***

Зав[заведующий] хоз[яйственно]-мат[ериального]
п[од]/отдела Сибкрайисполкома

/Марченко/

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1008. Л. 7. Подлинник. Машинописный текст. Автограф Марченко.

№ 62

Протокол № 5 заседания комиссии при Сибкрайисполкоме по проведению похорон П.Е. Щетинкина

21-го октября 1927 г.

г. Новосибирск

Председатель – т[оварищ] [М.] Ковалев

* Так в документе, должно быть 933 руб. 18 коп.

** Так в документе, должно быть 864 руб. 70 коп.

*** Так в документе, должно быть 1 797 руб. 88 коп.

Слушали:	Постановили:
1. О вынесении благодарности работникам ПП ОГПУ, милиции, хозчасти СКИК и друг[им]	За проявленную энергию, успешное выполнение возложенных обязанностей по похоронам тов[арища] Щетинкина от имени комиссии работникам ПП ОГПУ, милиции, как командному, начальствующему составу, так и младшему рядовому, а равным образом отдельным работникам хозчасти СКИК, принимавшим участие в организации похорон, – объявить благодарности

Председатель

([М.] Ковалев)
[В.Д. Вегман]

ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1008. Л. 8. Подлинник. Машинописный текст. Автографы М. Ковалева, В.Д. Вегмана.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 **Кравченко Александр Диомидович** (1880–1923) – российский революционер, один из руководителей советского партизанского движения в Сибири в годы Гражданской войны. Родился в крестьянской семье. В 1905 г. окончил Мариинское земледельческое училище. Во время революции 1905–1907 гг. за революционную пропаганду среди крестьян был приговорен к двухлетнему тюремному заключению, вскоре замененному отправкой в солдаты. Благодаря грамотности был зачислен в школу прапорщиков, однако по окончании учебы вместо производства в офицеры уволен из армии за открывшуюся принадлежность к боевой группе Украинской социал-демократической рабочей партии. Вскоре уехал в Сибирь. В 1907–1914 гг. работал в Нижнеудинске, Красноярском уезде, Манском лесничестве, затем служил агрономом в селе Шушенском Минусинского округа. С началом Первой мировой войны осенью 1914 г. был мобилизован в армию, но из-за революционных взглядов оставлен ротным командиром в резервном полку в Красноярске. В ходе Февральской революции 1917 г. выбран депутатом Ачинского совета от фракции военных. Назначен начальником Ачинского городского отдела народной милиции, одновременно с этим руководил работой продовольственного пункта на станции Ачинск, где принимал участие в деятельности полкового Совета солдатских депутатов 13-го Сибирского стрелкового полка, вернувшегося с фронта после заключения Брестского мира. С началом Гражданской войны Кравченко был призван в Белую армию, но от службы уклонился. вел агитацию среди австро-венгерских военнопленных и итальянских берсальеров из состава экспедиционного корпуса стран Антанты. Летом 1918 г. организовал партизанский отряд для борьбы против белых на территории Енисейской губернии, комиссаром отряда стал ссыльный большевик С.К. Сургуладзе. В декабре 1918 г. Кравченко был избран главным командиром партизанских отрядов, расположенных вокруг Красноярска. В апреле 1919 г. партизанский отряд Кравченко соединился с партизанским отрядом П.Е. Щетинкина, была создана красная Партизанская армия под общим командованием Кравченко. Партизаны одержали ряд побед над белоказаками и 13 сентября 1919 г. заняли Минусинск. К ноябрю 1919 г. численность армии достигла 18 тыс. человек. В январе 1920 г. партизаны влились в состав 5-й армии РККА на правах отдельной дивизии (Енисейская стрелковая дивизия имени 3-го Интернационала. Командир – Кравченко А. Д., комиссар — Сургуладзе С. К., начальник штаба – Щетинкин П. Е.). После освобождения Красноярска от колчаковцев дивизия развернула собственное наступление на Белоцарск (ныне Кызыл). Красные партизаны способствовали провозглашению Танну-Гувинской Народной Республики летом 1921 г. и установлению просоветского режима в Монголии. Командовал дивизией в это время уже П. Е. Щетинкин. Весной 1920 г. комдив Кравченко вступил в ряды ВКП(б). В 1920–1921 гг. вместе с 1-й Сибирской дивизией воевал против частей Врангеля в Крыму и на Северном Кавказе. После окончания Гражданской войны был председателем комиссии по восстановлению разрушенного хозяйства Кубано-Черноморской области, особо уполномоченным по формированию добровольческих частей при Восточно-Сибирском военном округе, работал инспектором по коллективизации сельского хозяйства при Наркомземе РСФСР – был командирован в Ставропольскую губернию. С 1922 г. – заведующий губернским земельным отделом в Пятигорске. 21 ноября 1923 г., находясь в Ростове-на-Дону, умер от туберкулеза легких.

2 **Савицкий Михаил Тимофеевич** (1897–1941) – командир полка партизанской армии А.Д. Кравченко – П.Е. Щетинкина. Уроженец г. Ставрополье (Ворошиловск). Батрачил, работал токарем на заводе. Окончил эстерном гимназию. В 1913 г. был призван на Балтийский флот, окончил Кронштадтскую школу корабельных юнг, а позднее учебные курсы машинистов. С декабря 1916 г. служил в Гельсингфорском полуэкипаже, затем – механиком в минной дивизии. Участник Первой мировой войны. Большевик с марта 1917 г. В 1918 г. участвовал в боях с белофиннами, в переходе Балтийского флота из Финляндии в Кронштадт. Демобилизовавшись в июне 1918 г., служил машинным старшиной и председателем судебного комитета на ледокольном транспорте «Вайгач». С августа того же года находился в полярной экспедиции гидрографа-геодезиста Б.А. Вилькицкого, завершившей в Карском море прокладку Северного морского пути. С гибелью «Вайгача» у мыса Ефремов Камень в Енисейском заливе добрался до г. Красноярска. Бежал в Канский уезд и в с. Агинское организовал партизанский отряд, который к весне 1919 г. расширился до 450 бойцов. Участник боев с наступающими правительственными войсками. 18 мая у с. Верхне-Рыбинское был тяжело ранен, пытался покончить с собой. Во время Саянского похода находился на излечении в лазарете. В Минусинске был назначен командиром полка, стал членом Главного штаба. В конце 1919 г. участвовал в боях у с. Означенное, Подсинее, Усть-Абаканское и Бородино. При Советской власти – начальник отряда по ликвидации «банд» в Красноярском уезде. С осени 1920 г. находился в Ставрополье, где лечился в военном госпитале и на курортах, работал механиком, заведовал тракторной базой, мельницами, служил в исполкоме г. Пятигорска, избирался членом Ставропольского городского совета. Не пройдя Всероссийской переписи и механически выбыв из РКП(б), обратился к коммунистам г. Минусинска, которыми был восстановлен в партии. В 1925 г. переехал в Москву, где, работая инструктором Краснопресненского райкома ВКП(б), оформился на персональную пенсию. В связи с юбилеем РККА приказом РВС СССР от 23 февраля 1928 г. награжден орденом Красного Знамени. В 1927–1933 гг. – учился на операторском факультете Института кинематографии. Будучи в киноэкспедиции в Туве, работал пропагандистом среди населения. Инициатор неудавшегося создания бывшими партизанами Хакасского окружного партизанского бюро, организатор партизанских слетов в с. Агинское и

Уяр Канского округа. По его инициативе в Музее революции была собрана коллекция экспонатов и организована специальная выставка о сибирских красных партизанах. В то же время участвовал в борьбе между группами партизан за признание заслуг перед Советской властью. Назначенный в 1933 г. вновь пропагандистом, участвовал в трехмесячном автопробеге советских грузовиков по Каракуму. Арестованный 30 апреля 1937 г., находился под следствием в Бутырской тюрьме. В 1938 г. приговорен Московским военным трибуналом к 10-летнему заключению и 5-летнему поражению в правах. Находился без права переписки в лагерях Республики Коми. 14 октября 1941 г. Верховный суд Коми АССР приговорил его к расстрелу, казнь была совершена 3 декабря того же года. Реабилитирован в апреле 1956 г.

3 **Орудие Маклена** – 37-миллиметровая автоматическая пушка McClean Mk. III-легкое артиллерийское орудие, произведенное в Соединенных Штатах во время Первой мировой войны для Русской императорской армии.

4 **Урянхай, Урянхайский край** – русское название Тувы в 1914–1921 годах.

5 **Бологов Григорий Кириллович** (1895–1975) – казак, участник Гражданской войны на стороне Белого движения. После окончания Иркутского военного училища в 1917 г. в чине хорунжего Г. Бологов находился в Красноярске, начав службу хорунжим Енисейского казачьего дивизиона. Енисейская сотня этого дивизиона под командованием подесаула Фереферова 15 августа 1918 г. высадилась у села Посольское на восточном берегу Байкала, окружив и разгромив красный отряд. В августе 1919 г. в чине есаула Бологов командовал отрядом в 600 человек пехоты и 380 казаков, атаковавшим Белоцарск (ныне Кызыл), занятый партизанской армией А.Д. Кравченко–П.Е. Щетинкина. Превосходящим силам партизан удалось сбросить белых в Енисей. У села Усинское (200 км к северу от Белоцарска) сотня Распопина догнала остатки отряда Бологова, насчитывавшего около 60 енисейских казаков и до 90 пехотинцев. Сотня Распопина потеряла двух человек в бою и еще двух утонувшими, при 8 раненых. Всего из 600 пехотинцев объединенный отряд потерял не более 200 чел., еще столько же недосчитались казаки. Около 100 человек разбежалось. После боев в Забайкалье весны 1921 г. Г. Бологов – командир Енисейского казачьего полка (свернутого из бригады) в Гродеково; в сентябре 1922 г. – командир Сводного Сибирско-Енисейского полка и Иркутской казачьей дружины в 70 чел. В ноябре 1922 г. войсковой старшина Бологов пытался организовать партизанскую борьбу в районе г. Посьет. Летом 1924 г. эмигрировал в Шанхай. В апреле 1925 г. русские эмигранты в Китае объединились в «Казачий Союз». В эту влиятельную эмигрантскую организацию вошел и Г.К. Бологов, на 2-м съезде в 1929 г. избранный председателем Союза. Жалование Бологов получал, поступил на службу в Шанхайский русский полк. Пост председателя Казачьего Союза Бологов оставил по болезни в 1936 г., но в 1944 г. был вновь избран его главой. На первом послевоенном съезде в феврале 1946 г. он снова избран председателем организации, насчитывавшей тогда 200 казаков. В связи с ожидаемым приходом к власти коммунистов в Шанхае Бологов организовал эвакуацию русских эмигрантов на Филиппины. Являлся руководителем русской колонии на филиппинском острове Тубабао в 1949–1953 гг. Умер 3 марта 1976 г. в Сан-Франциско.

6 **Белоцарск** – ныне город Кызыл.

7 **Нойон** – правитель в Монголии в период начиная со Средних веков и заканчивая первой четвертью XX века.

8 **Новый стиль** – Григорианский календарь, летоисчисление по которому в России введено в феврале 1918 г.

9 **Унгерн фон Штернберг Роман Федорович** (1886–1921) – русский военачальник времен Гражданской войны в России, генерал-лейтенант Белой Армии, видный деятель Белого движения на Дальнем Востоке. Георгиевский кавалер. Автор идеи реставрации империи Чингисхана от Тихого океана до Каспия. С июня 1908 г. служил в 1-м Аргунском полку Забайкальского казачьего войска в чине хорунжего. В 1910 г. суд офицерской чести вынудил Унгерна перевестись в 1-й Амурский казачий полк. С началом Первой мировой войны поступил в 34-й Донской казачий полк, действовавший на Австрийском фронте в Галиции. За время войны пять раз был ранен, но возвращался в строй с незалеченными ранами. За подвиги, храбрость и отвагу был награжден пятью орденами, в том числе и св. Георгия 4-й степени. В 1917 г. Унгерн отправился во Владивосток, а оттуда попал на Кавказский фронт. Там он оказался с Г.М. Семеновым – будущим атаманом. Здесь, в районе озера Урмия в Персии (Иран), Унгерн участвовал в организации добровольческих отрядов ассирийцев, воевавших на стороне России. Ассирийцы хорошо проявили себя, но это не оказало существенного влияния на ход боевых действий, так как российская армия продолжала разваливаться под влиянием Февральской революции 1917 г. В июле 1917 г. Г.М. Семенов выехал из Петрограда в Забайкалье, куда прибыл 1 августа с назначением по его же просьбе комиссаром Временного правительства на Дальнем Востоке по формированию национальных частей. Вслед за ним в Забайкалье также появился и его друг — войсковой старшина барон Унгерн. В октябре или ноябре 1917 г. Унгерн с 10–16 людьми создал в Иркутске контрреволюционную группу. По-видимому, в Иркутске Унгерн присоединился к Семенову. Узнав об Октябрьской революции, Семенов, Унгерн и еще 6 человек уехали в Читу, откуда – на станцию Даурия в Забайкалье, где было решено формировать полк. В декабре 1917 г. Семенов, Унгерн и еще 5 казаков разоружили деморализовавшийся русский гарнизон станции Маньчжурия. Здесь Семенов начал формировать особый маньчжурский отряд для борьбы с красными. В начале 1918 г. Унгерн назначается комендантом ст. Хайлар. Барон разоружил нашедшие там пробольшеvistки настроенные части. Успешные операции вдохновили Семенова и Унгерна на расширение своих действий. Они занялись формированием национальных отрядов, в том числе из представителей монголов и бурят. После появления зимой-весной 1918 г. в Забайкалье многочисленных эшелонов с пробольшеvistки настроенными солдатами, возвращавшимися с развалившегося германского фронта, семеновский отряд был вынужден отступить в Маньчжурию, оставив за собой лишь небольшой кусочек российской земли в районе

реки Онон. Весной и летом 1918 г. на Даурском фронте Маньчжурский отряд вел затяжные бои с красными, в которых участвовал Унгерн. После того, как советская власть в Забайкалье пала, Семенов в сентябре 1918 г. утвердил в Чите свою ставку. В ноябре 1918 г. Унгерн получил чин генерал-майора. Он перебазировался из Хайлара в Даурию. 1 сентября 1918 г. в Даурии была сформирована отдельная конная туземная бригада, на основе которой позже был образован Туземный конный корпус, затем преобразованный в Азиатскую конную дивизию под командованием Унгерна. Из Даурии Унгерн делал рейды против красных партизан Забайкалья. Подобно другим белым и красным, Унгерн широко применял реквизиции для снабжения своих войск. Реквизициям подвергались, прежде всего, красные и заподозренные в сочувствии им, а также те, кто большими партиями вывозил деньги и товары за границу. Шла массовая вербовка добровольцев. Дисциплина держалась на заботе о личном составе и жестоких наказаниях. Унгерн разрабатывал план восстановления монархий и борьбы с революциями в Евразии, начиная от Маньчжурии, Монголии и Китая и далее на запад. В ноябре 1919 г. войска красных приблизились к Забайкалью. В начале 1920 г. в Иркутске произошло восстание, город был захвачен эсеро-меньшевистским политцентром; адмирал А.В. Колчак погиб. В январе – феврале 1920 г. красные партизаны развернули широкое наступление. В марте 1920 г. они взяли Верхнеудинск, семеновцы отступили к Чите. В июне – июле 1920 г. белые развернули последнее широкое наступление в Забайкалье. Унгерн действовал в направлениях на Александровский и Нерчинский заводы в координации с войсками генерала В.М. Молчанова. Белые не могли выдержать давление превосходящих сил красных. В августе 1920 г. Азиатская дивизия покинула Даурию и ушла в направлении Монголии, оккупированной китайскими войсками. Поход планировался как глубокий рейд в тыл советским войскам, ведущим наступление на Читу. Но в октябре 1920 г. войска Семенова отступили, и рейд Унгерна в тыл красным стал бессмысленным. Унгерн имел свой собственный план: начать с Монголии восстановление монархий. Унгерна и его дивизию в Урге с надеждой ждали многие: для монголов он был вестником возрождения независимости, русским же колонистам он нес освобождение от китайского ига. В результате боев китайцы были разбиты, часть сдалась, а часть прорвалась на юг в Китай. Теперь вся Внешняя Монголия была свободной. 2 февраля 1921 г. в Урге состоялась торжественная церемония повторного возведения Богдогэгэна VIII на трон великого хана Монголии. За заслуги перед Монголией Унгерн был пожалован титулом дархан-хошой-чин-вана в степени хана; многие подчиненные барона получили титулы монгольских князей. Кроме того, барон получил от Семенова чин генерал-лейтенанта. 21 мая 1921 г. Унгерн издал приказ, которым объявил о начале похода на советскую территорию. Азиатская дивизия была разделена на две бригады: одна под командованием генерал-лейтенанта Унгерна, другая – генерал-майора Резухина. Последняя должна была перейти границу в районе станицы Цежинской и, действуя на левом берегу Селенги, идти на Мысовск и Татаурово по красным тылам, взрывая по пути мосты и тоннели. Бригада Унгерна наносила удар на Троицкосавск, Селенгинск и Верхнеудинск. Осенью 1921 г. Унгерн решил вести дивизию на запад – в Урянхай на зимовку, чтобы потом вновь начать борьбу. Затем, по-видимому, поняв, что это место в силу географических особенностей станет ловушкой для белых, он решил уходить в Тибет. Эти планы не получили поддержки: солдаты и офицеры были уверены, что задуманный Унгерном поход обрекает их на неминуемую гибель. Как следствие, в обеих бригадах возник заговор против барона Унгерна с целью его убийства и последующего ухода в Маньчжурию. В ночь с 17 на 18 августа 1921 г. Резухин был убит своими подчиненными. В следующую ночь заговорщики обстреляли палатку самого Унгерна, однако тот успел скрыться. Заговорщики расправились с несколькими близкими к барону офицерами, после чего обе взбунтовавшиеся бригады ушли в восточном направлении, дабы через территорию Монголии добраться до Маньчжурии. Унгерн предпринял попытку вернуть свою бригаду, однако те отогнали барона выстрелами. Позже он встретил свой монгольский дивизион, который 20 августа 1921 г. арестовал его. Затем отряд вместе с бароном был взят в плен разъемом партизан, которым командовал П.Е. Щетинкин. 15 сентября 1921 г. в Новониколаевске состоялся показательный процесс над Унгерном. Унгерну предъявили обвинение по трем пунктам: участие в вооруженной борьбе против советской власти под покровительством Японии; участие в зверских расправах над мирным населением в районе вооруженных действий; участие в массовом уничтожении населенных пунктов и граждан. Унгерн во время следствия и суда подчеркивал свое отрицательное отношение к большевизму и советской власти. Суд вынес барону смертельный приговор, который был приведен в исполнение в тот же день. Великий хан Монголии Богдо-гэгэн VIII после получения известия о казни Унгерна повелел служить молебны о нем во всех храмах Монголии. В 1998 г. президиум Новосибирского областного суда отказал в реабилитации барона Унгерна, признав все пункты приговора обоснованными.

10 **Мамонтов Ефим Мефодьевич** (1889 – 1922) – руководитель партизан Западной Сибири, военачальник. Участник Первой мировой войны, награжден Георгиевскими крестами 4 и 3-й степени. В конце зимы 1917 — начале весны 1918 г. вернулся с фронта в Вострово (Кабанье) Покровской волости Славгородского уезда Томской губернии (ныне в составе Волчихинского района Алтайского края), где сблизился с местными большевиками, был избран членом местного сельсовета. В начале сентября 1918 г. возглавил созданный из жителей Вострово отряд для поддержки крестьян с. Черный Дол, восставших против Временного Сибирского правительства. После подавления Чернодольского восстания несколько месяцев скрывался от властей. С весны 1919 г. командовал небольшим конным партизанским отрядом на юге Славгородского уезда, нападавшим на торговцев, зажиточных крестьян, милицию и лесную стражу. В конце августа — начале сентября 1919 г. возглавил объединение нескольких партизанских отрядов. 7 октября 1919 г. на совещании командного состава партизанских отрядов всего Степного Алтая, принявшем решение о создании Западно-Сибирской крестьянской красной армии, был избран ее главно-

командующим. 6–7 декабря 1919 г. войска Мамонтова пытались взять Барнаул, но были отбиты артиллерийским огнем белых. Однако, почти полностью окруженные красными партизанами в ночь на 10 декабря 1919 г., белые оставили Барнаул и отошли на восток. После восстановления в Западной Сибири советской власти приказом Реввоенсовета 5-й Красной армии от 26 декабря 1919 г. назначен помощником инспектора пехоты этой армии, 26 января 1920 г. – также временно исполняющим должность начальника отдела снабжения запасных частей 5-й Красной армии. 4 мая 1920 г. введен Сибревкомом в качестве члена в состав чрезвычайного революционного трибунала Сибири при Сибревкоме, в конце мая 1920 г. судившего бывших колчаковских министров. С 1 июня по 8 сентября 1920 г. служил командиром Первой отдельной красной добровольческой Западно-Сибирской стрелковой бригады, в составе которой принимал участие в боях против врангелевцев. После возвращения с фронта в ноябре 1920 г. назначен командиром бригады сформировавшейся 27-й стрелковой дивизии войск внутренней службы. В конце февраля 1922 г. был убит в деревне Власиха под Барнаулом.

11 **Волков Вячеслав Иванович** (1877–1920) – русский военачальник, генерал-майор (1918). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Видный деятель Белого движения в Сибири. С 10 января 1919 г. командовал войсками Средне-Сибирского военного округа.

12 **Колчак Александр Васильевич** (1874 – 1920) – русский военный и политический деятель, ученый-океанограф, полярный исследователь (1900–1903), флотоводец (1915–1917), вошедший в историю как руководитель Белого движения во время Гражданской войны в России. Верховный правитель России (18 ноября 1918 – 7 февраля 1920) и Верховный главнокомандующий Русской армией (ноябрь 1918 – 4 января 1920). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Георгиевский кавалер. Адмирал (1918).

13 **Табор** – в значении: «большая группа людей, расположившаяся на временную стоянку; лагерь».

14 **Пулемет льюис** – имеется в виду пулемет системы Льюиса.

15 **Халуца** – (разг.). Маленькое неблагодарное жилище; первонач. бедная хата на Украине, в Белоруссии.

16 **Гумно** – расчищенный, часто огороженный, утоптаный участок земли, на котором в крестьянских хозяйствах складывали скирды необмолоченного жита, проводили его обмолот, а также веяние зерна. На гумне иногда устраивали навесы, размещали оwin.

17 **Лафет** – специальное приспособление, опора (станок), на котором закрепляется ствол орудия с затвором.

18 **Желна** – черный дятел.

19 **Поскотина** – пастбище, выгон, непосредственно прилегающие к деревне и со всех сторон огороженные изгородью.

20 **Сургуладзе Сергей Константинович** (1879–1923) – деятель революции и Гражданской войны в Сибири, партийный советский работник. Из крестьян. Родился в селе Аскана Кутаисской губернии. Окончил 4-классное городское училище в Озургети. По профессии писмоводитель. Член РСДРП(б) с 1905 г., участник Гурийского крестьянского восстания. За перевозку оружия повстанцам в 1906 г. был арестован, провел 8 месяцев в Кутаисской тюрьме, был освобожден по подписке о прекращении революционной деятельности. В конце 1908 г. вновь арестован и приговорен к пожизненной ссылке в Сибирь. В июле 1909 г. прибыл на поселение в село Кежда Енисейской губернии, работал помощником кузнеца. В 1915 г. получил разрешение на свободное передвижение, и поселился в деревне Сушинка Уярской волости Канского уезда, где стал работать писарем. После февраля 1917 г. обратился в Красноярский губком РСДРП(б) с просьбой помочь добраться до Грузии, но вместо этого получил предписание в Канский уезд занять должность комиссара Больне-Уринского участка Канской уездной милиции. После ноября 1917 г. занимался формированием Канской Красной гвардии, участвовал в разоружении казачьих частей, не признававших Советскую власть. Был избран председателем Уярского волостного совета и Клюквенского большевистского комитета. Во время контрреволюционного переворота 1918 г. – командир отряда Красной гвардии на Клюквенском фронте. С группой сушенковских крестьян и балайских рабочих в декабре 1918 г. ушел к партизанам Заманья. В партизанской армии Кравченко-Щетинкина был председателем Армейского Совета. С восстановлением Советской власти – председатель Минусинского уездного ревкома, возглавлял продовольственный отдел. По инициативе Сургуладзе в Минусинске выходила партизанская газета «Соха и молот». После ухода партизан из Минусинска 5 февраля избран председателем уездного Ревкома и одновременно назначен исполняющим обязанности временного военного комиссара. Первым указом был запрет производства и продажи спиртных напитков. С конца февраля – заведующий общим отделом Ревкома. С февраля 1920 г. – председатель чрезвычайной комиссии по борьбе с тифом «Чекатиф» в Минусинске. В апреле 1920 г. освобожден от должности члена ревкома, после чего ему поручена «работа контролирования, обследования и направления работ всех подведомственных Уревком Советских учреждений и общественных организаций». 1 июня 1920 г. назначен районным комиссаром продовольствия. Обеспечивал выполнение государственных продразверсток по волостям уезда. В марте 1921 г. по телеграмме Енисейского губпродкомиссара от 25 февраля откомандирован в Енисейск. В связи с чем 20 марта 1921 г. исключен из списка служащих Минусинского уезда. Некоторое время Сургуладзе вместе с семьей жил в Красноярске. Ходатайствовал о переводе в Грузию. В июне 1921 г. переведен в Грузию. На Тианетском уездном съезде Советов был избран председателем уездного ревкома, затем председателем уисполкома. Был членом ЦИК ССР Грузии. 10 июля 1923 г. выехал в опасную командировку, был убит в стычке с отрядом антисоветских повстанцев.

21 **Смит-вессон** – Smith & Wesson Firearms Co – американская компания – производитель огнестрельного

оружия. Известна производством револьверов.

22 **Марченко Александр Михайлович** (1886–1941) – командир Тальского полка в партизанской армии А. Д. Кравченко – П. Е. Щетинкина. Из крестьян-бедняков Курской губернии. Батрачил, работал на шахте в Донбассе. В 1906 г. переселился в с. Тесь Минусинского уезда Енисейской губернии. С 1908 г. – рабочий Абаканского железодельательного завода. В 1911 г. переехал в с. Унер Канского уезда, трудился на паровой мельнице. Участник Первой мировой войны: в 1915 г. был призван в армию, служил в г. Канске в 16-м запасном батальоне, затем в Петрограде в запасной автомобильной роте; фронтовик, находился в 3-м тяжелом Осовецком дивизионе. Заболел тифом, в конце 1916 г. был демобилизован. В 1918 г. организовал в с. Унер подпольную группу из 30 человек. Командир кавалерийского эскадрона Канского и Тальского полков и член Главного штаба партизанской армии Степного Баджея. Командовал партизанами в боях в Усинском крае, у Думной Горы в Минусинском уезде и на енисейском левобережье. Коммунист с 1920 г., организатор большевистской ячейки в с. Унер и председатель местного волисполкома. Принимал участие в ликвидации крестьянского повстанчества на юге Канского уезда. В 1920-е гг. работал председателем правления Агинского потребительского общества, Тайшетского райисполкома, заведующим Канским окружным отделом социального обеспечения и директором спиртоводочного завода. Избирался секретарем и членом бюро партийных ячеек, районных комитетов, пленума окружного исполкома. В 1928 г. приказом РВС СССР награжден орденом Красного Знамени. В 1930-е гг. – директор совхоза и начальник секторов в Енисейском пароходстве. С 1933 г. – персональный пенсионер республиканского значения. С окончанием в 1935 г. московских курсов направлен во Владивосток заместителем управляющего агентства «Золотопродаб». В августе 1936 г. переброшен на работу его управляющим на Ивановский прииск (Манский район Красноярского края). 23 или 26 апреля 1937 г. был арестован. 30 октября того же года приговорен Военной Коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу. Умер 3 мая 1941 г. в г. Мытищи под Москвой. Реабилитирован в августе 1957 г.

23 **Плашкоут** – плоскодонное плавучее средство для перевозки грузов при помощи буксира.

24 **Логвинов Кузьма Михайлович** (1879–1952) Из крестьян-середняков Тульской губернии. До 1897 г. работал в хозяйстве отца, затем батрачил. С 1906 г. – на службе в армии, фельдфебель. В 1907–1909 гг. служил в Иркутской пожарной команде. Затем был рабочим на строительстве Забайкальской железной дороги, работал в хозяйстве брата. В 1915 г. переехал в с. Перово Канского уезда Енисейской губернии. В тот же год был вновь призван в армию. Служил фельдфебелем запасного полка в г. Канске. Демобилизовавшись в начале 1918 г., работал счетоводом в Перовском кредитном товариществе. В начале марта 1919 г. на армейском съезде, состоявшемся в д. Умбаж, избран в члены Главного штаба партизанской армии Кравченко-Щетинкина. Во время Саянского похода был командиром 1-го Канского полка. После Белоцарского боя в Урянхае назначался начальником гарнизона и Заенсейского района. 9 декабря 1919 г. был ранен в бою под с. Сухая Тесь Минусинского уезда. В сентябре 1920 г. добровольцем зачислен в 20-й Сибирский полк, в составе которого, командуя 3-м батальоном, воевал с войсками Врангеля. Уволенный с военной службы, в 1922–1924 гг. работал председателем Перовского волисполкома и кредитного товарищества. С 1925 г. – коммунист, председатель Перовского общества потребителей, счетовод кредитного товарищества. Приказом РВС СССР от 23 февраля 1928 г. за боевые заслуги и в ознаменование десятилетия РККА награжден орденом Красного Знамени. В 1937 г. был инструктором райкома ВКП(б) в Рыбинском районе Красноярского края. Умер в 1952 г.

25 **Лохмашка** – меховая рукавица, сшитая мехом наружу.

26 **Гусев Василий Осипович** (1896–?) – командир Манского полка партизанской армии А. Д. Кравченко – П. Е. Щетинкина. Уроженец Казанской губернии. В 1908 г. переселился в Сибирь, проживал в с. Нарва Канского уезда Енисейской губернии. Работал на лесозаготовках, лоцманом на сплаве плотов по р. Мана. Участник Первой мировой войны, фронтовик, унтер-офицер, несколько раз был ранен. Большевик с октября 1917 г. В 1918 г. – комиссар на ст. Красноярск, участник боев на Клюквенском фронте. В партизанском движении возглавлял подрывную команду, провел ряд железнодорожных диверсий. Заменял на посту командира батальона Манского полка брата Ивана, казненного властями в июне 1919 г. Во время похода через Саяны был избран командиром Манского полка.

27 **Белогорье** – сибирские горные края, откуда идут ручьи, реки.

28 **Мочажина** – влажное, заболоченное, топкое место между кочками на болоте, низменном лугу и т. п.

29 **Савраска** – ласк. к саврас; конь или лошадь саврасой масти.

30 **Баббит** – сплав, основным компонентом которого являются свинец или олово. Относится к группе антифрикционных материалов.

31 **Иркутское юнкерское восстание** – события декабря 1917 г. в г. Иркутске. К осени 1917 в Иркутске произошел раскол в иркутской социал-демократической организации. Большевики создали свой комитет, провели переизбрание Советов рабочих и военных депутатов, где теперь стали преобладать их сторонники. Второй Восточносибирский съезд под влиянием меньшевиков и эсеров высказался за Учредительное собрание и сохранение власти за прежними органами общественного самоуправления. 27 ноября в поддержку этого решения Гордская дума образовала комитет защиты революции и революционную комендатуру, в ведение которой переходили все воинские и гражданские учреждения. Общесибирский съезд принял резолюцию большевиков и левых эсеров о переходе власти в центре и на местах в руки Советов и, в свою очередь, организовал ЦИК Советов Сибири (Центросибирь) и Военно-революционный комитет – оперативный орган захвата власти. В начале декабря 1917 г. про-

тивостояние перешло в вооруженную борьбу. 17 декабря подписали перемирие. Условиями его были: создание коалиционной власти, отзыв из всех учреждений комиссаров Центросибири, расформирование школ прапорщиков, демобилизация офицеров, роспуск красновардейских отрядов, отсылка из Иркутска прибывших сюда на помощь советским силам рабочих из других городов Сибири. От имени Советов перемирие подписали П. Постышев и Я. Янсон, их поддержало собрание иркутских большевиков. Однако под давлением командиров прибывших в Иркутск рабочих отрядов эти условия были аннулированы и 20 декабря предъявлены требования безоговорочного признания советской власти, полного разоружения и демобилизации офицеров, упразднения губернского коалиционного Совета. Не имея возможности продолжать сопротивление, повстанцы вынуждены были их принять. 22 декабря 1917 г. Иркутский Совет рабочих и солдатских депутатов объявил о переходе всей власти Иркутскому Совету и окружному бюро Советов Восточной Сибири.

32 **Бивак** – походное расположение войск на отдых или ночлег под открытым небом, вне населенных пунктов.

33 **Уголовье** – так на Руси называли преступление, т. е. такое противоправное деяние, за которое лишали головы.

34 **Афанасьев Лукьян Васильевич** (1869–1934) – генерал-майор, герой Первой мировой войны, участник Гражданской войны в России. 19 января 1919 г. был назначен исполняющим должность помощника командующего войсками Иркутского военного округа, с 26 февраля вновь командовал 8-й Сибирской стрелковой дивизией, с 6 января по 10 апреля одновременно возглавлял экспедиционный отряд в Енисейской губернии.

35 **Сборня** – изба, предназначенная для деревенских сходок.

36 **Село Ксеньевка** в 1933 г. переименовано в Асино (с 1952 г. – город), по названию железнодорожной станции, а Ново-Кусковский район получил название Асиновский.

37 **Чрезвычайный революционный трибунал при Сибревкоме** – судебный орган для разбора дел об особо важных контрреволюционных преступлениях, имевших общегосударственное значение. Учрежден постановлением Сибревкома от 10 апреля 1920 г. Рассмотрел показательное политическое дело над руководящими деятелями российской контрреволюции. Состоялся в Омске 20–30 мая 1920 г. Председатель суда – Иван Петрович Павлуновский, члены суда: Владимир Михайлович Косарев, М.Н. Байков, Петр Ефимович Шетинкин и Ефим Мефодьевич Мамонтов. На скамье подсудимых оказались четыре министра правительства А.В. Колчака: министр просвещения – П.И. Преображенский, министр труда – Л.И. Шумиловский, министр юстиции – А.П. Морозов и государственный контролер Г.А. Краснов, товарищи министров: внутренних дел – А.А. Грацианов, Н.Я. Новомбергский, А.А. Червен-Водали и М.Э. Ячевский, иностранных дел – В.Г. Жуковский, продовольствия и снабжения – Н.В. Дмитриев и И.А. Молодых, просвещения – Н.О. Палечек, путей сообщения – А.М. Ларионов и Т.Н. Степаненко, торговли и промышленности – С.А. Введенский, труда – В.К. Василевский и С.М. Третьяк, финансов – И.Н. Хроновский, юстиции – М.А. Малиновский, а также помощник военного министра генерал-майор В.А. Карликов, главноуправляющий почт и телеграфа Е.А. (Ф.Л.) Цеслинский, директор-распорядитель Русского бюро печати А.К. Клафтон и жена бывшего управляющего военным министерством Временного сибирского пр-ва генерал-майора А.Н. Гришина-Алмазова. Трибунал признал вину большинства подсудимых доказанной и в соответствии с указанием Сиббюро ЦК РКП(б) приговорил к высшей мере наказания Клафтона, Ларионова, Червен-Водали и Шумиловского. Грацианов, Жуковский, Краснов, Малиновский, Морозов и Степаненко были приговорены к пожизненному заключению; Новомбергский, Преображенский и Ячевский – к заключению до окончания Гражданской войны; Василевский, Введенский, Дмитриев, Молодых, Палечек, Хроновский и Цеслинский – на 10 лет; Карликов и Третьяк – к условному лишению свободы на 5 лет с применением принудительных работ. Гришину-Алмазову освободили в ходе судебного следствия за отсутствием обвинительного материала, Писарев направлен на обследование в психиатрическую больницу.

38 **Правительство А.В. Колчака** – Российское правительство (Правительство Государства Российского, Омское правительство, Колчаковское правительство) — высший орган государственной власти, образованный в результате событий 18 ноября 1918 г. в Омске, во главе с Верховным правителем России адмиралом А.В. Колчаком.

39 **Червен-Водали Александр Андреевич** (1871–1920) – русский политический деятель, нотариус. В 1919 г. – член Российского правительства. Окончил Одесскую гимназию, а затем – физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. Был оставлен при университете на кафедре физики для приготовления к профессорскому званию. Высочайшим приказом по Морскому ведомству 29 октября 1901 г. был назначен «младшим помощником высшего олада заведующего состоящим при Санкт-Петербургском порте бассейном для производства опытов по постройке судов». Опыты были связаны с определением наилучших мореходных качеств морских судов. С 16 ноября 1902 г. он был назначен нотариусом Тверского окружного суда. Входил в состав Тверского управления Российского общества Красного Креста, членом правления Тверского общества взаимного страхования, членом Совета старшин губернского общественного собрания. Был гласным городской думы, активно участвовал в деятельности существовавшего в Твери Народного университета, работал в попечительском совете женского коммерческого училища. Являлся председателем городского комитета оказания помощи безработным. С 1905 г. — член Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы), с 1906 г. — руководитель ее тверской организации. В конце октября 1915 г. возглавил Тверской городской военно-промышленный комитет. С 1 марта 1917 г. – председатель Временного исполкома Тверского комитета общественных организаций, преоб-

разованного затем в губернский комитет. Занимал пост губернского комиссара Временного правительства. Ввел вооруженную охрану основных объектов в Твери, наладил распределение продовольствия, создал городскую милицию. В конце мая 1917 г. уехал в Москву, где был членом городской управы, комиссаром по благотворительным делам в Москве, работал в Торгово-промышленном союзе, входил в состав главного комитета Союза городов. В августе 1917 г. был командирован Союзом городов на Юго-Западный фронт, где при его участии был восстановлен фронтовой комитет Союза. После прихода к власти большевиков входил в состав антибольшевистской подпольной организации «Девятка», затем стал активным деятелем организаций Правый центр и Всероссийский национальный центр. В 1918 г. уехал в Киев, а затем в Екатеринодар (ныне Краснодар) в расположение Добровольческой армии, где в рамках Национального центра работал над законопроектами по аграрному, продовольственному и рабочему вопросам. Призывал отказаться от борьбы с большевиками при помощи одних штыков и принять меры, «способные убедить рабочее население в том, что возрождаемый порядок лучше большевистского». Инициировал включение в политическую платформу Национального центра пункта об обеспечении для рабочих права защиты своих профессиональных интересов с сохранением 8-часового рабочего дня для квалифицированных работников. Руководитель Екатеринодарского отделения осведомительной организации «Азбука». В марте 1919 г. вместе с Н.К. Волковым и П.А. Бурьшкиным был командирован в Сибирь по просьбе местных кадетов, просивших прислать в Ставку Верховного правителя России А.В. Колчака опытных организаторов, способных реализовать идею объединения фронта и тыла в единый лагерь. В июле 1919 г. прибыл во Владивосток, затем направился в Омск, где был принят адмиралом Колчаком. 1 августа вошел в состав Государственного экономического совещания. В условиях кризиса российского правительства премьер-министр В.Н. Пепеляев предложил А.А. Червен-Водали войти в состав правительства. С 25 ноября 1919 г. — товарищ министра внутренних дел с возложением на него временного управления министерством. Согласился занять этот пост при выполнении ряда условий: созыва Земского собора, активного сотрудничества с земскими и городскими организациями, подчинения военных властей гражданским, передачи продовольственного дела земствам и городам, повышения роли Совета министров и смещения реакционных военных и гражданских деятелей. Условия были приняты, но наступление Красной Армии и развал Белой власти в Сибири не позволили наладить нормальную работу правительства. Временно принял на себя обязанности заместителя председателя правительства, пытался привлечь общественность к сотрудничеству с властью, был инициатором освобождения ряда политических заключенных. 28 декабря 1919 г. вошел в состав оперативного органа государственного управления, образованного в Иркутске, — так называемой троюктории (вместе с военным министром М.В. Ханжиным и временно управляющим Министерством путей сообщения А.М. Ларионовым). Вел переговоры с руководителями антиколчаковского восстания в Иркутске в январе 1920 г. Был арестован и предан суду Чрезвычайного революционного трибунала Сибири. 30 мая 1920 г. был приговорен к расстрелу и, после отклонения президиумом ВЦИК ходатайства о помиловании, расстрелян 23 июня 1920 г.

40 **Шумиловский Леонид Иванович** (1876–1920) — русский политический деятель, журналист, министр труда в правительстве А.В. Колчака. Окончил Омскую гимназию (1894), историко-филологический факультет Московского университета (1900). В течение семи лет был преподавателем истории и русского языка в Барнаульском реальном училище и частной женской гимназии М.Ф. Будкевич. В 1905–1918 гг. — член Российской социал-демократической рабочей партии, меньшевик. С 21 июня 1918 г. — заведующий отделом труда Западно-Сибирского комиссариата, созданного антибольшевистскими силами. С 1 июля 1918 г. — управляющий Министерством труда Временного Сибирского правительства (член его административного совета с конца августа 1918 г.), с 4 ноября — Уфимской директории, с 18 ноября 1918 г. — правительства А.В. Колчака. С 6 мая 1919 г. — министр труда. В июле 1918 г. вышел из партии меньшевиков, чтобы «не связывать себя в деловой работе» партийной дисциплиной. Провел ряд законов, направленных на защиту прав трудящихся. В ноябре 1918 г. был принят закон о биржах труда, которые финансировались из государственного бюджета (на чем особенно настаивал Шумиловский). В январе 1919 г. провел закон о больничных кассах, по которому обеспечивалось социальное страхование промышленных рабочих. Подготовил законы о восьмичасовом рабочем дне (он ранее действовал в белой Сибири на основании совместного циркуляра Шумилового и министра торговли и промышленности П.П. Гудкова), об инспекции труда. Пытался поддерживать профсоюзное движение, по мере сил защищая его от репрессий со стороны правых сил. После военного поражения колчаковской армии был арестован в январе 1920 г. в Иркутске. В мае 1920 г. предстал перед Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири. Был приговорен к расстрелу и, после отклонения президиумом ВЦИК ходатайства о помиловании, расстрелян 23 июня 1920 г.

41 **Краснов Григорий Адрианович** (1883—1933) — государственный контролер в правительстве А.В. Колчака (1918–1920), экономист. Окончил Самарскую духовную семинарию, Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия (1907), Петербургский археологический институт. С 1907 г. служил в главном управлении неокладных сборов и казенной продажи питей Министерства финансов. В 1916 г. за труды по Всероссийскому аэро клубу пожалован чином надворного советника. С 6 июня 1917 г. — и. д. члена совета государственного контроля. С 4 июня 1918 г. — инспектор Народного комиссариата государственного контроля РСФСР. В июле 1918 г. находился в командировке в Поволжье, где его застало свержение большевистской власти. С 8 августа 1918 г. — управляющий контрольным отделом Комитета членов Учредительного собрания. С 4 ноября 1918 г. — государственный контролер Уфимской директории, с 18 ноября 1918 г. — правительства А.В. Колчака. Руководил разработкой «Учреждения контроля» и «Устава ревизии», возбудил расследования по фактам злоупотреблений в

Министерстве продовольствия и в интендантстве. В Сибири в январе 1920 г. был арестован в Иркутске. 30 мая 1920 г. приговорен Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири к пожизненному лишению свободы с применением принудительных работ. В 1922 г. был амнистирован, работал в органах управления Советской России и СССР, в ряде научных и общественных организаций. Автор статей по финансово-экономическим вопросам в центральных и сибирских журналах и газетах. В марте 1933 г. был арестован в Новосибирске по обвинению в руководстве контрреволюционной белогвардейской повстанческой организацией в Западно-Сибирском крае. Приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

42 **Морозов Александр Павлович** (1864–1933) – юрист, управляющий Министерством юстиции в правительстве А.В. Колчака (1919–1920). Окончил юридический факультет Московского университета. Был мировым судьей в Омске. С 1908 г. – следователь (в течение двух лет), затем член Омского окружного суда, Омской судебной палаты. С 1 июля 1917 г. – председатель Барнаульского окружного суда. Действительный статский советник. Занимался общественной деятельностью, был председателем общества попечения народного образования, закрытого царским правительством «за вредную деятельность», возглавлял попечительские советы ряда учебных заведений: высших начальных училищ, женской гимназии, высшего коммерческого училища, торговой школы. Считался «честным и добрым человеком, трудолюбивым чиновником». Был членом Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы). После свержения власти большевиков в Сибири, с 14 июня 1918 г. – заведующий отделом юстиции Западно-Сибирского комиссариата. Был рекомендован на этот пост П.В. Вологодским, который отмечал, что Морозов «пользовался широкими симпатиями населения». С 1 июля 1918 г. – товарищ министра юстиции Временного Сибирского правительства, с 4 ноября 1918 г. – Уфимской дирекции, с 18 ноября 1918 г. – министр земледелия правительства А.В. Колчака. С 28 ноября 1919 г. – управляющий Министерством юстиции. В январе 1920 г. был арестован в Иркутске. В мае 1920 г. предстал перед судом и приговорен Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири к пожизненному заключению с применением принудительных работ.

43 **Преображенский Павел Иванович** (1874–1944) – российский геолог, министр народного просвещения в правительстве А.В. Колчака (1919–1920), профессор (1922), заведующий кафедрами геологии и минералогии (1923–1924) Пермского университета, первооткрыватель крупнейшего в мире месторождения калийно-магнєвєвых солей (Верхнекамского), доктор геолого-минералогических наук (1935). В 1892 г. окончил с золотой медалью Ташкентскую гимназию. Учился на физико-математическом факультете Московского университета. В 1900 г. окончил Горный институт в Санкт-Петербурге, получив звание горного инженера. В 1908–1909 гг. учился в Мюнхенском университете. Был заведующим геологической партии на Урале по изысканию трассы железной дороги Уфа – гора Магнитная, преподавал в Горном институте, участвовал в деятельности Русского технического общества. С 1913 г. – старший геолог Геологического комитета, с 1916 г. заведовал его сибирской секцией. Во время Первой мировой войны (1914–1916) служил в Четвертом полковом санитарном отделе Отряда русских техников. Представлял Всероссийский союз городов в Особом совещании по обороне. Занимался проблемами технического внешкольного обучения. В 1917 г. был товарищем министра народного просвещения Временного правительства по вопросам профессионального образования. После прихода к власти большевиков вернулся на пост главного геолога Геологического комитета. В 1918 г. находился во Владивостоке, затем добрался до Оренбурга, где работал в кооперативных организациях, занимаясь организацией Высшей вольной школы (по типу Университета Шаньявского в Москве). С 19 ноября 1918 г. – товарищ министра народного просвещения правительства А.В. Колчака. Из-за противоречий с другими высшими государственными чиновниками (в частности, Преображенский выступал с критикой деятельности Омского военно-промышленного комитета, который пользовался поддержкой ряда членов правительства) подал в отставку. Однако пока решался вопрос об отставке, свой пост покинул министр В.В. Сапожников, и Преображенский возглавил министерство. С 6 мая 1919 г. – министр народного просвещения. Первоначально рассматривал эту работу как временную, но после военных поражений колчаковской армии не счел возможным бросить правительство и остался на своем посту. Разработал законопроект о единой школе, выдержанный в демократическом духе и не успевший стать законом из-за развала белого режима в Сибири. Был сторонником развития сети народных университетов, внешкольного образования. В январе 1920 г. был арестован в Иркутске. Затем был освобожден из тюрьмы и переведен под домашний арест, но вскоре вновь заключен в тюрьму. В мае 1920 г. приговорен Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири к заключению до окончания гражданской войны с применением принудительных работ. 23 июня 1920 г. был назначен заместителем заведующего отделом народного образования Сибревкома и председателем Сибирского комитета профессионально-технического образования. С 1921 г. преподавал в Пермском университете, где являлся профессором кафедры геологии, затем, после смерти Б.К. Поленова, одновременно возглавлял кафедры геологии и минералогии (1923–1924). В Пермском университете считается одним из тех, кто заложил основы будущего геологического факультета. С осени 1924 г. работал в Ленинграде старшим геологом в Главном геологоразведочном управлении (бывшем Геологическом комитете), затем – в Центральном научно-исследовательском геологоразведочном институте. В 1937–1941 гг. – главный геолог, в 1941–1943 гг. – исполняющий обязанности директора Всесоюзного научно-исследовательского института геологии в Ленинграде. Был одним из организаторов этого института. С 1943 г. – заместитель директора Государственного института горно-химического сырья в Москве.

44 **Ларионов Алексей Михайлович** (1872–1920) – русский инженер-путеец, временно управлял Министерством путей сообщения в правительстве А.В. Колчака (1919–1920). Окончил Санкт-Петербургский институт

инженеров путей сообщения (1900). В мае 1917–1918 гг. – управляющий Алтайской железной дорогой (после прихода к власти большевиков получил ранг главного технического советника). С 25 июля 1918 г. – директор технико-хозяйственного отдела, затем – помощник управляющего Министерством путей сообщения Временного Сибирского правительства. С 7 сентября 1918 г. — временно управляющий министерством. С 4 ноября 1918 г. – товарищ министра путей сообщения Уфимской дирекции, с 18 ноября 1918 г. – правительства А.В. Колчака. С 13 ноября 1919 г. – временно управляющий министерством путей сообщения. С 28 декабря 1919 г. был членом созданного в Иркутске органа оперативного управления – «тройки», которая пыталась достигнуть соглашения с восставшими социалистами. В начале января 1920 г. был арестован и предан суду Чрезвычайного революционного трибунала Сибири. 30 мая 1920 г. был приговорен к расстрелу и, после отклонения президиумом ВЦИК ходатайства о помиловании, расстрелян 23 июня 1920 г.

45 **Степаненко Георгий Макарович** (1866–?) – российский инженер путей сообщения. Товарищ министра путей сообщения в правительстве А.В. Колчака (1918–1920). Окончил реальное училище в Кременчуге, Петербургский технологический институт (1888). С 19 июня 1918 г., после свержения власти большевиков на Востоке России, был назначен заведующим отделом путей сообщения Сибири в Западно-Сибирском комиссариате. С 1 июля 1918 г. – управляющий Министерством путей сообщения во Временном Сибирском правительстве. С августа 1918 г. одновременно входил в состав административного совета. Был сторонником единоначалия в управлении железными дорогами, противником вмешательства профсоюзов в техническую деятельность, активно внедрял сдельную оплату труда. С 4 ноября 1918 г. – товарищ министра путей сообщения Уфимской дирекции, с 18 ноября 1918 г. – правительства А.В. Колчака. Был арестован большевиками, заключен в тюрьму в Омске и предан суду. Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири 30 мая 1920 г. был приговорен к пожизненному заключению с применением принудительных работ.

46 **Жуковский Владимир Григорьевич** (1871–1922) – русский дипломат, поэт и переводчик, товарищ управляющего Министерства иностранных дел правительства Колчака. В 1897 г. окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Служил в Министерстве иностранных дел: в Азиатском департаменте (1897–1899), секретарем консульства в Галаце (1899–1902) и генерального консульства в Иерусалиме (1902–1903), вице-консулом в Адрианопле (1903–1907), консулом в Кенигсберге (1907–1910) и Праге (1910–1915). Затем назначен чиновником особых поручений 5-го класса в Романовский комитет при канцелярии Совета министров, в феврале 1917 г. возвращен в МИД, действительный статский советник (с 1916 г.). В 1918–1919 гг. последовательно исполнял должность товарища министра иностранных дел Временного Сибирского правительства, Уфимской дирекции и правительства А.В. Колчака. С 5 мая 1919 г. – товарищ управляющего МИД. В 1919 г. одновременно исполнял должность председателя Комиссии по делам военнопленных. Арестован в Иркутске в конце 1919 г. Осужден Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири и приговорен к лишению свободы с применением принудительных работ пожизненно. Умер в НовоНиколаевской тюрьме.

47 **Писарев Леонид Иванович** (1865 – не ранее 1920) – российский историк, доктор церковной истории, профессор Казанской духовной академии, переводчик. Окончил Нижегородскую духовную семинарию (1886) и Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия, профессорский стипендиат (1890). В 1917–1918 гг. – член Поместного собора Православной российской церкви от Казанской епархии. С декабря 1917 г. – заместитель членов Высшего Церковного Совета. В сентябре 1918 г. уехал из Казани, участник Сибирского соборного церковного совещания, член Высшего временного церковного управления Сибири. В 1919 г. – товарищ главноуправляющего по делам вероисповеданий правительства А.В. Колчака, редактор журнала «Сибирский благовестник», в ноябре эвакуировался в Иркутск. В январе 1920 г. арестован, в мае 1920 г. предан суду Чрезвычайного революционного трибунала Сибири, но ввиду начавшегося в тюрьме психического расстройства помещен в психиатрическую лечебницу.

48 **Клафтон Александр Константинович** (1871–1920) – российский общественный и политический деятель, журналист. Руководитель Восточного комитета Партии народной свободы (кадетов). Учился на медицинском факультете Казанского университета. На четвертом курсе за активное участие в деятельности студенческих кружков был арестован, несколько месяцев провел в тюрьме, не был допущен к экзаменам. Летом 1894 г. выслан в Самару. В 1917 г. участвовал в работе Совета общественных организаций и земской земельной комиссии в Самаре. Работал в Красном Кресте. В 1918 г. – участник переговоров об обмене заложниками между красными и белыми властями. В декабре 1918 г. и в июне 1919 г. избирался председателем президиума Восточного отдела ЦК Партии народной свободы. С 2 мая 1919 г. – директор-распорядитель акционерного предприятия «Русское общество печатного дела» (с 1 июня 1919 – Русского бюро печати), в ведении которого находились все информационные службы правительства А. В. Колчака (правительственные пресс-бюро, телеграфное агентство и отдел заграничной информации). Бюро также занималось ведением обзоров иностранной прессы «для ознакомления членов правительства с заграничным общественным мнением». Акционерами этой структуры были высокопоставленные чиновники колчаковской администрации, а также представители Центрального военно-промышленного комитета и Союза маслоделных артелей. Руководящие посты в Русском бюро печати занимали деятели кадетской партии. С июня 1919 г. был членом Государственного экономического совещания. После военного поражения колчаковской армии был арестован в январе 1920 г. в Иркутске. В мае 1920 г. предстал в Омске перед Чрезвычайным революционным трибуналом

Сибири. 30 мая 1920 г. был приговорен к расстрелу и, после отклонения президиумом ВЦИК ходатайства о помиловании, расстрелян 23 июня 1920 г.

49 **Цеслинский Евгений Александрович** (Феофил Людвигович) (1860–?) – товарищ министра внутренних дел правительства А.В. Колчака. С 1 июля 1916 г. служил управляющим Иркутским почтово-телеграфным округом. В марте 1918 г. советскими органами отстранен от занимаемой должности, но восстановлен после свержения советской власти. С 4 ноября 1918 г. являлся начальником главного управления почт и телеграфов правительства А.В. Колчака на правах товарища министра внутренних дел. Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири в мае 1920 г. был приговорен к десяти годам лишения свободы с применением принудительных работ.

50 **Ячевский Михаил Эдуардович** (1865–?) – из потомственных дворян. Окончил Варшавский университет. В 1910–1917 гг. служил петроковским губернатором. Действительный статский советник, камергер. После Февральской революции работал в комиссии при Минтралного комитета Всероссийского союза увечных воинов, служил в управлении строительства Южно-Сибирской железной дороги (г. Семипалатинск). С 23 апреля 1919 г. являлся чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел правительства А.В. Колчака. С 27 мая 1919 г. – временно исполняющий обязанности товарища министра, с 15 июля – товарищ министра внутренних дел правительства А.В. Колчака. Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири в мае 1920 г. был приговорен к лишению свободы с применением принудительных работ до окончания гражданской войны.

51 **Палечек Николай Осипович** (1878–1937) – товарищ министра народного просвещения в правительстве А.В. Колчака (1919–1920). Один из основателей Пермского университета. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1901). С 1902 г. работал в Министерстве народного просвещения, прошел путь от помощника делопроизводителя до вице-директора департамента народного просвещения. Разработчик (от министерства) законопроекта о создании в Москве Народного университета имени Шаняевского. При министре просвещения А.Н. Шварце заведовал вопросами ученых учреждений и высших учебных заведений. В бытность министром Л.А. Кассо из-за либеральных взглядов был вынужден сосредоточиться на финансово-хозяйственной деятельности министерства. Во время Первой мировой войны министр просвещения П.Н. Игнатьев поручил Палечку изучить вопрос об открытии новых факультетов в Томском и Саратовском университетах и выработать общий план по созданию нового Пермского университета. Результатом его поездки в Пермь было решение об открытии в этом городе отделения Петроградского университета, которое состоялось в 1916 г. Покинул свой пост в министерстве после прихода к власти большевиков. С марта 1918 г. – советник правления Пермского университета. С 18 февраля 1919 г. – директор департамента народного просвещения Российского правительства, действовавшего при Верховном правителе А. В. Колчаке. С 16 мая 1919 г. – и. д. товарища министра народного просвещения, с 17 октября 1919 г. – товарищ министра. В январе 1920 г. был избран секретарем совета Иркутского университета. Вскоре был арестован. В мае 1920 г. приговорен Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири к десяти годам лишения свободы с применением принудительных работ. Затем был амнистирован, жил в Ленинграде, заведовал административно-финансовым отделом Геологического комитета, в котором тогда же работал бывший министр народного просвещения в правительстве А.В. Колчака П.И. Преображенский. В 1929 г. был арестован по «делу Геолкома», освобожден за недоказанностью обвинения. В 1937 г. работал плановиком технического отдела треста «Селижаровуголь» (Кировский район Калининской области). Вновь арестован 19 декабря 1937. Приговорен тройкой УНКВД по Калининской области за «антисоветскую агитацию» 27 декабря 1937 г. к высшей мере наказания. Спустя два дня расстрелян. Реабилитирован в июле 1989 г. заключением Тверской областной прокуратуры.

52 **Грацианов Александр Алексеевич** (1865–1931) – российский политический деятель, врач. Товарищ министра внутренних дел в правительстве А.В. Колчака (1918–1919), последний городской голова Томска в августе—декабре 1919 г. Окончил Нижегородскую духовную семинарию, медицинский факультет Томского университета (1894). 1 января 1895 г. Грацианов был назначен на должность городского врача города Каинска Томской губернии (ныне Куйбышев, Новосибирская область). Через год переведен на такую же должность в Томск. В 1898 г. избирался председателем Общества попечения о начальном образовании. Специализировался по внутренним болезням, имел чин надворного советника. 24 октября 1905 г. уволен по политическим мотивам. В 1907–1916 гг. – вольнопрактикующий врач в Томске; в 1916–1917 гг. – заведующий санитарным бюро Томской городской управы. В 1910–1917 гг. – дважды избирался гласным Томской городской думы, был председателем ее ревизионной комиссии. С 16 июля 1918 г. – товарищ (заместитель) министра внутренних дел Временного Сибирского правительства (П.В. Вологодского). Вместе с И.А. Михайловым издал распоряжение о роспуске «социалистической» Временной Сибирской областной думы, обвинив ее в попытке переворота 21 сентября 1918 г. Поддержал приход к власти в ноябре 1918 г. адмирала А.В. Колчака, при котором оставался товарищем министра (с 18 ноября 1918 г.). Заведовал вопросами общественного управления, здравоохранения, ветеринарии, социального обеспечения. 22 июля 1919 г. был уволен с должности товарища министра согласно личному прошению. В том же месяце вернулся в Томск. 28 августа 1919 г. был избран томским городским головой, оставался на этом посту до 25 декабря, когда советская власть снова была установлена в городе. В начале 1920 г. был арестован выступившими против Колчака эсерами и затем передан ими советским властям. В марте 1920 г. был временно освобожден из-за тяжелой болезни, но затем вновь арестован. В мае 1920 г. – один из подсудимых на процессе над бывшими колчаковскими министрами и другими чиновниками Белой Сибири. 30 мая 1920 г. Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири приговорен к пожизненному заключению с применением принудительных работ. 12 января 1923 г. по решению

ВЦИК за работу, проведенную в Сибири по ликвидации эпидемий холеры, всех видов тифа и малярии, был освобожден от наказания. В 1924–1927 гг. работал санитарным врачом Сочинского курортного управления. В 1927 г. вновь арестован и выслан на три года в Шадринск Уральской области (ныне Курганской области), где занимался врачебной деятельностью. С 1 марта 1928 г. по 4 марта 1930 г. работал заведующим санитарно-эпидемиологическим подотделом здравоохранения Шадринского исполкома. Умер Грацианов 9 марта 1931 г. в городе Шадринске. Реабилитирован 16 октября 1991 г. органами УКГБ по Краснодарскому краю.

53 **Молодых Иннокентий Александрович** (1866 – ок. 1921) – общественный и государственный деятель. Учился в институте сельского хозяйства и лесоводства в Александрии. С 1906 г. несколько лет состоял в РСДРП, позднее – беспартийный областник. В 1883–1895 гг. жил в Иркутской губернии, служил волостным писарем, занимался сельским хозяйством. Одновременно участвовал в работе экспедиции по обследованию землепользования в Енисейской и Иркутской губерниях, публиковался в «Трудах Восточно-Сибирского отдела Географического общества». В 1896 г. организовал отделение Восточной Сибири на Нижегородской выставке. По возвращении в Сибирь служил чиновником особых поручений при Иркутском генералгубернаторе. По его поручению устроил первый в Восточной Сибири склад усовершенствованных сельхозмашин, в местечке Жердовка построил и открыл первое низшее земледельческое училище в Иркутской губернии. Немного служил председателем съезда крестьянских начальников. Затем переехал в Санкт-Петербург, где работал в Географическом обществе, состоял чиновником особых поручений по Переселенческому управлению. Был уволен за сотрудничество с социал-демократической фракцией в Государственной думе I созыва. Переехал в Омск, где находился на частной службе, три года состоял гласным городской думы. Накануне и после Февральской революции жил в Петрограде. 5 марта 1917 г. на организационном собрании Союза сибиряков-областников, ставившим своей основной задачей «всемерное содействие осуществлению областной автономии Сибири», избран его председателем. В июне 1918 г. снова переехал в Омск, где принимал активное участие в союзе областников. 27 июля 1918 г. назначен товарищем министра снабжения; указом Уфимской директории от 4 ноября 1918 г. – товарищем министра снабжения; сохранил эту должность при формировании правительства А.В. Колчака. Указом Верховного правителя А.В. Колчака от 27 декабря 1918 г. назначен товарищем министра снабжения и продовольствия. 4 февраля 1919 г. уволен с должности по сокращению штата. В начале 1920 г. арестован в Иркутске. Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири 30 мая 1920 г. приговорен к десяти годам лишения свободы с применением принудительных работ.

54 **Дмитриев Николай Васильевич** (1873–?) Окончил Московское земледельческое училище в звании агронома, был вольнослушателем Петровско-Разумовской земледельческой и лесной академии. Участник русско-японской войны, прапорщик. С апреля 1906 г. служил в переселенческом управлении (г. Омск) помощником управляющего сельскохозяйственными складами, заведующим отделом зернохранилищ Енисейской, Иркутской, Тобольской и Томской губерний. Во время Первой мировой войны являлся уполномоченным Временного правительства по перевозкам продовольственных грузов в Сибири. После установления советской власти подвергся преследованиям и скрывался. С 14 июня 1918 г. – заместитель заведующего продовольственным отделом Западно-Сибирского комиссариата, с 1 июля – заместитель управляющего Министерством продовольствия Временного Сибирского правительства, с 4 ноября – Уфимской директории, с 18 ноября – правительства А.В. Колчака. 24 января 1919 г. уволен с занимаемой должности по личному прошению. В июне 1919 г. был призван в Российскую армию и служил офицером для поручений в главном интендантском управлении. Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири 30 мая 1920 г. был приговорен к десяти годам лишения свободы с применением принудительных работ.

55 **Карликов Вячеслав Александрович** (1871–1937) – российский военачальник, генерал-лейтенант (1919). Герой Первой мировой войны, участник Гражданской войны. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1889), 2-е Константиновское военное училище (1891), Николаевскую академию Генерального штаба (1898). Участник русско-японской и Первой мировой войн, генерал-майор, был награжден Георгиевским оружием. С 21 декабря 1917 г. являлся начальником штаба Оренбургского военного округа. В июне 1918 г. руководил операциями белогвардейских отрядов против советских войск в районе Илецка Оренбургского уезда, затем командовал войсками туркестанского фронта Оренбургского казачьего войска, за что получил чин генерал-лейтенанта. С 12 апреля по 15 октября 1919 г. являлся директором Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. Указом Верховного правителя А.В. Колчака от 28 октября 1919 г. был назначен помощником военного министра. Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири 30 мая 1920 г. был приговорен к условному лишению свободы сроком на пять лет с применением принудительных работ. С 1920 г. служил в РККА, сначала в распоряжении штаба Западно-Сибирского военного округа, затем в распоряжении Всероглавштаба. В 1921 г. был старшим инспектором при Центровсеобуче. В 1921 г. – помощник начальника Отдела военной допризывной подготовки. В 1930-х годах жил в Москве, работал статистиком на ткацкой фабрике. Арестован НКВД СССР 17 сентября 1937 г., расстрелян на Бутовском полигоне в Москве. Реабилитирован в 1957 г.

56 **Введенский Сергей Арсеньевич** (1877 –?) – профессор; инженер путей сообщений. В апреле 1918 г. назначен председателем комитета по топливу, затем – членом коллегии по топливу. С декабря – товарищ министра торговли и промышленности по вопросам топливной политики правительства А.В. Колчака. Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири 30 мая 1920 г. был приговорен к условному лишению свободы сроком на десять лет с применением принудительных работ.

57 **Василевский Вячеслав Константинович** (1878 –?) – инженер-технолог. Служил помощником управляющего отделом охраны труда, рынка труда и взаимоотношений труда и капитала Министерства труда Российского правительства, с 9 мая 1919 г. – управляющий этим же отделом. Указом Верховного правителя А.В. Колчака от 4 июня 1919 г. был назначен товарищем министра труда.

58 **Новомбергский Николай Яковлевич** (1871–1949) – историк права и медицины, экономист, общественный и политический деятель. Окончил юридический факультет Варшавского университета (1896), окончил Петербургский археологический институт (1903), учился в Тюбингенском, Геттингенском и Берлинском университетах. Магистр полицейского права (1907), доктор государственного права (1919), доктор исторических наук (1943). В 1896–1902 гг. находился на государственной службе в Варшавской, Тобольской, Иркутской губерниях, в Приморской области. Был старшим чиновником особых поручений при губернаторе, председательствовал в Иркутском уездном съезде крестьянских начальников. По поручению тобольского губернатора занимался изучением быта переселенцев, подготовил и опубликовал книгу «Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольскую губернию», которая была признана МВД вредной и запрещена к распространению (второй том этой работы был запрещен к печати). Его другой критический по отношению к власти труд – «Остров Сахалин» (1903) – также был запрещен, причем автор был временно лишен права пребывания на государственной службе. В 1904–1905 гг. читал лекции по вопросам свободы печати в Парижской школе общественных наук. С 1906 г. – приват-доцент, с 3 марта 1908 г. – и.д. экстраординарного, с 10 мая 1911 г. – и.д. ординарного профессора юридического факультета Томского университета. С 2 сентября 1917 г. по январь 1919 г. – декан этого факультета. Был одним из организаторов Омского сельскохозяйственного института, преподавал в нем. С 4 ноября 1918 г. – товарищ министра внутренних дел Уфимской дирекции, с 18 ноября 1918 г. – правительства А.В. Колчака, действовавшего при Верховном правителе адмирале А.В. Колчаке. В состав МВД тогда вошли структуры упраздненного министерства туземных дел, которыми и ведал Новомбергский. Однако уже вскоре он разочаровался в колчаковской власти и 21 февраля 1919 г. был уволен согласно личному прошению. В августе 1920 г. ему было разрешено работать по специальности, в 1921 г. он экономист экономического отдела Сибревкома. С 1921 г. по декабрь 1928 г. работал в Сибирской краевой плановой комиссии: член коллегии (с 1921 г.), заместитель председателя комиссии (с 1927 г.), председатель бюро по изучению производительных сил Сибирского края, председатель бюро по электрификации Сибири. Являлся членом правления советского Общества изучения Сибири и ее производительных сил. В течение нескольких лет состоял членом редакционной коллегии журнала «Жизнь Сибири», в котором опубликовал большое количество статей по вопросам сибирской экономической жизни. В конце 1928 г. был уволен и лишен избирательных прав. В первой половине 1929 г. по постановлению ВСНХ Сибири участвовал в составлении лесопромышленного плана Сибири. Критически относился к советской власти. В январе 1930 г. арестован в Москве, осужден к пяти годам лишения свободы. Был досрочно освобожден и выслан в Архангельск, где жил на случайные заработки. В 1943 г. ему без защиты диссертации была присуждена ученая степень доктора исторических наук. В 1943–1949 гг. – профессор Архангельского государственного педагогического института, Архангельского государственного медицинского института.

59 **Хроновский Иван Неронович** (1864 – 1921) – российский государственный и финансовый деятель, товарищ (заместитель) министра финансов правительства А.В. Колчака. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Начал работу при казенной палате Санкт-Петербурга в 1890 г. Податный инспектор Копальско-Джаркентского участка Семиреченской области (1894–1896). Управляющий казенной палатой Томской губернии с 7 ноября 1897. Неоднократно управлял губернией в отсутствие губернатора. 27 апреля — 6 августа 1899 г. исполнял обязанности губернатора Томской губернии. Управляющий казенной палатой Самарской губернии с 29 мая 1904 г. Неоднократно управлял губернией в отсутствие губернатора. После окончания государственной службы занимал должность генерального директора отделения РусскоАзиатского банка в г. Самаре. С апреля по август 1917 г. являлся помощником Самарского губернского комиссара Временного правительства. С июля 1918 г. был членом временной Самарской торговопромышленной палаты, управляющим самарским отделением Петроградского международного банка. С 3 декабря 1918 г. по 23 декабря 1919 г. занимал должность товарища министра финансов (заместитель министра финансов) в правительстве адмирала А.В. Колчака. Беспартийный. Арестован сотрудниками Сибирского Ревкома в Иркутске. Заключен в тюрьму вместе с адмиралом Колчаком. После расстрела адмирала перемещен в Омск и там же осужден в мае 1920 г. Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири приговорен к десяти годам лишения свободы с применением принудительных (финансовых) работ. Скоропостижно умер от тифа 18 декабря 1921 г.

60 **Малиновский Михаил Алексеевич** (1871–1921) – адвокат и политический деятель. Товарищ министра юстиции в правительстве А.В. Колчака. Окончил Симбирскую гимназию (1890), юридический факультет Московского университета (1894). После окончания университета — кандидат на должности по судебному ведомству, помощник присяжного поверенного Симбирского окружного суда, с 1899 г. – присяжный поверенный округа Казанской судебной палаты. Был председателем Симбирского юридического общества. Избирался гласным Симбирской городской думы и уездного земского собрания. Был выборщиком в I, III и IV Государственные думы. С 1905 г. был членом Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы), возглавлял ее Симбирский городской комитет. В 1917 г. был помощником симбирского губернского комиссара и исполняющим обязанности губернского комиссара Временного правительства. Избран почетным гражданином Симбирска. С 1 ноября 1918 г.

– вице-директор финансово-счетного отдела, исполняющий обязанности старшего юрисконсульта Министерства продовольствия в составе Уфимской директории, затем – правительства А.В. Колчака. С 24 декабря 1918 г. — и.д. обер-прокурора, с 10 января 1919 г. – товарищ обер-прокурора первого департамента Правительствующего Сената. С 6 мая 1919 г. – товарищ министра юстиции, курировал законотворческую деятельность и делопроизводство. Был докладчиком в комитете по охранению законности и порядка в управлении. В январе 1920 г. был арестован в Иркутске. Был освобожден на поруки, но затем вновь арестован. В мае 1920 г. приговорен Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири к пожизненному заключению с применением принудительных работ. Находился в заключении в Омском доме лишения свободы, одновременно сотрудничал в советских учреждениях Омска — Сибирском продовольственном комитете, отделе юстиции Сибревкома и др. В феврале 1921 г. арестован по обвинению в причастности в деятельности военной организации Омского комитета «Сибирского крестьянского союза». Хотя установить его причастность к этому делу не удалось, он был приговорен к расстрелу Омской губернской ЧК. Расстрелян 6 мая 1921 г.

61 **Село Капихор** в 1945 г. переименовано в Морское.

62 **Селенгинская степная дума** — исторический орган местного самоуправления селенгинских бурят в Российской империи.

63 **Хурэ** – (монг., букв. круг, ограда, огорож. место) — термин, обозначавший крупные монастыри в Монголии, Туве и первонач. в Бурятии, где его впоследствии вытеснило слово дацан.

64 **Резухин Борис Петрович** (1886–1921) – русский офицер, участник Первой мировой и Гражданской войн, генерал-майор (1920). Участник Белого движения в Забайкалье и Монголии. Окончил Ярославский кадетский корпус и Елисаветградское кавалерийское училище. В 1907 г. – хорунжий 1-го Аргунского полка. В 1911 г. — сотник. В Первую мировую войну командовал сотней в 1-м Верхнеудинском полку. В 1915 г. — подесаул. Во время Гражданской войны примкнул к войскам атамана Г.М. Семенова. Командовал Татарским полком и 2й кавалерийской бригадой в Азиатской дивизии генерала барона Р.Ф. Унгерна-фон-Штернберга, был заместителем командующего дивизией. После освобождения Урги в феврале 1921 г. от китайских республиканских войск был пожалован Богдо-гэгэном титулом «чин-ван» (сиятельный князь) и званием «одобренный батор, командующий». Руководитель похода 2-й кавалерийской бригады Азиатской дивизии на Мысовск и Татаурово, с 8 июля совместно с Унгерном руководил походом на Верхнеудинск. Отказавшись вести бригаду в Маньчжурию, погиб от рук подчиненных 16 августа 1921 г.

65 **Казагранди Николай Николаевич** (1886–1921) – полковник, видный деятель белого движения в Сибири. Окончил Троицкосавское реальное училище, также получил военное образование. Во время Первой мировой войны – офицер русской армии, поручик инженерных войск, отличился в составе Ревельского морского батальона смерти при обороне Моонзунда на Балтийском море в 1917 г. С апреля 1919 г. – командир 18-й Сибирской стрелковой дивизии (в составе 1-го и 2-го штурмовых полков, 1-го егерского полка, егерского батальона 7-й Сибирской стрелковой дивизии и кавалерийского дивизиона), которая была фактически им создана. Однако уже в июле 1919 г. был снят с поста из-за разногласий с командованием: это решение привело к падению духа дивизии и ее развалу. Затем командовал отрядом во 2-й армии. Совершал Великий сибирский ледяной поход вместе с казаками генерал-майора Перхурова и отрядом генерала Сукина и полковника Камбалина. На Ангаре, в феврале 1920 г., отряд Перхурова – Казагранди был отделен генералом Сукиным и полковником Камбалиным от своих сил из-за царившего в нем «духа партизанщины и своеволия», потери подвижности и боеспособности из-за наличия в нем большого количества беженцев. Во время отступления вверх по реке Лена в направлении Забайкалья отряд Перхурова — Казагранди был окружен красными войсками и капитулировал в обмен на обещание свободы, которое не было выполнено. Вместе с отрядом был направлен на принудительные лесозаготовительные работы в город Балаганск Иркутской губернии. Возглавил партизанский отряд из бывших колчаковцев и в течение нескольких месяцев боролся с большевиками в тайге на юго-востоке от Иркутска. Затем отвел свой отряд в окрестности озера Хубсугул, а позднее, под давлением красных войск был вынужден отступить в Монголию. Осень и зиму отряд в тяжелых условиях провел в верховьях Эгийн-Гола и Селенги, выжив лишь благодаря помощи нескольких живших в этом районе русских колонистов. К середине февраля 1921 г., продвигаясь дальше на юг, отряд достиг Ван-Хурэ; к этому времени в нем было около двухсот человек. Во главе своего отряда присоединился к войскам барона Р.Ф. Унгерна фон Штернберга. Предложил план кампании против Красной Армии, основанный на самостоятельных действиях нескольких отрядов — сам Казагранди во главе своих подчиненных должен был наступать на иркутском направлении в сторону озера Хубсугул. При этом расчет белого командования основывался на том, что наступление приведет к массовому восстанию населения против советской власти и, следовательно, к огромному притоку добровольцев. Однако эти планы не осуществились. В мае отряд Казагранди, перешедший советскую границу, был разбит красной конницей и был вынужден отступить в Монголию. Военные неудачи белых войск привели к росту конфликтов в их рядах, один из которых привел к тому, что Унгерн отдал приказ казнить Казагранди.

66 **Фанза** – тип традиционного жилища, распространенный в Китае, Корее и на Дальнем Востоке России у коренных народов. Прямоугольное, как правило двух- или трехкомнатное строение, каркасно-столбовое, с соломенными, саманными или кирпичными стенами и двускатной крышей из соломы, тростника или черепицы. Входная дверь располагается по направлению к ближайшей реке или на юг.

- 67 **Кумирня** – небольшая буддийская молельня с кумирами.
- 68 **Уполкоминтерн** – с февраля 1921 г. на должности руководителя Дальневосточного секретариата Коминтерна в Иркутске и уполномоченного НКВД на Дальнем Востоке находился Шумяцкий Борис Захарович (1886–1938) – советский государственный и партийный деятель, революционер, дипломат, журналист, участник Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. Второй председатель Совета министров и министр иностранных дел Дальневосточной республики. Руководитель советского кинематографа (1930–1938). Член Среддзбюро ЦК ВКП(б). В январе 1938 г. Шумяцкий был арестован по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации и шпионаже, 29 июля 1938 г. расстрелян и похоронен на полигоне «Коммунарка». Реабилитирован 22 февраля 1956 г. определением Военной коллегии Верховного суда СССР.
- 69 **Старый стиль** – юлианский календарь.
- 70 **Бак Борис Аркадьевич** (1897–1938) – сотрудник ЧК – ОГПУ – НКВД СССР: заместитель председателя Томской уездной – губернской ЧК в 1920 г.; заместитель полпреда ОГПУ по Сибирскому краю в 1923–1927 гг.; комиссар ГБ 3-го ранга (1935). Входил в состав особой тройки НКВД СССР. Расстрелян в «особом» порядке. Реабилитирован посмертно.
- 71 **Блюмкин Яков Григорьевич** (1900–1929) – российский революционер, сотрудник органов ВЧК/ОГПУ. В 1926 г. Блюмкин направлен представителем ОГПУ и главным инструктором по государственной безопасности Монгольской республики. В 1927 г. отозван в Москву в связи с трениями с монгольским руководством.
- 72 **Закровский Леонид Михайлович** (1894–1938) – российский революционер, деятель советских органов госбезопасности. С 6 февраля 1926 г. – полномочный представитель ОГПУ по Сибири и начальник особого отдела Сибирского военного округа. Один из командиров большого террора на региональном уровне. Расстрелян в 1938 г. Не реабилитирован.
- 73 **Вегман Вениамин Давыдович** (1873–1936) – известный партийный и общественный деятель, публицист, журналист, историк-архивист Сибири. Арестован 25 апреля 1936 г. по обвинению в троцкизме. Погиб 9 августа 1936 г., официальная причина: самоубийство во время следствия.
- 74 **Дворец Труда** – здание находится по улице Щетинкина (д. 33) в Железнодорожном районе Новосибирска. Это трехэтажное строение было возведено в 1926 г. по проекту инженера-архитектора С.А. Шестова. Сейчас здание занимает Государственная академия водного транспорта. Здание признано памятником архитектуры регионального значения.
- 75 **Дом Ленина** – здание, расположенное в Центральном районе Новосибирска на Красном проспекте (д. 32). Построено в память первого руководителя Советского государства Владимира Ильича Ленина в 1925 г. С 1985 г. здесь располагается Новосибирская государственная филармония. Здание является объектом культурного наследия народов России регионального значения.
- 76 **Город Камень** – с 1933 г. переименован в Камень-на-Оби.
- 77 **Клуб транспортников** – здание на углу улицы Шамшурина (д. 39) и Владимировского спуска в Железнодорожном районе Новосибирска. Клуб железнодорожников («Транспортник») – один из первых рабочих клубов, появившихся в Новосибирске в советский период. Здание было построено в 1926 г. недалеко от железнодорожного вокзала Обь-Новониколаевск (ныне Новосибирск-Главный). С 1926 по 1970 г. здесь проходили культурные мероприятия городского масштаба. В 1990-х гг. здание было реконструировано, помещения приспособлены под железнодорожную библиотеку и спортивно-оздоровительный комплекс ДСО «Локомотив». Здание признано памятником истории регионального значения.
- 78 **Братская могила за Домом Ленина** – ныне Братская могила 104-х жертв Гражданской войны в мемориальном комплексе Сквер Героев Революции в Центральном районе Новосибирска. Появление захоронения связано с событиями декабря 1919 г. С 13 на 14 декабря 1919 г. в ночное время суток 27-я дивизия 5-й Красной армии при содействии рабочих отрядов города вошла в Новониколаевск. В городе ими были найдены 104 изуродованных трупа, часть из которых обнаружены в пойме реки Каменки, часть – во дворе тюрьмы по улице Трудовая, 60. Из 104 человек удалось опознать только 37. 22 января 1920 г. жертвы были захоронены. 7 ноября 1922 г. на братской могиле состоялось открытие монумента в виде сильной мускулистой руки, держащей факел и пробивающей сквозь огромную каменную глыбу наружу. Создатели монумента – художник В. Н. Сибиряков и инженер А. И. Кудрявцев. На братской могиле установлена мемориальная доска со надписью: «В январе 1920 г. здесь похоронены 104 политических заключенных, зверски замученных колчаковцами перед отступлением из города. В числе похороненных В.Р. Романов первый председатель Ново-Николаевского большевистского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».
- 79 **Кольванское восстание** – крестьянское восстание в Новониколаевском уезде. Началось 5 июля 1920 г. в селе Вьюны Кольванской волости Новониколаевского уезда. В этот день село было захвачено группой крестьян, которые организовали «крестьянское правительство». На следующий день повстанцы заняли Кольвань. В городе был распущен исполком и создана Городская дума. Она приняла решение о создании городской самоохраны и следственной комиссии. Кроме того, был выбран окружной исполнительный комитет, заявивший, что он борется только против коммунистов, а не Советской власти. На следующий день началась всеобщая мобилизация жителей Кольвани от 18 до 45 лет. Повстанцам удалось взять под свой контроль район радиусом около 200 верст, ограниченный с запада и юга станциями Ояш – Мошково – Сокур – Чик – Коченево – Дулпенская. В захваченном

районе повстанцы расправлялись с советскими и партийными работниками, проводили мобилизации населения, изготовляли оружие и создавали запасы продовольствия. Как только поступили первые известия о начале восстания, в Новониколаевске на совместном заседании председателя Новониколаевского горюездного исполкома, председателя чека, начальника гарнизона, председателя парткома и представителя войск ВОХР было решено создать Военно-революционный комитет из трех человек, которому вручалась вся полнота власти в уезде и предписывалось принять все меры для ликвидации восстания. К 11 июля основные очаги восстания были ликвидированы. В связи с этим осадное положение в Новониколаевске было снято, а Военно-революционный комитет распущен. В Кольвани и освобожденных от повстанцев селах были организованы ревкомы, которые обезоруживали население, арестовывали активных участников восстания, объявляли разверстки.

80 **Гуляевская ул.** – ныне ул. Романова.

81 **Вокзальный район** – ныне Железнодорожный район Новосибирска.

82 **Закаменский район** – ныне Октябрьский район Новосибирска.

83 **Сырцов Сергей Иванович** (1893–1937) – советский партийный и государственный деятель, третий председатель СНК РСФСР (1929–1930). В 1926–1929 гг. – секретарь Сибирского крайкома ВКП(б).

84 **Эйхе Роберт Индрикович** (1890 – 1940) – советский государственный и партийный деятель, революционер, делегат 3-го конгресса Коминтерна (1921), кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) (с 1935 г.), член ЦИК СССР (1937). В 1925 – 1929 гг. – председатель Сибкрайисполкома, в 1929 – 1937 гг. – первый секретарь Сибирского (с 1930 г. – Западно-Сибирского) крайкома ВКП(б). Один из организаторов репрессий. Входил в состав особой тройки НКВД СССР. Репрессирован в 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР в 1956 г.

85 **Петин Николай Николаевич** (1876–1937) – русский и советский военачальник, командующий войсками Сибирского военного округа (1921–1923), командующий войсками Западно-Сибирского военного округа (1923–1924), командующий Сибирским военным округом (1925–1928).

86 **Громов Игнатий Владимирович** (настоящая фамилия Мамонов, 1884–1971) – русский революционер, большевик, борец за Советскую власть в Сибири, один из руководителей красных партизан в годы Гражданской войны на Алтае. Первым получил звание «Почетный гражданин города Новосибирска» (1967).

87 **Шевелев-Лубков Василий Павлович** (настоящая фамилия Шевелев, 1892–1938) – ветеран и герой Первой мировой войны, командующий партизанской армией Марининского, Кузнецкого и Щегловского уездов Томской губернии, насчитывавшей около 8 000 человек. Один из первых кавалеров ордена Боевого Красного Знамени. Репрессирован в 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован Красноярским крайсудом в 1958 г.

88 В 1923 г. 70-й отдельный пехотный дивизион войск ОГПУ, расквартированный в Новосибирске, преобразован в 9-й отдельный Сибирский стрелковый полк ВОГПУ. П.Е. Щетинкин служил в 9 полку ОГПУ в период 1924 – 1926 гг.

89 **Виньке К.И.** – комиссар 9 Сибирского полка ОГПУ в 1924–1925 гг.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АХО – административно-хозяйственный отдел
- ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
- ВОХР – войска внутренней охраны республики НКВД СССР
- ВПО ГВО – военно-пограничный отдел государственной внутренней охраны Монголии
- врид – временно исполняющий должность
- ВСВО – Восточно-Сибирский военный округ
- Всероглавштаб – Всероссийский главный штаб
- Губисполком – губернский исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов
- ДВР – Дальневосточная республика
- и.д. – исполняющий должность
- ДК – Дом культуры
- комкор – командир корпуса
- КРО – контрразведывательный отдел
- КУВНАС – курсы усовершенствования высшего военного и начальствующего состава
- лётартдив – лёгкий артиллерийский дивизион
- начхоз – начальник хозяйственной части
- НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
- НКВД – Народный комиссариат иностранных дел
- ОГПУ – объединенное государственное политическое управление при Совете Народных Комиссаров СССР
- Окрисполком – окружной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов
- Окружком ВКП(б) – окружной комитет ВКП(б)
- ПП ОГПУ – полномочное представительство объединенного государственного политического управления
- продфураж – продовольствие и фураж
- РВС – Революционный военный совет

РВСР – Революционный Военный Совет Республики

рик – районный исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия

РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)

РСФ – распорядительная станция фронта

Сиббюро ЦК РКП(б) – Сибирское бюро ЦК РКП(б)

СибВО – Сибирский военный округ

Сибкрайисполком – Сибирский краевой исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

Сибкрайком ВКП(б) – Сибирский краевой комитет ВКП(б)

Сибосоавиахим – Сибирское отделение общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству

Сибревком – Сибирский революционный комитет

СКИК – Сибирский краевой исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

Средазбюро ЦК РКП(б) – Среднеазиатское бюро ЦК РКП(б)

ст. – станция

Уисполком – уездный исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

уком – уездный комитет

ЦИК – Центральный Исполнительный комитет

ЦК – Центральный комитет

ЧК, чека – Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем

штакор – штаб корпуса

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Часть 1. Воспоминания	
№ 1 «Партизанские действия в южной части Енисейской губернии». Воспоминания Петра Ефимовича Щетинкина, одного из руководителей советского партизанского движения в Енисейской губернии.	10
№ 2 «Бой у деревни Яново». Воспоминания Замураева, адъютанта П.Е. Щетинкина, опубликованные в газете «Советская Сибирь»	32
№ 3 Воспоминания Савельева, Кротова, Тришкиной о П.Е. Щетинкине, опубликованные в газете «Советская Сибирь» с аншлагом «Партизаны о своем вожде»	34
№ 4 Воспоминания Петра Федоровича Черкашина, бойца партизанской армии А.Д. Кравченко – П.Е. Щетинкина	36
№ 5 «Ординарец главкома [А.Д. Кравченко]». Воспоминания Сидора Логиновича Карасева, бойца партизанской армии А.Д. Кравченко – П.Е. Щетинкина	66
№ 6 «Производство оружия и пороха в тайге в период борьбы с колчаковщиной». Воспоминания Сидора Логиновича Карасева, бойца партизанской армии А.Д. Кравченко – П.Е. Щетинкина	68
№ 7 «Сибирский Мелье. Автобиографический очерк». Воспоминания В.И. Головина, бывшего священника, о П.Е. Щетинкине и своем участии в партизанском движении	72
№ 8 Стенограмма воспоминаний Вассы Андреевны Щетинкиной о муже П.Е. Щетинкине и его участии в партизанском движении в 1918–1919 гг.	82
№ 9 Стенограмма воспоминаний Клавдии Петровны Щетинкиной об отце П.Е. Щетинкине.	87

Часть 2. Документы

№ 10

Донесение начальника Ачинской уездной милиции
управляющему Енисейской губернией
о неудачном розыске П.Е. Щетинкина и его отряда90

№ 11

Указание политического управляющего Енисейской губернией
управляющему Ачинским уездом о принятии мер
в связи с формированием отряда П.Е. Щетинкина90

№ 12

Донесение начальника Ачинской уездной милиции
управляющему Енисейской губернией
с просьбой о направлении регулярных воинских частей
для задержания отряда П.Е. Щетинкина91

№ 13

Представление мирового судьи 2-го участка Ачинского уезда
в Красноярский окружной суд об опасности разъездной работы
в связи с появлением отряда П.Е. Щетинкина92

№ 14

Телеграмма Енисейского губернатора
начальнику и управляющему Ачинского района
об оказании содействия в задержании отряда П.Е. Щетинкина93

№ 15

Телеграмма Енисейского губернатора
командующему армией генералу В.И. Волкову
об оказании содействия в задержании отряда П.Е. Щетинкина93

№ 16

Протокол опроса свидетелей об отряде П.Е. Щетинкина,
составленный помощником начальника милиции
ачинского городского участка94

№ 17

Рапорт начальнику штаба Омского военного округа
о численности и дислокации отряда П.Е. Щетинкина96

№ 18

Телеграмма управляющего Мариинским уездом
управляющему Томской губернией
о прибытии 46-го стрелкового полка
для ликвидации отряда П.Е. Щетинкина96

№ 19

Из донесения управляющего Томской губернией
[Омскому департаменту милиции]
о событиях в Ачинском и Мариинском уездах
в связи с действиями отряда П.Е. Щетинкина 97

№ 20

Из письма заведующего Ново-Кусковским переселенческим пунктом
заведующему переселенческим делом Томского района
о работе в условиях «большевистского восстания»
и его последствий 99

№ 21

Из распоряжения главного штаба крестьянской армии
об аресте самозванных представителей крестьянской армии,
занимающихся поборами с населения на нужды армии 101

№ 22

Из записной книжки члена Чрезвычайного ревтрибунала
Сибири П.Е. Щетинкина о процессе над членами
правительства А.В. Колчака 102

№ 23

Мандат, выданный военным комиссаром Восточно-Сибирского
военного округа П.Е. Щетинкину, для формирования воинских частей
из добровольцев 105

№ 24

Телефонограмма начальника командиру 1-го Енисейского
партизанского полка П.Е. Щетинкину
о выделении батальона в распоряжение 3-го Западно-Сибирского
добровольческого полка 105

№ 25

Предписание командира 67-й Сибирской стрелковой бригады
П.Е. Щетинкину о назначении командиром
3-го Сибирского стрелкового полка 106

№ 26

Донесение командира 3-го Западно-Сибирского добровольческого
стрелкового полка П.Е. Щетинкина командиру и военному
67-й стрелковой бригады о вступлении в командование полком 106

№ 27

Доклад командира 3-го Западно-Сибирского добровольческого
стрелкового полка П.Е. Щетинкина комбригу и военному
67-й стрелковой добровольческой стрелковой бригады
о диспозиции полка 107

- № 28
Мандат, выданный командиру 21-го Сибирского стрелкового полка
П.Е. Щетинкину для участия на VIII Всероссийском съезде Советов107
- № 29
Донесение командира 21-го Сибирского
стрелкового полка П.Е. Щетинкина
комбригу 7-й бригады 3-й стрелковой дивизии
о передаче командования полком108
- № 30
Доклад командира экспедиционного отряда П.Е. Щетинкина
в Реввоенсовет 5-й Красной Армии
о ликвидации отряда барона Унгерна108
- № 31
Приложение к докладу П.Е. Щетинкина
о «ликвидации бел[ых] банд Унгерна»117
- № 32
Обращение П.Е. Щетинкина к жителям Ачинского уезда
с призывом оказания помощи голодающим Поволжья120
- № 33
Удостоверение Сиббюро ЦК РКП(б), выданное П.Е. Щетинкину
как направленному в распоряжение Енисейского губкома РКП(б)121
- № 34
Памятный адрес Новониколаевского губкома РКП(б),
губисполкома и губпрофсовета П.Е. Щетинкину
в честь пятой годовщины РККА122
- № 35
Автобиография П.Е. Щетинкина, начальника штаба
Сибирского пограничного округа войск ГПУ123
- № 36
Удостоверение полномочного представительства ОГПУ по Сибири,
выданное П.Е. Щетинкину как командированному
на съезд начальников частей пограничной охраны
и инспекторов войск ОГПУ125
- № 37
Удостоверение полномочного представительства ОГПУ по Сибири,
выданное П.Е. Щетинкину как командированному
в Иркутскую губернию для ликвидации бандитизма125

№ 38

Краткие сведения о прохождении службы в Красной Армии слушателя курсов усовершенствования высшего начальствующего состава РККА при Военной академии РККА имени М.В. Фрунзе Щетинкина Петра Ефимовича. 126

№ 39

Предписание полномочного представительства по Сибири ОГПУ СССР начальнику части пограничной охраны ПП ОГПУ по Сибири и командиру 9-го Сибирского стрелкового полка ВОГПУ П.Е. Щетинкину о направлении его на курсы усовершенствования при Военной академии РККА 127

№ 40

Удостоверение, выданное П.Е. Щетинкину как слушателю курсов Военной академии РККА. 128

№ 41

Краткая записка о службе П.Е. Щетинкина, выпускника курсов усовершенствования высшего начальствующего состава РККА при Военной академии РККА имени М.В. Фрунзе 128

№ 42

Удостоверение государственной внутренней охраны Монголии, выданное П.Е. Щетинкину как инструктору военно-пограничного отдела, командированному в пограничную полосу Монголии 132

№ 43

Телеграмма представителя ОГПУ Я.Г. Блюмкина полномочному представителю ОГПУ по Сибири Л.М. Заковскому об отправке тела П.Е. Щетинкина в Новосибирск 132

№ 44

Телеграмма председателя улан-баторской похоронной комиссии в комиссию при Сибкрайисполкоме по похоронам П.Е. Щетинкина об отправке тела П.Е. Щетинкина в Новосибирск 133

№ 45

Протокол № 1 заседания комиссии при Сибкрайисполкоме по проведению похорон П.Е. Щетинкина 133

№ 46

Протокол заседания президиума Сибкрайисполкома об организации похорон П.Е. Щетинкина 135

№ 47

Телеграмма председателя комиссии при Сикрайисполкоме по похоронам П.Е. Щетинкина в окрисполкомы Иркутска, Тулона, Красноярска, Ачинска, Томска, Канска об организации встречи поезда с телом П.Е. Щетинкина.136

№ 48

Радиограмма председателя комиссии при Сикрайисполкоме по похоронам П.Е. Щетинкина о формировании делегации партизан для участия в похоронах П.Е. Щетинкина136

№ 49

Телеграмма председателя комиссии при Сикрайисполкоме по похоронам П.Е. Щетинкина в окрисполкомы Барнаула, Камня, Минусинска о сборе партизанских знамен на похороны П.Е. Щетинкина137

№ 50

Телеграмма председателя комиссии при Сибкрайисполкоме по похоронам П.Е. Щетинкина в Иркутский окрисполком о подготовке венков на гроб П.Е. Щетинкина137

№ 51

Телеграмма председателя комиссии при Сибкрайисполкоме по похоронам П.Е. Щетинкина в Иркутский окрисполком о возложении венка на гроб П.Е. Щетинкина137

№ 52

Протокол № 2 заседания комиссии при Сибкрайисполкоме по проведению похорон П.Е. Щетинкина138

№ 53

Материалы, опубликованные с аншлагом «На похороны Щетинкина съедутся 150 партизан» в газете «Советская Сибирь»139

№ 54

Статья В.Д. Вегмана «Щетинкинцы», опубликованная в газете «Советская Сибирь».140

№ 55

Протокол № 3 заседания комиссии при Сибкрайисполкоме по проведению похорон П.Е. Щетинкина143

№ 56

Телеграмма председателя Верхнеусинского райисполкома Евсеенко в комиссию при Сибкрайисполкоме по проведению похорон П.Е. Щетинкина об инициативе граждан Верхне-Усинска по сбору средств на постройку самолета имени П.Е. Щетинкина.144

№ 57

Подборка статей, опубликованных с аншлагом
«Тело т[оварища] Щетинкина привезено в Новосибирск»
в газете «Советская Сибирь» 144

№ 58

Телеграмма участника партизанского движения Баталова
в Сибкрайком ВКП(б) с соболезнованиями
по случаю смерти П.Е. Щетинкина 147

№ 59

Подборка статей, опубликованных с аншлагом
«Похороны тов[арища] Щетинкина»
в газете «Советская Сибирь» 148

№ 60

Протокол № 4 заседания комиссии при Сибкрайисполкоме
по проведению похорон П.Е. Щетинкина 152

№ 61

Отчет заведующего хозяйственно-материальным подотделом
Сибкрайисполкома в комиссию при Сибкрайисполкоме
по организации похорон П.Е. Щетинкина о расходовании
денежных средств на похороны П.Е. Щетинкина 153

№ 62

Протокол № 5 заседания комиссии при Сибкрайисполкоме
по проведению похорон П.Е. Щетинкина 154

ББК 63.3(2)612,8
УДК 94(47+57)
Щ 70

П. Е. Щетинкин (1884–1927).
Материалы к биографии.

Подписано в печать 15.12.2021.
Формат 170 x 240. Бумага офсетная 65 г/м²
цветные вставки бумага мелованная 130 г/м²
Тираж 190 экз.

Отпечатано в ООО «Альфа»
г. Новосибирск, ул. Шишкина, 3
тел.: +7-913-911-14-58

ISBN 978-5-6044353-3-5

9 785604 435335